

Лабрум

Дневниковые записи и фотографии середины – конца двадцать первого века с территории восточно-европейской зоны отчуждения (“Лабрум”). Материал опубликован в рамках второй международной научно-практической конференции “Стратегии развития и методология современной исторической науки”.

Данный материал может иметь археологический интерес для исторической науки, поэтому текст публикуется дословно и к нему прилагаются копии всех найденных с ним фотографий. Текст представляет собой дневниковые записи журналиста, проникшего на закрытую территорию, фотографии же сделаны местным жителем. Дневник был найден в виде рукописи на бумажных носителях разного размера и качества, все листы пронумерованы и каталогизированы, хранились в нескольких полиэтиленовых пакетах. Из-за неблагоприятных условий хранения и невысокого качества бумаги некоторые листы разрушены частично или полностью, фотографии же сохранились очень хорошо, так как были герметично упакованы плотной полиэтиленовой пленкой. Начало дневника утеряно полностью, вследствие этого невозможно установить точную дату проникновения на закрытую территорию, также в нем отсутствуют и данные об авторе, но личность его удалось установить, вероятнее всего, это Кристоф Раух, немецкий журналист. Кристоф Раух (от рождения Леонид Шабловский) – по национальности этнический белорус, родился в две тысячи тридцать втором году в городе Минске (в то время – столица Республики Беларусь, чуть позже – территория бывшей Объединенной Руси, сейчас – зона отчуждения), из-за известных событий, произошедших там, эмигрировал вместе с семьей в возрасте шести лет в Германию (Берлин), после смерти отца сменил имя и фамилию, работал журналистом в немецкой газете “Цайт”.

Информация, которую можно почерпнуть из этого материала, не является сколь-нибудь эксклюзивной, более того, она и не полностью достоверна, но все же многие факты, в нем описываемые, сейчас нашли свое подтверждение, общеизвестны историкам и общедоступны. Однако при всем этом материал представляет большой интерес как сведения от непосредственного участника, очевидца. Возможно, он поможет как-либо активизировать работу историков, поскольку за последнее время не было проведено достойных и серьезных исследований, касающихся восточно-европейской зоны отчуждения, а информации стало доступно существенно больше. Прикрепленные фотографии окажутся, несомненно, полезными в научной работе, в силу того, что имеется крайне мало хорошо сохранившихся снимков с закрытой территории. Кроме того, оригиналы фотографий представляют также и культурную, художественную ценность, что подтверждено соответствующими специалистами.

Следует отметить, что публикация дневника не нарушает прав личности и моральных норм, так как записи не носят личного и интимного характера.

Как уже было указано выше, некоторые страницы дневника утеряны, некоторые не удалось восстановить, прочесть, поэтому часть текста отсутствует. Такие фрагменты обозначены символом “[...]”.

Дневник

[...]

Я решил вести рукописный дневник уже постфактум, после того как попал на закрытую территорию. Несколько часов назад мне удалось невероятными усилиями пересечь границу, которая, к слову, очень хорошо охраняется. Изначально планировался видеорепортаж, но камера вышла из строя, точнее даже не включилась вовсе. Конечно, я предусмотрел, что камера может быть сломана или утеряна при пересечении границы, и взял запасную, компактную. Но не работает и она... Возможно, удастся починить хотя бы одну из двух камер, хотя в этом я очень сомневаюсь, потому что помимо этого не работает вообще никакая электроника, которая есть у меня с собой: ноутбук, спутниковый телефон, навигатор, фотоаппарат, диктофон, радиационный дозиметр. Из всего пока работают лишь наручные электронные часы, но, по-видимому, и они испорчены, так как стали явно отставать. Поэтому не смогу указывать точное время записей и событий. Выше указана дата, когда я выехал из Берлина, сейчас уже пошел четвертый день моей экспедиции (сутки добирался до границы, двое суток пришлось ждать удобного момента, только сегодня рано утром чудом удалось прорваться). С собой есть небольшая записная книжка и немного другой бумаги (некоторые документы, карты, бумага для гигиенических нужд), пока буду вести записи на том, что есть, максимально экономно. Дневник намерен вести с той же целью, с которой планировалось снимать видео. [...] Известно несколько десятков случаев проникновения людей на территорию зоны, но, насколько я знаю, никому еще не удалось вернуться или им вернуться не дали, по крайней мере достоверных свидетельских показаний об этом нет. Полученная мной информация, пусть лишь и в форме рукописного дневника, окажется крайне важной для интересующихся и небезразличных людей.

[...]

В узких кругах эту закрытую территорию называют сейчас “Лабрум” (Labrum). Это название предложил профессор Дорнер, и оно заменило официальное кодовое обозначение территории. Как известно, любые самовольные исследования темы, распространение информации, публичные обсуждения и тому подобное запрещено, что вот уже многие годы вызывает недовольство в академической среде, так как это определенно нарушает свободу слова и право на свободное получение знаний. Но в Германии, как и в подавляющем большинстве стран мира, тема Лабрума относится к сфере государственной безопасности, что позволяет пресекать любые действия без объяснения причин. Конечно, подпольно информация передается, есть интересующиеся, тема изучается, однако до сих пор нет главного – хоть каких-либо сведений очевидцев непосредственно с территории Лабрума. Профессор Дорнер (это псевдоним, настоящее имя по понятным причинам здесь я указать не могу) является одним из наиболее осведомленных людей в этой области и вообще негласным руководителем научного подполья. Именно встреча и разговор с ним во многом и сподвигли меня отправиться в зону, в Лабрум. По мнению профессора, необходимо чтобы была полностью рассекречена

информация о катастрофе и о том, что сейчас происходит на пострадавшей территории. Это позволит открыть глаза человечеству или хотя бы европейцам на неоспоримую пагубность стремительного развития технологий, в первую очередь в военной сфере. Человек уже не может угнаться за темпом им самим запущенного прогресса, не поспевает осмыслить его результаты, а если еще и использует эти результаты для войны, то сам же себе роет могилу. История человечества много раз доказывала, что невозможно построить мировое демократическое, свободное общество, если у кого-то из этого общества эксклюзивно есть оружие массового поражения, оружие способное уничтожить в один миг все живое на Земле. В то же время демократия невозможна и без свободы информации, что в последнее время попирается особенно часто.

Когда в начале – середине двадцать первого века чрезвычайно усилился так называемый научно-технический прогресс, началось стремительное развитие технологий, это воспринималось как безоговорочное благо, развитие человека. Но насколько быстро развивалась наука, настолько же быстро деградировал человек. Прежде всего морально, нравственно, духовно (хотя эти определения уже устарели, но другие сложно подобрать). Современного человека в целом можно охарактеризовать как эгоиста, потребителя, лентяя, равнодушного, алчного, злого. [...] Нам так долго твердили о ценности отдельного человека, личности, что каждый стал ценить себя, свою волю только в одностороннем порядке, есть “я”, но нет “мы”. Такое понятие, как толерантность, утрачено напрочь, и [...]

Я родился в стране, которой на политической карте сейчас уже не существует – в Республике Беларусь. Через два года после эвакуации нашей семьи территория страны вошла в состав образовавшейся Объединенной Руси. Сейчас это закрытая территория, зона отчуждения. Поэтому у меня нет родины... Кто в этом виноват? Виновны и те, и другие, и третьи, виновны все! Преступный режим сформировал ОР, но разве не таким же преступлением было допустить это. Теперь же никакими переговорами, уговорами, перемириями, рукопожатиями не удастся снизить градус постоянной напряженности. Нет войны, но нет и согласия. Однако касаясь того, что я писал выше о торможении развития человека – здесь полнейший паритет во всем мире...

[...]

Лабрум с самого начала официально представляют лишь как территорию пострадавшую в результате экологической катастрофы, хотя ни разу ее причины названы не были. Есть вот такое место в центре Европы, там произошла некая авария, жить там нельзя – и все... А что, почему, как?.. Нельзя, секретно, запрещено...

[...] так почему же большинству все это безразлично, они не хотят об этом думать, откуда это добровольное самоограничение, изолирование в себе.

Да, я рискую, наверное очень сильно рискую, возможно здесь действительно опасно находится, возможно радиация, все кругом отравлено, но не вижу другого пути для себя. И вообще, моя смерть не принесет никому большого горя.

День 4, вечер.

Я буду двигаться пешком вглубь территории по направлению к бывшей столице Беларуси – Минску, ориентируясь по бумажным картам и магнитному компасу (работает нестабильно: иногда стрелка начинает дребезжать и совершать хаотичные колебания).

Лучше было бы, разумеется, с цифровым навигатором, по картам могу что-нибудь напутать, заблудиться, но выбирать не приходится, буду стараться быть внимательнее. Почему направляюсь в Минск? Потому что из имеющихся сведений профессора Дорнера это единственное место в Лабруме, где еще живут люди, мне нужны свидетели.

На расстоянии пяти – семи километров от границы начал проявляться рыжий туман и чувствоваться запах металла (привкус во рту), что подтвердило имеющуюся информацию. Туман – нечто вроде очень мелкой пыли, неразличимой глазу, имеет оранжевый оттенок, становится плотнее по мере удаления от границы, скрывая небо и диск солнца. Какую природу он имеет – непонятно, нет возможности это определить, предположительно – что-то химическое, какое-то испарение, загрязнение или подобное. Известно, что он не смертелен, не вызывает мгновенной смерти, но не исключено, что ядовит и может отравлять организм.

Пока свидетельств жизнедеятельности людей не видно совсем, практически сразу у границы начался густой смешанный лес. Растительность дикая, буйная, тем более сейчас лето, зелени очень много, не замечено признаков мутации или увядания. При этом животный мир, судя по всему, скуден, за сегодняшний день мне попало на глаза всего несколько небольших птиц, насекомых тоже мало (в основном мухи и гнус).

День 5, утро.

Ночью было очень не по себе, скажу прямо – страшно, так и не уснул. Хоть морально готовился к тяжелым условиям, но в таком дремучем лесу, без людей, а их не встречу еще долго (встречу ли вообще?), одолевает жуть. Когда стихает ветер, то наступает глухая тишина, не слышно никаких посторонних звуков, словно животных нет абсолютно, ни шабуршания, ни кваканья, ни чириканья, ничего такого, даже комары не звенят, а ведь лес – должны быть. Не знаю, дикие животные, конечно, опасны, но вот такая глухая тишина еще страшнее. Днем хотя бы есть эти мелкие птицы, иногда муха прожужжит, а к вечеру все совершенно затихает – и ты один, может на сотни километров. Испытываю колоссальное нервное напряжение, кажется, на фоне этого появляются галлюцинации. Как будто что-то огромное наблюдает за мной, может быть это лес, может быть тут все же есть какое-то скрытое видеонаблюдение.

День 5, вечер.

Продолжаю путь в столицу. Из-за густой растительности это делать тяжело, дорог нет, они совсем заросли, строения тоже отсутствуют, точнее они полностью разрушены, только остатки. Рыжий туман оседает мельчайшей пылью на железных деталях и конструкциях, которые, правда, встречаются крайне редко, на других поверхностях осадка не обнаружено. Пыль оседает заметно, то есть визуально видно, как она постоянно оседает на металл, необычное явление, подобного ранее не видел, но с металла, очевидно, пыль испаряется, потому что толщина слоя обычно небольшая и постоянная, а должно ее быть огромное количество при таком постоянном движении.

Наверное, стоит рассказать, как проник в Лабрум, довольно остросюжетная и детективная история. [...] и вот мы уже увидели Стену, если бы не Майер, не представляю, как бы мы преодолели посты десятикилометровой, а тем более пятикилометровой зоны. Стена по-настоящему огромна, ее высота не меньше двадцати

метров, с семиэтажный дом, это глухой бетонный забор по всему периметру зоны, вверху есть довольно массивный карниз, он свисает как губа, каждые пятьдесят-семьдесят метров на конце стены торчат прутья, длинные штыри, вероятно, они формируют магнитное поле там наверху (дополнительная защита и сигнализация). Сейчас мы втроем передеваемся в форму наших пограничников, Майер прощается и идет назад подчищать за нами следы. Направляемся к русским пограничникам. По легенде в пятикилометровой зоне постоянно что-то движется и мы, пограничники Альянса, хотим узнать нет ли с их стороны каких-либо необоснованных действий или это всего лишь дикие животные. [...] я бегу со всех ног, чтобы догнать поезд, это единственный шанс, не догнать его сейчас – значит все испортить, провалить, когда только на то, чтобы узнать время отправления состава, было потрачено несколько месяцев работы десятка людей. [...] Вот он мост, сейчас за поворотом поезд начнет набирать скорость, мешкать нельзя. Прыгаю, скатываюсь по обрыву, еле успеваю остановиться, чтобы не свалиться в реку.

День 6.

Появляются сомнения, смогу ли пешком дойти до Минска... Продуктов мало, есть здесь нечего, если бы была осень, то можно было бы поискать каких-то фруктов, ягод, грибов, но сейчас не сезон.

Сегодня проходил через город (это бывший Гродно) – полнейшее запустение. Почти все разрушено, редко встречаются остатки зданий, да и то не более одного – двух этажей, похоже, разрушали специально и тщательно, укатывали катками. Если не знаешь – никогда не скажешь, что здесь был довольно большой город, по сути, сейчас это уже просто лес. Что удивляет – там нет никакого мусора кроме строительного, есть битый кирпич, бетон, стекло, железо (железных конструкций мало), а бытового ничего нет, остатков мебели, интерьера, бумаги, пластика, одежды, каких-нибудь вещей – ничего этого нет. Я надеялся найти что-нибудь полезное, например бумагу, картон или что-то такое, но бумажного мусора не было вообще, ни кусочка, ни обрывка. Как будто античный ископаемый город...

Думал заночевать в городе, найти более-менее сохранившиеся руины, но, когда начало темнеть, там оказалось еще более жутко, к лесу я хоть немного уже привык, хотя и город-то весь зарос, но все равно в нем ощущалось давление какой-то прошлой беды, катастрофы. Кстати, в Гродно я никогда раньше не был, сейчас вот первый раз...

День 7.

Есть надежда на дорогу, выходящую из Гродно. Единственная пока дорога, по которой может передвигаться транспорт. Километрах в тридцати от города дорога стала еще лучше, за ней явно следят, она не заросла, еще осталось асфальтовое покрытие. Надеюсь, здесь можно встретить транспорт. Направление дороги на восток, буду идти по ней.

День 8.

Продолжаю идти по дороге. Продукты на исходе, совсем мало воды.

День 9.

Опять одолевают сомнения по поводу целесообразности всего замысла. Если я не встречу какой-либо транспорт, то не смогу добраться до Минска, я не дойду, не хватит пропитания и сил.

Сегодня утром был небольшой дождь, поднялся ветер. Странно, но ни дождь, ни порывистый ветер никак не повлияли на туман, следовательно, это не просто пыль. Ухудшения моего физического состояния, здоровья пока не наблюдается, ничего такого я не ощущаю. Хотя нет, появился несильный кашель, но это, скорее всего, обычная простуда, все-таки ночью на открытом воздухе, а признаки простуды были еще до отправления сюда.

Не знаю, может, надо было просто жить, зачем мне все это нужно, тем более ради кого... Если сейчас я погибну, так ничего и не узнав, то какой смысл всех этих усилий, стремлений и всей этой философии о человеке. В таком случае живя обычной обывательской жизнью, я бы принес больше пользы. Мне всего тридцать семь, еще можно помириться с Гретой, мы могли бы иметь детей. Что уж такого я здесь хочу найти? Доказательств бесчеловечности, преступлений, какого-то всеобщего греха? Так этого хватает и без Лабрума, этого уже столько накопилось, что давно прет через край. Или может наоборот, я хочу встретить тут каких-то высокородных людей, новую расу? Ага, да, которые, еще и по воздуху летают, в драконов превращаются – смешно и грустно... Вполне возможно, что мне встретятся только еле живые и умственно отсталые доходяги, если тут вообще есть люди, информация может ведь и не подтвердиться. По поводу растительности утверждалось, что она “вероятнее всего хилая, мутировавшая, вымирающая”, а тут вот такие заросли... По-моему, я начинаю понимать этих обывателей, которых сам же и ругал: живи себе спокойно да и все, главное меньше думай о смыслах, а больше о пользе и не делай никаких выводов. Если вот так вот подумать, взять и людям от рождения оставлять только часть мозга, ту малую часть, что отвечает исключительно за жизнедеятельность, насущные вопросы, так, может быть, тогда мы будем счастливее, животные, обезьяны те же, наверное всегда счастливы. Может быть, наша мыслительная работа, наш разум человеческий – это всего лишь рудимент, так сказать, ошибка природы?

День 11.

Надежды нет. Сложившаяся ситуация не сулит ничего хорошего. Похоже, это смерть. Зачем?

День 12.

Наконец хоть какие-то изменения, пожалуй, еще не все кончено. Стали появляться примыкающие дороги, по которым, судя по всему, иногда ходит транспорт, они почищены, убраны, асфальт стал лучше. Сократил до минимума питание и особенно потребление воды, запасов катастрофически мало. Привык к лесу, вообще-то в нем спокойно, безмятежная вечность, прошлую ночь спал смело и отлично выспался. Туман все плотнее и плотнее, более рыжий, до сих пор не могу охарактеризовать его, как будто воздух окрашен матовой краской.

День 13.

Дорога, по которой шел все эти дни, вывела на более широкое шоссе, здесь точно должен ходить транспорт.

[...]

Все же грузовик остановился. Сначала я впал в ступор, стоял и не решался подойти – что же меня ждет и что я увижу... Пересилил себя, подошел, открыл пассажирскую дверь, в кабине сидел вроде самый обычный человек, мужчина лет сорока. Я несколько растерянно спросил, может ли он меня подвезти. Водитель, не поворачиваясь и не смотря на меня: “Куда?”

Я: “До Минска”.

Он: “До города?”

Я: “Если вам по пути, то до города, да”.

Он, медленно, с расстановкой: “Садитесь. Но вы должны понимать, что я нарушаю должностную инструкцию, подбирая попутного пассажира и вообще останавливаясь по пути”.

Мы поехали. Я решил не лезть с расспросами, не задавать лишних вопросов, боялся, что высадит вдруг, все-таки он несколько странный. И не понял его ответа, что он имел в виду, на что намекал, платить ему нужно или что... Дорнер оказался прав, люди здесь есть, и не мутанты. Водитель смотрел только вперед, на дорогу, двумя руками держа руль, не совершал никаких лишних движений, кроме управления машиной, и не проявлял ни малейшего интереса ко мне. Машина, к слову, была с двигателем внутреннего сгорания, что меня, конечно, удивило, на транспорте такого вида и конструкции передвигались в мое детство, в Германии такие только в музеях. Находясь в некотором напряжении, я украдкой, аккуратно рассматривал водителя боковым зрением. Он показался мне вполне обычным человеком, уж точно не мутант – мужчина в рабочем комбинезоне, ну а то, что молчит – ну мало ли, может просто характер такой. Что-нибудь спросить сначала опасался, да и не знал с чего начать. Какое-то время так вот молча и ехали, скорость небольшая, я уже и забыл, когда передвигался на транспорте с такой скоростью. Но хотелось хотя бы узнать, сколько ехать, осмелился спросить: “До Минска по времени долго?”

Он: “До города? А вам зачем?”

Что значит “зачем?” – я опять не понял его ответа...

Я: “Ну в смысле долго еще до города ехать?”

Он: “До закрытия продовольственных отделов успеем. А так если, то где-то полтора часа или два”.

Больше вопросов я не задавал, потому что его было не понять.

Хорошо, что обнаружили люди, что это подтвердилось. И что есть Минск (по всей видимости, это тут единственный город). Биологически эти люди, судя по водителю, ничем не отличаются от нас, психологически – еще вопрос, вступить в контакт толком не удалось. Кстати, чуть не забыл, такой момент, когда грузовик остановился, и я, после ступора этого своего, открыл дверь и заговорил, то по привычке, неосознанно начал по-немецки, несколько фраз успел сказать, пока опомнился, но водитель никак не среагировал на немецкий, просто сидел, не поворачиваясь, когда же я стал говорить по-русски, то проявил внимание (хотя так и не повернулся), потом ответил, то есть его несколько не удивил иностранный язык.

Мы все так же ехали и молчали. По времени, насколько я мог прикинуть ориентировочно, уже должен скоро был показаться Минск. Я подумал, что лучше сразу не ехать в сам город, а выйти за городом, осмотреться сначала с окраин, ведь совсем даже не знаю как себя вести и что там у них за общество. Натянуто улыбаясь, обратился к водителю с просьбой: “Можно меня высадить, не доезжая города километра три?”

Он: “Почему? Учтите, я нарушил инструкцию, подобрав вас, и не спрашивал, что вы там делали и почему пешком. И нарушать ее второй раз не собираюсь”.

Тут я немного начал понимать его логику и уже без улыбки, дерзко ответил: “У меня тоже инструкция, но я не могу вам ее раскрыть”.

Он: “Надо было сказать сразу. Хорошо, я остановлюсь”.

Минут через двадцать он остановился, сказал только: “Три километра до города”. Я ничего не сказал ему в ответ (не знал, что сказать, нужно ли благодарить) и вылез из машины. Когда вылез, обратил внимание, что водитель первый раз за все время немного повернулся в мою сторону и косился на мой рюкзак, показалось – он его боялся.

Минска пока еще не было видно и слышно, только густой, дремучий лес по-прежнему властвовал и теснил полотно дороги. Пошел ближе к городу, решил остановиться где-нибудь в километре от него. По пути мне встретилось несколько машин (три) и один автобус, очевидно, такой же старой конструкции, с двигателями внутреннего сгорания. Сойдя с дороги метров триста (чтобы не было заметно дыма от костра), выбрал себе в лесу место поукромнее, на небольшой светлой полянке, окруженной кустарником, разбил лагерь.

Буду ждать ночи и, как стемнеет, пойду к городу осмотреться. Но присматриваться долго не получится, в ближайшем будущем могу остаться голодным, так что надо действовать.

Сейчас думается, что не стоило описывать дорогу до Минска, бумага тоже может вскорости кончиться, а где тут ее искать потом, мусора все так же абсолютно никакого нет, хотя сложно выбирать, выделять какие-то события, отдельные мысли, определить что важнее, проще просто записывать все подряд, что кажется нужным или пришло в голову. Еще принял решение дальше писать не в прошлом времени, вспоминая, что было, а в настоящем, так мне проще воспроизводить события из памяти, хотя иногда и в прошлом лучше, в общем, стилистической грамотности не придаю большой значимости, важнее передать суть. И далее не буду обозначать “День номер” и время суток, а просто писать число, которое будет указывать количество суток, прошедших с момента начала моей экспедиции в Лабрум.

14.

Вот он город. По периметру, где кончается лес – начинается насыпь, довольно высокая, метров десять – пятнадцать, земляной вал, вероятно, идет кольцом вокруг всего города, поэтому отсюда я вижу лишь освещенное небо и слышу шум транспорта. Но город там, он существует! Вчера дошел только до этого вала, побоялся, что насыпь для охраны и может сработать сигнализация или заметят следы, если лезть. Однако лезть все равно надо, дождался вечера, чтобы, набравшись смелости, сделать вторую попытку. Еще немного постою и рискну. В сам город пока не пойду, не сегодня точно, на сутки провизии должно минимально хватить, лучше как следует осмотреться. Воду же

приловчился добывать из луж и небольшого озера (большая лужа) в лесу – отравления не наблюдается, а другого выбора, чем утолять жажду, попросту нет. В озере удалось даже слегка искупаться, ополоснуться. Вода на первый взгляд и вкус обычная, ожидаемо чуть пахнет болотом, других посторонних привкусов не ощущаю. Заметил, что над озером туман слегка плотнее и есть едва уловимое восходящее движение, но на воду пыль не оседает, никаких инородных частиц в ней не видно, кроме песка и обычного лесного мусора (отфильтровываю это через фильтр, сделанный из рубашки).

[...]

Лезу на этот вал,

[...]

Хорошо, что я не среагировал на оклик! Почти уверен был, что это охрана, что меня заметили. Лежал, уткнувшись лицом в землю, и ждал выстрелов. Но их не последовало, голоса удалялись... Поднял голову: это была компания молодых людей, два парня и две девушки, они пришли со стороны города, перелезли насыпь и пошли в лес. Почему-то у меня в голове сложилось такое ощущение, что люди из города не могут выходить в лес, покидать границу города, не знаю, почему так подумал, и вот из-за этого был невнимателен, а сейчас еще волнуюсь за свои вещи там в лесу, особо ведь не прятал, да и костер, наверное, еще дымит. Правда, они направились левее моего лагеря. [...] после вала метров триста – пустырь, и дальше начинается непосредственно город. Лежу, смотрю на город, отсюда все неплохо просматривается. Картина в чем-то мистическая. Вот он какой, он есть, здесь живут люди! Бетонный, ровные одинаковые дома, семи-, девяти-, двенадцатипятиэтажные; деревьев нет, газонов тоже не замечаю отсюда; он не бурлит, как наши мегаполисы, очень тихий, движение есть, но транспорта и людей не много; все как-то заторможено, машины движутся медленно, люди идут медленно, причем ходят они несколько прямоугольно, будто по четко заданному маршруту; есть светофоры, дорожная разметка, но не видно вывесок магазинов, чего-нибудь такого, рекламы; сейчас уже темнеет и в окнах появляется тусклый желтый свет. Серый бетон, черный асфальт, и все это покрывает рыжий туман, который тут кажется еще плотнее. Какое-то неторопливое, сонное существование, погруженное в ржавое болото. И пахнет тухло, вроде по-болотному, но не так, как в лесу, запах ближе к химическому, чем к природному.

15.

Раньше боялся леса и одиночества, теперь боюсь людей, а в лесу наоборот чувствую защиту. Ночью почти не спал, прислушивался, ждал, вдруг кто-нибудь идет, вдруг меня обнаружат, вдруг ищут... Может быть, зря не взял с собой никакого оружия, хоть спокойнее было бы.

Побаиваюсь идти в город. Жизнь там явно отличается от нашей, явно имеет иной уклад. Впрочем, выбора уже нет, утром с нервов доел все те крохи, что оставались, надо пополнять запасы. Сегодня останусь голодным, но еще не пойду, буду более обстоятельно осматривать с бруствера окраины города, надо определить лучшее время, наметить цели, составить план.

А вообще говоря, уже есть чувство некой победы, результата, может и промежуточного, но результата. Дошел, добрался, жив, уже видел людей, город. Это что-то невероятное, не верится в то, что видишь, словно бы другое измерение, хотя отдаленно,

в детских воспоминаниях город имеет сходство с теперешним, по крайней мере архитектура та же и транспорт из того времени.

16.

Лезу на вал. В том же месте, что и вчера, точно запомнил, где залазил, но нет моих следов, а наследил я порядочно, тем более ведь ползком. Может, все-таки это охранное укрепление. На всякий случай спускаюсь обратно и отхожу в сторону около пятидесяти метров. Вновь забрался наверх, осмотрелся: все спокойно, город по-прежнему такой же заторможенный и вязкий, внутренний склон насыпи чуть более крутой – аккуратно сползаю, чтобы не покатиться кубарем. Переживаю по поводу одежды, вдруг буду сильно выделяться. По пустырю иду быстро и пригнувшись, все-таки открытое пространство. Оглядываюсь по сторонам и назад, не привлек ли внимание, не наблюдает ли кто-нибудь, кажется, вот-вот должна раздастся сирена, и меня станут догонять, ловить. Приближаюсь к городу, вот он момент истины, сильно волнуюсь.

Ступаю на тротуар, ощущаю себя в некотором роде как астронавт на далекой, неизведанной планете, и по сюжету космического триллера сейчас ужасная, уродливая тварь внезапно должна схватить меня за ногу и потащить, и сожрать... Людей мало, в основном одеты в рабочую одежду, комбинезоны, но разные, неодинаковые, некоторые одеты вполне обычно, самая простая одежда, так что нормально, не буду так уж разительно отличаться. Здесь кругом сплошь один бетон, все каменное, ни деревьев, ни газонов, ни травы, ни клумб каких-нибудь. Улицы освещены слабо, тусклый желтый свет редких фонарей. Люди, особенно те, что в комбинезонах, похожи по поведению на того водителя грузовика: смотрят перед собой, идут целеустремленно, как по намеченному плану, не глядя по сторонам, не проявляя эмоций, как роботы из фильмов, или как зомби. Те редкие, что одеты повседневно, ведут себя более раскованно, хотя в целом тоже неторопливо, обреченно как-то. Окна домов имеют затемненные стекла, поэтому свет из них тусклый, красновато-оранжевый, но большинство зданий, по-видимому, нежилые, там нет света совсем, а вокруг них нет уличного освещения. Вывесок магазинов, табличек, указателей, рекламы – ничего этого не видно. Один серый бетон, тусклый свет и зомбоподобные жители. Я, стараясь копировать их поведение, хожу по менее освещенным тротуарам, аккуратно приглядываюсь, сегодня нужно осмотреться, что и как, ну и вообще-то важно найти еду, кушать хочется уже нестерпимо. Обратил внимание, что люди слегка покашливают, периодически, не сильно, и вспомнил сразу о своем таком же кашле, на который уже не обращал внимания – значит, это отнюдь не простуда. Кстати, здесь совершенно отсутствуют металлические конструкции, чтобы туман где-то оседал, один бетон, камень и кирпич.

[...]

Где же все-таки магазин или склад... Мне кажется, этому обществу кроме всего должно быть свойственно

[...]

и сразу пошел к этому скоплению, не просто так они толпятся. Ага, вот и первая вывеска, которую тут вижу: “Продовольственный отдел. Пункт выдачи №17”. А выше нее, над входом в этот пункт висят большие механические часы, стрелки показывают без пяти

восемь, я так понимаю, “выдача” будет, наверное, в восемь. Вот только встает вопрос: как выдают, какие деньги, может быть по спискам, по документам?..

В восемь действительно началась выдача, открыли входную дверь и люди по очереди, по пять человек, входили внутрь и выходили с набитыми сумками. Становлюсь в очередь, посмотрим там внутри, по какому принципу выдают, потому что жрать охота зверски, только и сумки-то у меня никакой нет, не предусмотрел очевидного момента – буду надеяться на удачу... Рассматриваю людей в очереди: аккуратные такие, стоят ровно, организовано, молчат, слегка как бы сонные и безразличные; но замечаю и других, несколько личностей явно отличаются от остальных: более живые какие-то, развязные, переговариваются между собой, сменяются даже, вместе с тем вид у них определенно нездоровый (мешки под глазами, припухшие лица, красноватые белки глаз). Интересно...

Вот я внутри. Это что-то наподобие магазина самообслуживания, выбираешь побыстрому что тебе нужно, а на выходе надо показать контроллеру паспорт, просто развернуть его перед ним на странице с фотографией, никто не платит, касс нет – только показать паспорт. Вот тут я с благодарностью вспомнил одного парня из нашего политического подполья, который, когда меня собирали сюда, предложил сделать фальшивый паспорт жителя Объединенной Руси. Здесь именно такие паспорта, хорошо рассмотрел на входе, когда один из отоварившихся зомби развернул свой, и повезло, что паспорт я все время носил во внутреннем кармане куртки. С сумкой тоже повезло, на прилавке с картофелем, с краю лежало несколько пустых тряпичных мешков – схватил один и принялся напихивать туда себе запасы: хлеб, картофель, яблоки, консервы, замороженная курица, зеленый лук, колбаса, конфеты, печенье. В мешок влезло бы и еще, но все из моей группы уже отоварились и выходили, я последний оставался в зале, и, дабы не привлекать внимания, не нарушать порядка, тоже пошел на контроль, хватит и этого пока. Контроль прошел легко, не сомневался, что пройду, потому что контролеры не особенно-то рассматривали паспорта, больше как формальность это было.

Возвращаюсь к озеру, в лес. Следы, где я пересекал вал, опять были зачищены...

17.

На ночь плотно наелся и крепко спал. Продукты были самые обыкновенные, без посторонних привкусов и запахов. Зажарил на костре курицу целиком, почти всю сразу и съел. Сегодня вечером пойду опять в город, не знаю, как быть со следами на насыпи, ведь кто-то же их убирает, не просто так, постараюсь оставлять как можно меньше следов. Сейчас буду отдыхать, отъедаться.

Город меня впечатлил, обрадовал и огорчил одновременно. Он как будто вне времени, будто в ином измерении. Рад тому, что город существует, что в Лабруме есть жители, что это не пустынная территория, жить здесь можно, но, похоже, их государственный строй, социальный уклад, развитие далеки от идеала, все мне показалось в некотором роде угнетенным. Хотя я еще имею недостаточно сведений, информации, а то, что видел, возможно, лишь первое впечатление. Пока же это смахивает на какую-то тоталитарную систему с признаками коммунизма. В оценках надо учитывать еще и то, что, по слухам, Лабрум сейчас существует в качестве эксперимента, ну или в качестве эксперимента в том числе.

Раз документы здесь в хождении образца Объединенной Руси, то можно заключить, что ее правительство имеет непосредственный контроль над территорией и жителями. Официально Лабрум – зона отчуждения, ОР и Альянс совместно контролируют ее западные границы, восточные же границы – только ОР, но территория эта никому не принадлежит. Жителей в зоне тоже не должно быть, официально здесь никто не живет. По сути дела, ОР нарушает договоренности, хотя не исключено, что имеет место сговор, негласное соглашение с руководством Альянса.

Чем в городе занимаются жители пока непонятно, на окраине что-нибудь типа заводов, фабрик, производств не заметил. Но большая часть людей была в комбинезонах, похожих на рабочую одежду. Хочется надеяться, что ОР лишь тайно вынесла опасные или вредные производства на закрытую территорию, а не проводит какой-нибудь эксперимент над людьми.

Также стоит отметить, что в основной своей массе люди были сходны как во внешнем виде, так и по поведению, в то же время были и явно отличающиеся индивидуумы. Думаю, именно с этим меньшинством отличающихся нужно налаживать контакт в первую очередь, они хотя бы на первый взгляд походят на обычных людей. [...] к тому же мне видится по меньшей мере странным отсутствие в городе растительности, да и вообще участков открытого грунта, все в асфальте и бетоне, нет и металлических конструкций. [...] это пока первые впечатления от увиденной небольшой части города, окраины.

Еще. Вероятно, жители страдают от кашля. Теперь стал обращать внимание и на свой кашель, кажется, он усиливается. Первое, что приходит в голову – из-за тумана.

Жду вечера, чтобы опять отправится в город.

18.

Вчера был в городе где-то с шести до десяти вечера, потом все фонари разом погасли и темноте еле нашел дорогу обратно. Специально вышел раньше, пока еще было светло, чтобы по возможности лучше все рассмотреть.

Итак. Город, по всей видимости, остался таким же, каким был в мое детство, имею в виду здания, улицы, архитектуру, общий вид узнаваем, только нет деревьев, клумб, травы, он стал забетонированным. Кроме того, очень может быть, что я попал в район, где жил в то время, он назывался “Щемыслица”, не уверен пока, но очень похоже, все кажется знакомым. В следующий раз попытаюсь определить точнее, есть несколько мест, которые я хорошо помню из минского детства, надо проверить, а может, удастся отыскать и свой дом. Судя по всему, здесь не было сноса зданий, все осталось по-прежнему с момента эвакуации. Как уже отмечал, не все дома заселены, а лишь малая их часть, но незаселенные тоже имеют относительно досмотренный вид, постройки старые, тем не менее сколь-нибудь серьезных признаков разрушения нет. Люди живут более скученно, если дом заселен, то весь или почти весь, судя по свету в окнах, если же пустует, то света не видно нигде, некоторые улицы густо заселены, а на других – только пустые дома. Пока внутрь жилых домов не заходил.

Транспорта немного, весь с двигателями внутреннего сгорания. Как видно, имеется городской транспорт – небольшие автобусы, ходят редко, номеров нет, но останавливаются в определенных местах, оборудованных остановочных пунктах, которые впрочем тоже никак не обозначены. Собственно говоря, нет и других обозначений: ни

названий улиц, ни номеров домов, ни зданий, ни направлений, ничего; единственные вывески, которые встретил: “Продовольственный отдел. Пункт выдачи №17”, “Хозяйственный отдел. Пункт выдачи №17”, “Отдел услуг. Пункт оказания бытовых услуг №17” – они находятся недалеко друг от друга, время и дни работы не указаны. Мусора нет, очень чисто, словно бы стерильно, около жилых домов есть пластиковые контейнеры, в них в основном остатки продовольствия, отдельно еще стоят большие бетонные контейнеры с крышками, там – металлический лом. Как и в лесу, животных, птиц, другой живности в городе нет, не заметил ни собак, ни воробьев, ни голубей, ни крыс, да даже насекомых тут нет, даже и мух.

[...]

здание напоминает какой-то храм или культовое сооружение. Огромная усеченная пирамида где-то двадцать метров высотой, на массивном постаменте, со всех четырех сторон выступают портики с колоннами (по-моему, так называется этот архитектурный элемент, как бы выступ с крышей и опирается на колонны), видимо это входы, на самом верху здания возвышается большой равносторонний крест. Близко не подходил, но, похоже, это новострой, не помню, чтобы оно здесь было в мое детство, тем более с таким крестом. Построено, как и все остальное тут, целиком из бетона, но цвет светлее, светло-серый, может быть, раньше здание было белым. Крест наверху, естественно, наводит на мысль о религиозном назначении сооружения, однако ранее я никогда не видел подобных, относящихся к христианской вере.

[...]

пять или шесть

[...]

Я не вызываю особого интереса у людей, то есть внимания на меня они не обращают, хотя моя одежда иного вида и загрязнена, а они в чистых похожих комбинезонах, да и, наверное, со стороны по лицу, по движениям, если присмотреться, то легко можно отличить во мне чужака, но ни одного косога взгляда на себе не словил, это, безусловно, мне на руку.

Не представляю, как можно жить с этим постоянным туманом, меня этот рыжий оттенок начинает угнетать. В городе нет деревьев, пространство относительно свободное, открытое, вчера был ветер около десяти – пятнадцати метров в секунду, порывами, может, и больше, то есть не слабый, между домами получался сильный сквозняк, я был уверен, что хотя бы немного туман должно разогнать, но нет: вся эта взвесь только как бы перемещалась и перемешивалась. Недалеко от моего лагеря лежит металлическая труба (диаметром около десяти сантиметров, длиной – пять метров), на нее постоянно оседает пыль тумана, если ее взять и растереть пальцами, шевелить ладонью, то она быстро разлетается, кажется, испаряется, она очень легкая, как мука, еще мельче. Кашель, надо полагать, и есть от этой пыли. Не могу до сих пор сделать хоть какой-то вывод, что это такое.

Завтра выйду часа в три дня, засветло.

[...]

ну пусть будет так. Значит, по-другому не может быть или быть не суждено. Тогда это

[...]

19.

Скажу сразу – я нашел свой дом и квартиру...

Днем в городе людей практически нет, редкие пешеходы, и в основном это те самые, которые типа “не зомби”, более нормальные. Свободная, расслабленная походка, некоторая осмысленность в глазах, то есть с большего человеческий вид, правда и помятые, замученные какие-то, наподобие наркоманов или алкоголиков.

Все так же никто меня не замечает, хотя, может быть, я давно уже под наблюдением, а это просто-напросто игра. Именно такой сон мне приснился этой ночью: как в бессознательном состоянии мне внедряют прямо в мозг электронное устройство для слежения и контроля, как потом записывают все мои действия и мысли, контролируют поведение, вижу все это со стороны наблюдающего, помещение такое с мониторами, приборами, на одном экране транслируется то, что вижу я, на другом – где нахожусь, на следующем – мой пульс, кардиограмма, то есть меня изучают, в конечном же итоге я становлюсь как те “зомби” и уже себе не принадлежу...

Сегодня осматриваю местность, ищу что-нибудь знакомое, за что может зацепиться память. Конечно, все совершенно иное, сейчас местность крайне однообразна – серый бесконечный бетон, но пытаюсь сопоставить по расположению зданий, компоновке. В моем дворе с одной стороны были три двенадцатизэтажки, они располагались лесенкой, одна из них – моя, посередине которой, остальную часть двора ограничивал кольцом семиэтажный дом-стенка, в нем было семь или восемь подъездов, въехать можно было либо через арку в семиэтажном доме, либо был еще проезд между моим и соседним домом. Семиэтажка изгибалась определенным образом, формой, это было похоже [...] здесь мне дома уже кажутся знакомыми.

Да, очень знакомо, если сейчас пройти между вон теми плотно примыкающими друг к другу домами, потом у одноэтажного здания (там был магазин) повернуть налево, то метров через пятьдесят должен быть мой двор. Волнительно, ускоряю шаг, даже побежать хочется – столько времени прошло, столько изменилось во мне и в мире, а все ж таки чувствуешь, что это родное место. Ага, вот магазин, вот дорожка, вот лестница, вот тут высокая береза росла, чуть не бегу... Это мой двор, ну точно он! Раз, два, три – лесенка двенадцатизэтажек, кольцо семиэтажки, арка, ну он, он! Во дворе, разумеется, ни тех каруселей, ни тех кленов, ни той классной горки-тоннеля винтом, просто ровная бетонная поверхность, как застывшее озеро. Тут, думаю, нежилые дома, потому что нет мусорных контейнеров и людей не видно.

Ну что ж, иду к своему дому, уже не сомневаюсь, что это он, из памяти всплывают картинки, как все здесь выглядело тогда. Вспомнился сосед с первого этажа, старенький дед, он постоянно сидел на балконе, не выходил на улицу и со всеми, кто и сколько бы раз за день не проходил мимо – здоровался, мы, бывало, специально туда-сюда ходим, а он все повторяет: здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте – хоть сто раз пройди. Входная дверь в подъезд не заперта, оглядываюсь по сторонам, вхожу. Внутри чисто, темно, воем сквозняк. Сначала стою, пару минут прислушиваюсь: тихо, никого не слышно, чтоб ходили. Иду по коридору на ощупь и в конце него натываюсь на дверь квартиры, надо, наверное, попробовать открыть, войти, сначала не решаюсь, страшно все-таки. Медленно, аккуратно нажимаю ручку – дверь не заперта, чуть приоткрываю и заглядываю, слушаю. Тусклый желтый свет внутри, вижу только, что обои на стенах есть, у входа стоит шкаф,

но ничего не слышно, чтобы там кто-нибудь был. Ладно, так и быть – вхожу. С минуту стою в коридоре, дома никого нет, да и, скорее всего, здесь вовсе никто не живет, кое-какая мебель есть, стены не голые, но квартира не жилая, как будто отсюда просто съехали. Может быть, еще с самой эвакуации тут все осталось так, интерьер вроде соответствует тому времени, однако вещей, мусора, хлама – ничего этого нет, пару шкафов, диван, стулья, светильники.

Выхожу, пойду искать свою квартиру, она на шестом этаже, с лифта направо и еще раз направо, трехкомнатная. Шахта лифта пустая, на лестнице железные поручни срезаны. Испытываю щемящее чувство, то, что называют ностальгией, бегу по лестнице, как когда с родителями наперегонки, кто быстрее: они на лифте или я по лестнице – сейчас обгоню их и встречу довольный собой, а они будут меня хвалить, какой я спортивный у них и молодец, потом ловко открою электронный замок, прислонившись нагрудным карманом куртки, где карточка... Дверь в мою квартиру тоже не заперта, открываю ее будто с какой-то надеждой, что там все по-старому, что все хорошо, молодые отец и мать, наворачиваются слезы (хотя я обычно не сентиментален). Но в квартире никого нет, она такая же пустая, как и та, на первом этаже, здесь уже давным-давно никого нет. Вот наш большой раздвижной шкаф в коридоре, в спальне – кровать родителей и тумбочка, где стоял телевизор, в моей комнате – мой письменный стол и ортопедический стул (для исправления сколиоза), в гостиной – тот самый мягкий диван, где я чуть не свернул шею, исполняя сальто, на кухне – наш круглый стол, за которым легко помещалось много гостей, люстра эта на пружинке, ее можно опускать ниже. Заглянул в шкафы и тумбочки – пусто, а на кухне и в ванной нет сантехники, трубы срезаны. Та жизнь ныне кажется такой беззаботной, жили тогда, думается, лучше, несмотря ни на что, хорошее время было, искреннее что ли было, хотя, вполне возможно, это просто детские воспоминания, детский взгляд. Зашел в свою комнату, прилег на кровать, я, понятное дело, теперь и вполтину не влажу на нее, скрутился калачиком. Вот те обои с героями из мультфильмов, вот потолок со звездным небом, они должны светиться ночью, в темноте (накапливают свет за день), а вон в углу самая большая звезда, когда не спалось, то она постоянно мешала. Захотелось уснуть тут, вернуться в то время и не просыпаться больше.

Естественно, я не помню уже, какая была обстановка, когда мы уезжали, то есть что именно оставалось, оставалась ли одежда, предметы. Думаю, что часть вещей все же из квартиры убрали после нашего отъезда, багаж у нас был небольшой, да и дверь-то запереть должны были, а она вскрыта, замка никакого нет, но это и не кража или вандализм – следов взлома нет, беспорядка нет. Окна заменены, они затемненные, темно-желтое стекло, и наглухо закрыты, запаяны, похоже, герметичны.

В квартире я чувствую себя несколько более защищенным и не таким одиноким, как-никак дома. Поэтому решил сюда переехать, разместиться здесь. Только воды, жаль, нет и костер не разведешь, но с водой, может быть, как-нибудь решится, посмотрю еще в продовольственном пункте выдачи, а сырого просто брать не буду, чтоб не готовить. Сделаю так: сегодня схожу отоварюсь в продовольственном и вернусь к озеру, переночую, соберусь и к обеду, когда людей меньше, выдвинусь сюда.

[...]

отчетливо слышен гудок-сирена, он доносится из центра города, троекратный гудок, сейчас что-то около пяти часов вечера,

[...]

Вполне может так случиться, что я первый человек извне, кто добрался до города, проникновения в Лабрум были, но ведь не известно никого, кто бы вернулся, мне уже несколько раз попросту повезло. Вообще, как подумаешь, поразмыслишь, то становится жутко, страшно и одиноко: цивилизация далеко, очень далеко, вокруг все иное, непонятное, постоянный туман неясной природы, и, главное, невероятных усилий будет стоить возвращение. Надо идти в центр, может, там что-нибудь прояснится, пока все смахивает на некую потустороннюю реальность с отголосками прошлого.

20.

Утром почувствовал недомогание, и состояние быстро ухудшалось. Началась диарея, головокружение, озноб. Наверное, отравился чем-то, вполне вероятно водой, так как пил и сырую из озера, бактерии через самодельный фильтр, разумеется, могли попасть, отравления и следовало ожидать. Сейчас не пойду на квартиру, переезд откладывается на завтра, если самочувствие нормализуется.

Лежу, серьезно проняло, встаю только в туалет. Пью толченый уголь из костра, никаких лекарств с собой не брал, из медикаментов у меня только бинт и йод.

21.

Вчера к вечеру немного отпустило, диарея прекратилась, понемногу приходил в себя. А утром, проснувшись, чувствовал себя уже вполне нормально, так что собрался и к полудню выдвинулся в город.

Сейчас понимаю, насколько самонадеянным поступком было пойти в зону с таким скудным снаряжением, не взял даже самых необходимых лекарств. К чему эта слепая самоотверженность...

До квартиры добрался без происшествий, на улицах пусто. Вселился, новосел... Вечером пойду в продовольственный отдел и основательно наберу продуктов, сырого и скоропортящегося, ясное дело, брать не буду. И надо узнать, как работает хозяйственный отдел, сходить туда, посмотреть, что там есть. В моем блокноте остается все меньше страниц, другой бумаги тоже немного, надо искать, в мусорках нет, сколько не смотрел, только мелкие кусочки, обертка. В крайнем случае буду рвать обои, в те времена еще бумажные клеили.

[...]

Вечера не дожидаясь, вышел раньше, пройтись, осмотреться. Пошел к жилым домам, ведь основной интерес представляют жители. Заметил там троих с метелками и мешками, похоже, дворники. Разговаривают, подбираюсь ближе, чтобы слышать, что говорят. Это мужчины, двое помоложе, лет около тридцати пяти, один – высокий, худой и сутулый, второй – среднего роста, упитанный и с большим животом, третий – постарше, лет пятидесяти, с усами. Ведут себя довольно живо.

С животом: “Я ей тогда говорю, пошли завтра в кинотеатр, у меня будут билеты, мне дадут. Так она и это не хочет, понимаешь”.

Сутулый: “Ага”.

С животом: “Нифига не хочет, что ни предлагай. Я говорю, ты че, дома будешь сидеть все время? Она ж не работает, я говорил”.

Сутулый: “А ты думаешь, она так дома и сидит? Может это она просто с тобой?”

С животом: “Что просто со мной? Мы уже год вместе типа, что она не хочет? Просто ленивая... А домой к ней приди – так там родители, у них всего две комнаты, представь!”

Сутулый: “Ага”.

С животом: “Я ей говорю, чего вы в другую квартиру не переедете, даже в их доме есть незанятые, написали бы заявление и переселились”.

Сутулый: “Я дык и без заявления уже третий раз переселяюсь и нормально”.

С животом: “Так она говорит, что родители не хотят, мол, живут там всю жизнь, типа память. Какая нахрен память-то!”

Сутулый: “Ага”.

С усами: “Слушай, надоел ты про нее уже каждый раз, давай про что другое. А то твоя любовь мне уж в печенках сидит, вот тут!”

С животом: “Ты просто не знаешь, как это надоедает, тяжело, понимаешь...”

С усами: “Ладно, не обижайся. Просто давай другую тему”.

Сутулый: “Я про жратву могу, гы-гы”.

С усами: “Давай! Гы-гы-гы”.

[...]

И пока я решался подойти, завязать разговор, пока придумывал тему, легенду, к ним подъехала грузовая машина, они покидали в кузов свои метелки, мешки, залезли туда сами – и машина уехала.

Так что здесь есть вполне обычные люди, у них обычные жизненные проблемы. Еще тут есть кинотеатр, я так понял... Вот что надо делать – подслушивать разговоры, только так получится добыть максимум информации, но еще лучше – вступить в контакт.

Разговор я записывал по памяти, настолько дословно, насколько смог запомнить. Очень жаль, что нет диктофона, короткие разговоры я еще смогу запомнить, а длинные дословно передать не получится.

Замечаю человека на скамейке. Обратил на него внимание потому, что он не в рабочем комбинезоне. Сажусь с ним рядом, может с этим удастся заговорить. Однако он смахивает на одного из этих зомби-киборгов, сидит почти неподвижно, на меня никак не среагировал, смотрит перед собой и все, ни движений, ни эмоций, как застыл, только моргает и дышит, изредка покашливает. Рассматриваю его: мужчина лет сорока – сорока пяти, серый костюм, синяя рубашка, серые брюки, коричневые туфли-сандалии, черные носки, аккуратная прическа, гладко выбритый, у него желтоватая кожа (кстати, обратил внимание на этот оттенок кожи жителей, еще когда первый раз ходил в продовольственный, но тогда подумал, что это из-за желтого вечернего освещения и тумана, теперь при дневном свете, вблизи явно вижу: кожа желтоватая). Так сидеть – без толку, решаюсь задать самый безобидный вопрос: “Извините, вы не подскажете который час?”

Он, чуть повернув голову в мою сторону, но не смотрит на меня: “Что?”

Я: “Который час не подскажете?”

Он: “Э-э-э. Я не... Я не знаю, у меня сегодня выходной, по состоянию здоровья. А вам зачем?”

Что за странный вопрос, зачем знать время, ну надо мне, мало ли у меня нет с собой часов, не поймешь, как ответить ему на это.

Я: “Опоздать боюсь... На работу”.

Он: “Куда?”

Что-то я не то сказал, по времени на работу уже поздно, просто это первое, что пришло в голову.

Я: “Ну, э-э-э. На работу”.

Он, повернувшись и уставившись мне в глаза: “Это как? Почему?”

Глаза у него словно стеклянные, неприятный ледяной взгляд. Лучше разговор не продолжать.

Я: “Извините...”

Встаю и ухожу быстрым шагом, наверное, он смотрел мне вслед, я не оборачивался. По сути, второй контакт с жителями зоны и опять неудачный. С “зомби” больше разговор заводить не буду, непонятно как себя с ними вести, про что говорить...

У продовольственного отдела внимательно рассмотрел часы над входом: на них цифра восемь выделена более жирным шрифтом, то есть, вероятно, так обозначено время открытия. Набрал провианта побольше, про запас чтобы. Воды не нашлось, из жидкости – только соки, молоко, кефир; пить будет что, но кефиром-то не умоешься, воду надо искать. Хозяйственный отдел открывается в семь, отдел сферы услуг – с шести, судя по выделенным цифрам на циферблатах часов.

В моем дворе ни в одном из домов не горит свет, единственный житель тут – это я.

22.

Первая ночь в квартире прошла в напряжении, почти не спал. Я заранее не обследовал дом полностью, а ночью возникло тревожное чувство приближающейся опасности, замка в двери ведь нет. Поэтому сегодня из дома не выходил, обследовал его, кроме того, хочется создать в квартире хоть сколь-нибудь домашнюю обстановку.

Проверил все квартиры в доме. Только одна оказалась заперта – на пятом этаже, которая под моей, во всех остальных двери без замков. Поначалу меня насторожила эта квартира, тем более что прямо подо мной, но скорее всего, попросту заклинило дверь, потом, может, вскрою чем-нибудь. Ни в одной из квартир нет водопроводных кранов и унитазов, везде срезаны трубы. Электричество, возможно, есть, но проверить не могу, все свои электронные устройства я выбросил сразу (чтоб зря не таскать лишний груз), лампочек в люстрах и светильниках не нашел ни одной, а пальцами проверять не станешь. Окна везде застеклены оранжевым стеклом и не открываются. Искал посуду – нет, бумаги (книг, например) – тоже нет, одежды – нет, ни одной тряпки даже, и ни одного железного предмета (только мелкие детали мебели, остальное: дерево, пластик, резина). Из соседских квартир перетянул к себе еще немного мебели: два кресла, стулья, небольшой столик, тумбочку для обуви, и раздобыл отличный пружинный матрас.

В туалет хожу в одну из квартир (на третьем этаже), просто на пол, ничего не поделаешь – больше негде, на улицу ведь не пойдешь.

23.

Прямо-таки местный житель я тут стал: живу в просторной в квартире, обустройстваюсь, понемногу налаживаю быт, к туману привыкаю – пора уже и знакомства заводить. Но опять терзают сомнения, не уверен в удачном исходе дела. Как я вернусь

назад? Это будет явно сложнее, чем было добраться сюда. Ну и даже если получится, предположим, опять повезет, то что я смогу предоставить общественности? Только дневник, но это не доказательство, не факты, написать можно что угодно, скажут: художественный вымысел, домыслы, вранье. Однако все это снова, в очередной раз эгоизм: чем удивит (прославится), что о нем скажут, как воспримут...

Если же признаться честно, в первую очередь самому себе, то не только за расследованием, разоблачением я сюда отправился, было еще в глубине некое нелепое чувство, желание найти в Лабруме чудо. Да, стыдно признаться, но было такое подсознательное желание. Сейчас уже понимаю, что чуда нет, сказки не будет. Поэтому-то и эти все сомнения, просто разочарование.

Какой смысл жизни человека? Ну понятно, многие ответят: семья, дети, что-то в этом роде – но это лишь необходимость, это же не тот смысл в глобальном понимании. Или только в этом цель жизни? А может, так оно и есть: любовь, воспитать детей... Может, от того, что этого у меня нет, я и ищу некий всеобщий смысл, главный, общечеловеческий, просто обмануть себя хочу. Я пытался создать семью, похоже, любовь тоже была, хотя можно ли говорить о любви в прошедшем времени... Согласен, чего-то такого не хватает, должно быть, угнетает одиночество, но очень не уверен, что, создав семью, я реализуюсь полностью.

История нам доказала, что наука, технические достижения могут быть ориентиром, основополагающим средством лишь на этапе рационалистического развития социума, на начальном этапе, далее появляется все больше отрицательных сторон прогресса, а запущенный механизм уже не остановить. Лабрум – продукт, нет – следствие такого бесконтрольного, стремительного научно-технического прогресса. Значит, нужно во главу угла поставить духовное развитие человека. Вот только что считать развитием души, будет ли это что-то связанное с религией или с культурным развитием (просвещением), или это вообще другое. Если взять, скажем, монаха или художника, то сможем ли мы показать пальцем и сказать: да, этот человек достиг Цели, и нам следует равняться на него. Нет, по-моему, это глупо, ведь цель не ясна. А следовательно, существуем мы бесцельно.

Одно время основной идеей, генеральной линией был космос. Наука в этом направлении шла семимильными шагами, мы все дальше и дальше проникали, изучали, углублялись, открывали, понимали, чего стоят одни лишь эти грандиозные проекты по заселению планет Солнечной системы. А с каким неистовым остервенением искали инопланетную жизнь... Что имеем? Космос сейчас мало кому интересен, только специализирующимся ученым. Потому что дорого, слишком затратно, уткнулись, все, дальше уже цель не оправдывает средства. То же самое было и с физикой: больше и больше открытий, вот, кажется, сейчас разложим по полочкам, поймем устройство мира, а чем дальше, тем сложнее, на определенном этапе стало так сложно, что человеческий разум не в состоянии охватить этот масштаб, описать имеющимися средствами, тем более уложить в сознании всю многомерную логику мироздания, и опять же, затраты на баснословно дорогостоящие эксперименты. Так что глобальный смысл в изучении мира, в знании искать перестали. И вообще, в голове не укладывается: недавно искали в далеких галактиках иной разум, хотели даже выйти за пределы Вселенной, а теперь имеем такие вот закрытие территории, зоны на самой Земле, и тем, кто не пропуская ни одного

репортажа о новых космических открытиях, где-то там, на расстоянии многих парсеков, абсолютно наплевать на то, что происходит у них под боком. Наверное, это деградация.

24.

Зачем вчера написал все это, зачем такая куча слов? Личные переживания, сторонние мысли, самокопание, а по сути, важной информации – ноль, пустая трата бумаги, которой в обрез. Два дня не выходил. Ни с того, ни с сего, вдруг появилась невероятная апатия, накрыла и сковала, овладела мной целиком и полностью. Надо двигаться, заставляю себя что-нибудь делать, сегодня решил пойти по направлению к центру города.

Иду, чтобы быть неприметным, передвигаюсь так же, как и остальные пешеходы – понуро и медлительно. В жилых районах все ровным счетом одинаковое, те же дома, тот же бетон. Довольно долго пейзаж не меняется, от этой однообразности можно и рехнуться. Через три – четыре километра бывшие спальные районы кончаются, и дальше начинается бетонная “пустыня” с холмистым рельефом, по-моему, здесь был парк или пустырь, в общем зеленая зона, ее не выравняли – просто сделали бетонный слой. Огромные масштабы, сколько же было потрачено средств и сил, чтобы сковать весь город бетоном и асфальтом, а главное, я так еще и не знаю зачем, для столь масштабных изменений ландшафта необходима была веская причина. Автомобильная дорога идет дальше по насыпи с крутыми склонами, но пешеходного тротуара нет, так что пройти можно только непосредственно по проезжей части или идти по очень неровной, переменной местности пустыни. В обоих случаях одинокая фигура будет слишком подозрительна, поэтому я не рискнул идти, хоть и тянуло посмотреть. Там дальше, в глубине тумана, отдаленно слышался стук, какое-то будто бы пыхтение, звенело что-то, лязгало, похоже на шум завода или фабрики. Уже развернулся и шел обратно, когда услышал оттуда же этот троекратный гудок-сирену (который слышал пару раз раньше), а чуть позже с той стороны проехало несколько заполненных людьми автобусов, потом еще. Логично предположить, что это конец рабочего дня.

Вечером зашел в пункт выдачи хозяйственного отдела. Без изысков, здесь имеется только самое необходимое в быту, электроники нет, только простейшие электрические и различные механические приборы. Взял посуду (пластиковые тарелки, ложки, вилки), керамический нож, несколько лампочек накаливания (давно таких не видел), спички, пластиковые таз и ведро, шариковые ручки, бумагу (блокнотов, тетрадей, записных книжек – ничего этого не было, только листы желтой, очень некачественной, видимо упаковочной бумаги для бытовых нужд), комплект спального белья (подушка, одеяло, простынь), механические часы и еще взял одежду (комбинезон, куртка, ботинки). Опять удивляюсь и в некотором роде даже радуюсь тому, что платить вообще не надо, бери что хочешь, паспорт показал – и пошел.

Завтра обязательно надо заняться поисками воды в округе. Если не найду, то единственный выход – носить из того лесного озера-лужи.

25.

Нашел воду и электричество!

Сегодня утром осматривал свой дом снаружи и заметил вход в подвал, дверь оказалась не заперта. Трубы, вентили, краны, потом смотрю: с одного краника капает, я

его покрутил – вода, обычная прозрачная, без явного привкуса или запаха. Краник синий – вода холодная, отыскал красный – есть и горячая, опять повезло... В подвале, как и во всем доме, чисто, вроде как-то подсознательно ожидаешь увидеть мышей, пауков каких-нибудь, тараканов – ничего такого, без проблем можно помыться в тазу. Пить, конечно, сразу не рискнул, только чуть попробовал, надо сначала понемногу пить, по пару глотков, если последствий не будет – можно употреблять. В подвале еще обнаружил гудящий электрический щит с горящими лампочками и большим рубильником. Рубильник находился в положении “выкл.”, руками его трогать побоялся – вернулся в дом, нашел деревянную дубину (отломал ножку от стола) и ею перевел его в положение “вкл.”. Побежал домой, вкрутил лампочку, нажимаю выключатель – горит. Отлично, обеспечен и водой, и электроэнергией!

Чтобы пользоваться освещением, необходимо закрыть окна, потому что будет слишком заметно и подозрительно выглядеть одна освещенная квартира в пустом доме. Вечером сходил в хозяйственный отдел, взял молоток, пилу и гвозди, присмотрелся к электрическим приборам, есть всякие, но простейшие, неэлектронные, пока взял самое нужное: электрическую плитку на две конфорки, два алюминиевые кастрюли и еще большой тридцатилитровый бак для воды. Заколотил наглухо окна на кухне и в спальне (столешницей и дверью от соседских стола и шкафа), в остальных комнатах не буду – чересчур дико получится в такой законопаченной квартире жить, хватит освещения и в двух комнатах. Хотел провести воду прямо в квартиру, трубы ведь на кухне есть, но в них впаяны заглушки, кран никак не вкрутишь, да и раковины нет, сливать некуда (краны в хозяйственном были, а раковин не нашел). Ладно, не проблема пока и в подвал за водой сходить.

Прокипятил воду: в ней много железа, кастрюля стала рыжей, на стенках осела ржавчина. Однако, насколько помню, высокое содержание железа в воде никак не влияет и не вредит организму. Наберу завтра в продовольственном разных круп, мяса, картофеля – хочется нормальной теплой пищи, гречневой каши хочу.

В общем, всем обеспечен, никто меня не трогает, никому не нужен – неплохо живу вообще-то. Для сносной жизни все есть, предоставлен сам себе и своим мыслям – идеально. Возможно, поэтому пропало желание и к расследованию, и к общению, даже выходить не хочется.

Смысл? Цель? Главное?

30.

Ужасная, смертельная апатия все эти дни, я ничего не хочу. Четыре дня не делал записей в дневник, нечего записывать, на корню пропало желание к исследованиям. Сажу дома, хожу в продовольственный, иногда поздним вечером гуляю. В квартире абсолютная тишина, ни шороха, ни скрипа, с улицы ничего не слышно, закупорен в этой пустоте. Я, по большому счету, не люблю (не любил) быть один, совсем без общения, без общества (какое бы оно не было), без интернета в конце концов, раньше в таком “бункере” и часа не выдержал бы. Торчу в центре зоны отчуждения, в непонятном городе, с непонятными жителями, никакой связи с цивилизацией... И только думаю, все время думаю. О человечестве, о прогрессе, о науке, о душе, о политике, о климате, да вообще обо всем подряд, о литературе, об искусстве, об античной философии, обо всем, вплоть до мыслей о

важности сохранения коралловых рифов Австралии (смешно, но это так)... Я не знаю, может быть, это от одиночества и информационного вакуума, мы привыкли к этому постоянному фоновому шуму в жизни, когда все время идет поток информации; нас окружает информация: интернет, телевизор, музыка в наушниках, реклама на улицах, разговоры, переписки, документы; даже в туалете инструкция: “автоматический слив воды, без необходимости не приближайтесь к писсуару ближе, чем на метр”; постоянно следим на своих браслетах за пульсом, давлением, сахаром в крови, беспрестанно смотрим, читаем, слушаем.

Не вижу ни малейшего смысла записывать свои размышления в дневник, так как он планировался в первую очередь для сбора сведений и фактов, в нем сейчас и так уже много лишнего, бесполезного.

Обратил внимание, странно, что ранее не придавал этому значения – здесь нет детей. Самый младший возраст – лет двадцать, ну может восемнадцать, ни разу мне не встречался ни ребенок, ни даже подросток. В обычных условиях, даже при малой численности населения – такого бы быть не могло, в условиях эксперимента – вполне, если есть такая задача.

Кроме мыслей в голове еще всплывает много воспоминаний, в том числе детских, когда здесь жили, и все они на редкость подробные, яркие, как будто было вчера. И сны снятся, мне кажется, я не снил раньше столько снов, таких реалистичных, цветных. Приснился мой здешний друг детства – Сергей (фамилию никак не могу вспомнить), он как бы уже взрослый (хотя утром его лица совершенно не помнил), но я точно знаю, уверен, что это тот самый Сережа, он долго рассказывает мне о достижениях человечества, о многих, о всяких, потом делает вывод, что во всем виноват я (в чем, во всем, так и не понял) – и на этом моменте просыпаюсь. Стал вспоминать свое детство, Сергея, мы вместе ходили в детский сад, были одного возраста, должны были пойти в один класс школы, помню, очень обоим хотелось в школу, и чтоб обязательно сидеть за одной партой, но не успели, не знаю, куда они уехали после катастрофы, как все случилось – так больше никакой связи с их семьей у нас не было. Но самое главное что вспомнил: мы были соседями, их семья жила прямо под нами, этажом ниже. Именно в этой самой квартире на пятом этаже, которая заперта, единственная дверь в доме, какую я не смог открыть. Вот это совпадение! Теперь, само собой, меня одолевает интерес, что же в этой квартире, завтра попробую аккуратно вскрыть дверь.

Прошел месяц, как я из Берлина отправился сюда...

31.

Сегодня случилась необычная встреча.

Спустился на пятый этаж, пытаюсь вскрыть дверь запертой квартиры, с собой молоток и длинный гвоздь. В темноте раньше не замечал, что в двери есть замок, механический замок под ключ, в других нет, только в этой, ее не заклинило, она действительно заперта. Если не получится как-нибудь замок взломать, то тогда просто выбью дыру в двери, она, как и все, деревянная. Ковыряю гвоздем сердцевину, стучу молотком, поддеваю, нажимаю, в общем, сосредоточенно стараюсь открыть. Ковыряюсь, ковыряюсь, и тут крайне неожиданно для меня раздается голос с другого конца темного коридора: “Не

понял. Э, урод! Что за дела! Тебе это зачем, чего лезешь. Ты знаешь, что тебе за это будет, я заявлю!”

Испугался я сильно, чуть сердце не стало, заняло дыхание, и не знаю, что сказать.

Он: “Ну чего молчишь? Что тебе там надо, а?”

Коридор очень слабо освещен, не вижу, кто говорит, только понятно, что это мужчина.

Я: “Да я это, я случайно, я тут живу, ключ потерял”.

Он: “Какое ты тут живешь, что ты врешь. Тут вообще никто не живет, вообще в этом доме!”

Я: “Но я живу”.

Он, спокойнее: “Не, слушай, ты мне скажи, что ты тут реально делаешь? Если кто-то на меня пожаловался, сдал меня, то так и скажи”.

Я: “Если честно, то я временно живу этажом выше. Я здесь жил давно, раньше и вот сейчас сюда вернулся”.

Он: “Когда давно?”

Я: “До катастрофы”.

Он: “Совсем до катастрофы? Тогда еще жил?”

Я: “Да”.

Он: “Так ты не из уродов, нет? Из наших что ли?”

Каких “уродов”, каких “наших” я, естественно, не понимаю.

Я: “Я не урод точно”.

Он: “Так а чего лезешь, ломает тут... Ты с какого района?”

Я: “С этого”.

Он: “Ну конечно, с этого, врать-то не надо, я наших тут всех до единого в лицо помню, а тебя первый раз вижу. В какой квартире раньше жил?”

Я: “На шестом этаже”.

Он: “Я мало соседей помню с того времени, ребенком малолетним был, хорошо запомнить не успел. Так в какой район переехали вы?”

Я: “Я же говорю, я раньше здесь жил”.

Он: “Ну так понятно, а теперь где живешь, я ж тебя об этом спрашиваю”.

Он уже подошел ближе, это относительно молодой мужчина, до сорока лет, сейчас уже не злой, даже слегка улыбается, с виду вполне доброжелателен, я почему-то доверяю ему. Решаю не растягивать и сразу иду ва-банк: “Я из-за границы”.

Он: “Как понять из-за границы, какой границы? Не понимаю...”

Я: “Из другой страны, я из Германии”.

Пауза, молчит, пристально на меня смотрит.

Он: “Шутишь что ли, это ты так интересно шутишь, да?”

Я: “Нет, не шучу, я из Германии, из Берлина”.

[...]

была с собой современная видеокамера, навигатор, диктофон, компьютер, но все это сразу не стало работать, не включалось, поэтому выбросил, так бы тебе показал”.

Он: “Понятное дело, это же электроника, тем более микроэлектроника, здесь такое не работает, давно не работает... Неплохо ты устроился, смотрю, мебели натаскал. И продукты есть, в продовольственном брал, как?”

Я: “По документам, по поддельным”.

Он: “Не, слышь, скажи ты мне честно, ты правда оттуда? Реально?!”

Я: “Я же тебе в сотый раз повторяю, что да, оттуда, из Германии”.

Он: “Это с ума сойти можно, нонсенс целый! Ты знаешь, тут “оттуда” людей нет и никогда не было, только уроды, но они с другой стороны”.

Я: “А кто такие уроды?”

Он: “Почти все эти, что на улице ты видишь – уроды и есть, это мы их между собой называем уродами”.

Я: “Мы – это кто?”

Он: “Местные, а уроды – они переселенцы. Я тебе все объясню потом. Не могу пока поверить, что это все правда, что ты сюда пробрался... А зачем, кстати?”

Я: “Узнать, посмотреть, добыть информацию, сведения, я – журналист. Там, в Европе, да и в остальном мире, ничего обычным людям не известно про Лабрум”.

Он: “А Лабрум – это что?”

Я: “Ну вашу территорию, страну, эту зону называют в определенных кругах Лабрумом”.

Он: “Ясно. У нас так не называют”.

Я: “А как?”

Он, подумав: “Да в общем-то сейчас уже никак. Ну зоной, туманом, мы говорим “живем в тумане”, западной областью еще называют. Как скажешь, так и будет, это не страна, это зона...”

[...]

уже поздно, я пойду. Завтра приду обязательно, после работы. Ты тока не сбеги куда-нибудь, ты ж вроде нормальный парень, если не врешь. Ладно, вижу, что не врешь. А ты, значит, и наш разговор будешь записывать?

Я: “Обманывать не стану: буду записывать”.

Он: “Да записывай, мне все равно. А знаешь что, я вот вспомнил, у меня есть механический пленочный диктофон. Старый-старый, не помню, откуда он у меня, записывает на пленочную кассету, качество не очень, сильные шумы и кассета только одна. Мне он ни к чему, валяется, а тебе понадобится”.

Я: “Буду очень признателен”.

Он: “Найду – принесу. Особо не суйся пока никуда, и с уродами не говори, а лучше напрочь ни с кем не общайся, мало ли что...”

Я: “Хорошо”.

Он: “Ладно, пошел... Кстати, это ты квартиру на третьем, получается, загадил? А я-то последние разы приходил, чувствую на третьем запах, нечистотами на лестнице воняет, нашел откуда, захожу – нагажено. Понять не мог, кому это в голову пришло тут срать бляха! Гы-гы-гы-гы. Ну ладно, до завтра”.

Вполне нормальный человек. На первый взгляд доброжелательный, искренний и открытый, веселый даже. Сомнения, конечно, присутствуют, подозрения: а вдруг подстроено, специально, спектакль это – надеюсь нет (почти уверен), хотя в любом случае осторожность не будет лишней. Пытался максимально точно передать разговор, сохранив стилистику его речи. Контакт налажен. Будет великолепно, если он принесет мне

диктофон, хоть какой. Насколько я понял, именно этих “зомби” здесь называют “уродами” и они переселенцы, интересно...

Проснулся ночью, сон был или просто в голову пришло. Я не спросил, как его зовут и не представился сам, а сейчас вот осенило: не Сергей ли это?! Тот самый Сергей... Чем-то похож, именно в эту квартиру пришел, и возраст как раз... Было бы потрясающим совпадением, если бы впрямь так случилось. Не, слишком невероятно, нет.

32.

Он пришел в начале четвертого.

Он: “Привет, ну что ты тут?”

Я: “Да вот, бездельничаю. Кхе-кхе-кхе-кхе”.

Сегодня обострился кашель. Он сразу обратил на это внимание.

Он: “Кашляешь?”

Я: “Ну да, кашель какой-то вот. Простудился, наверное”.

Он: “Не, не простудился ты. Насморк есть?”

Я: “Нет”.

Он: “Нету... Не простуда это. Это от тумана нашего рыжего. Тебе надо пить воду из водопровода, больше воды. Ты где воду берешь?”

Я: “В подвале, из водопровода”.

Он: “Правильно, будешь пить из крана – пройдет. В водопроводной воде у нас много железа – специально так, это помогает от кашля, выводит эти частицы из организма”.

Я: “Какие частицы?”

Он: “Ну я имею в виду частицы тумана, если это частицы. Не знаю точно что”.

Я: “А еще кожа словно бы у некоторых желтоватая”.

Он: “То же самое – от тумана. Кто воды меньше пьет, тот желтый, у меня, вот видишь, очень слабый оттенок”.

Я: “Так все-таки, что такое туман?”

Он: “Ой, я тебе так определенно не скажу. Вот один мой друг, он бы тебе пару гипотез выдал. А так, точно никто не знает, нам не говорили об этом. Сейчас туман для нас уже как что-то само собой разумеющееся. Ты мне лучше вот что скажи, я сегодня ночь не спал, все думал, ты не врешь, а?”

Я: “Нет, все правда”.

Он: “Обалдеть, да?!”

Я: “Ну да”.

Он: “А как ты до города добрался?”

Я: “Границу пересек недалеко от бывшего Гродно, девять суток шел пешком, просто по дороге, ночевал в лесу, потом встретила грузовая машина, доехал почти до города. Поначалу боялся, только по вечерам заходил в город, а жил в лесу, у небольшого озера там, потом сюда перебрался”.

Он: “И не страшно одному было? Девять суток пешком, в нашем-то дремучем лесу! А граница на замке?”

Я: “Да, очень хорошо охраняется с обеих сторон. Мне помогало большое количество людей, в одиночку я не смог бы сюда проникнуть”.

Он: “Хм, Лабрум... Дальше десяти километров от города нам в лес заходить запрещено, и посещение его не рекомендуется. Мы, местные, ходим в лес, но к границе – редко кто, я лично не видел ее. Говорят там забор высоченный”.

Я: “Я бы назвал это стеной. Она высотой не меньше двадцати метров”.

Он: “Ого! Обложили нас, короче, тут забором, как в зоопарке, чтоб не сбежали”.

Я: “Или чтобы никто не проник извне”.

Он: “В город не страшно было идти, с уродами общался?”

Я: “У меня на самом деле было мало информации о зоне, я даже точно не знал, есть ли здесь город и хоть какие-нибудь жители. Наличие населенного города меня обрадовало. Естественно, боялся сначала, но и в лесу не станешь жить, к тому же пропитание кончалось. Уродом, по все видимости, был водитель грузовика, и еще с одним немного разговаривал”.

Он: “С ними без толку, они тупые, зомбированные. Дык короче, в лесу надоело и решил поселиться тут?”

Я: “Я искал свой родной дом, я жил в этом доме до эвакуации”.

Тут я наконец вспомнил, что нужно спросить о главном.

Я: “Кстати! Как вас, тебя зовут?”

Он: “Ой, извини, сразу не познакомились. Меня – Сергей”.

Вот это да, неужели правда?!

Я: “А вы случайно не жили до катастрофы в этой квартире на пятом этаже?”

Он: “Ну да, жил, вместе с родителями там, еще и после катастрофы жили какое-то время. А что?”

Я: “Меня зовут Кристоф Раух, но я изменил имя и фамилию, мое имя от рождения – Леонид Шабловский”.

Он: “Подожди... Это твоя квартира. Леонид”.

Пауза, думает, потом на его лице появляется искренняя радость и улыбка.

Он: “Леня! Да ну нафиг, Леня! Не может быть. Здравствуй!”

Крепко жмет мне руку и обнимает.

Он: “Как же я сам, как же я сразу не подумал-то, не вспомнил. Вот это встреча!”

Не вижу какой-нибудь игры, фальши в его чувствах. Наверное, это действительно правда. Немыслимое совпадение, джекпот! И это, несомненно, удача.

Он: “Не могу поверить, ну надо же такому случиться, как все совпало. Очень рад тебя видеть, невероятно рад. Я своей вчера рассказал, Илонке, это типа любовь моя, что ты оттуда, так она наотрез отказалась верить, думает, что я от нефиг делать придумал, теперь точно уж не поверит. Я и сам-то не могу поверить...”

Да, это именно тот Сережа: белобрысый, мимика эта, нос картошкой, добрый, смешной в чем-то – уже не сомневаюсь.

Он: “Ты же понимаешь, такие дела просто так не происходят, не может быть, чтоб это случилось случайно. Это что-то значит, а? Это дело надо отметить! Я сегодня опять не засну, такие новости”.

[...]

с улицы едва уловимо послышался трехкратный гудок.

Я: “А ты не до пяти работаешь? Это что за сирена?”

Он: “Еще чего до пяти, я себя ни грамма не уважаю что ли, это уроды до пяти вкалывают, от звонка до звонка. У них на заводах там дудят, смена кончилась. Это все ладно, я тебе все расскажу и объясню, все запишешь, ты дальше о себе рассказывай. Сразу уехали туда?”

Я: “Да, сразу. Ты ведь помнишь эту вспышку...”

Он: “Конечно, помню”.

Я: “Ну вот. Сначала говорили, что какая-то авария на производстве, но ничего страшного”.

Он: “А людей некоторых обожгло”.

Я: “Ну да. Потом военные эти появились непонятные, не наши. И слухи пошли, что вроде как правительство эвакуировалось”.

Он: “Потом говорили, что русская станция атомная пострадала, выбросы идут. Электроника практически вся после вспышки заглохла, ничего не работало”.

Я: “Да, и паника, естественно, началась. Отец сразу же, долго не думая, решил уезжать. Мы в спешке собрались, я помню, как мама плакала, как не хотела...”

Он: “Я помню твою маму, Евгения Владимировна”.

Какие могут быть сомнения, он абсолютно прав – Евгения Владимировна.

Я: “Там как-то через Академию ему удалось быстро оформить документы – и мы поехали на запад, в Европу. Сперва два года прожили в Польше, в Познани, потом переехали в Берлин. У отца в Германии были друзья, они по первому времени помогли устроиться”.

Он: “А отец у тебя был, по-моему, ученый какой-то”.

Я: “Он профессор был, в Академии наук работал, физик”.

Он: “Родители живы?”

Я: “Нет, папа погиб в автомобильной катастрофе одиннадцать лет назад, мама очень переживала, через три года ее тоже не стало, от горя...”

Он: “Моих тоже уже нет. Болели оба...”

Пауза, молчим. Судьба...

Он: “Вам крупно повезло, что вас впустили”.

Задумался, смотрит в пол. Вскрывает, хватает со стула свою куртку, шарит по карманам.

Он: “Забыл балда. Я же тебе диктофон принес, вот”.

Устройство размером с мою ладонь, в нем открывается дверца, там кассета, в которой на два ролика намотана коричневая пленка, на корпусе механические кнопки, решетка динамика и микрофона. Диктофон очень старый (я таких не видел), потертый, название фирмы затерто, различимы только две первые буквы “OL...”.

Он: “Я когда-то на что-то выменял, думал на нем музыку слушать. Но кассеты тяжело найти и на них запись портится. Вот если что-нибудь записать, то будет с шумом, треском, гулом, не качественно то есть, плюс кассета размагничивается (магнитный принцип записи) сама собой, не больше суток-двух запись среди помех еще различима, а потом вообще один шум. Было несколько кассет у меня, но осталась только вот одна, что в нем стояла”.

Я: “Огромное спасибо!”

Он: “Да ладно, записывай, мне он не нужен. Перемотай кассету и включай запись, вон красной кнопкой”.

Показывает мне, как пользоваться диктофоном. Пробуем записать пару фраз, проигрываем – работает, запись не идеальная, но разобрать можно.

Я: “Ну расскажи дальше, что происходило”.

Он, поерзав на стуле, выпрямив спину, четко произносит каждое слово: “Здесь в зоне происходили следующие события. В силу малолетнего возраста я могу не помнить все, но то, что помню, это...”

Встает, машет руками.

Он: “Не, может лучше выключай ты его, а то я как на допросе”.

Я: “Не обращай внимания просто”.

Кладу диктофон в сторону, подальше.

Он: “Ладно. Сильная паника поднялась позже, когда людям начало становиться плохо: недомогание, обмороки, рвота. Стала увядать растительность, закрылись производства, людей разогнали по домам и настоятельно рекомендовали не выходить, не открывать окна. Тут, конечно, люди поняли и начали драпать, побежали. Централизованной эвакуации не было, армия к тому моменту с улиц исчезла, по слухам, отражали нападение какого-то врага, а полиция никак не руководила, но и не препятствовала. Так как слух об российской атомной станции распространился повсеместно, то все двинулись в противоположную от нее сторону – на запад, как и вы, в Европу. И что? Офигеть можно с той Европы, тоже мне... Я, конечно, сам не помню, но, как говорят, пропускали выборочно. Только определенные люди попадали, типа “полезные” люди. Ученые, специалисты, у кого высшее образование, художники, писатели и язык надо было знать”.

Я: “Я об этом не слышал...”

Он: “Повторюсь, я доподлинно не знаю, так говорят. Но если и вправду так, то сам понимаешь, про это распространяться не будут, это ведь нелицеприятно, это скотство, может, кто-то один приказ отдал, а все выполняли, и потом стыдно стало”.

Я: “Это подло! И это нарушает закон!”

Он: “Так, короче, ничего не поделаешь – двинули беженцы на восток. Там эта раздробленная Россия, тогда же после революции поотделялись все, но границы были формально, люди там и разбежались по республикам”.

Я: “Потом объединили в одно государство”.

Он: “Ну да, Объединенная Русь. Мы же сейчас тоже как бы часть ее”.

Я: “Официально Лабрум – ничья территория, зона отчуждения”.

Он: “Паспорта у нас русские”.

Я: “А вы, твоя семья?”

Он: “А мои остались. Непонятно было куда и что, неразбериха. Решили переждать... А потом границу закрыли, то есть не пускали назад, кто уже выехал. Отец категорически отказался уезжать без возможности вернуться. Информации становилось все меньше, одни слухи и домыслы, сидели мы и не рыпались”.

Я: “Насильно не выселяли из страны?”

Он: “Я же говорю, не выселяли. Хочешь – живи, хочешь – езжай. Только назад никто не возвращался, говорили, что не пускают. А через три года границу закрыли в обе стороны, то есть уже и не туда, и не сюда, кто не успел выехать, тот навсегда и остался”.

Я: “И как вы жили?”

Он: “По-разному, сразу все не расскажешь, привыкали. Много, конечно, людей уехало, можно сказать, почти все, пусто стало. Но жизнь кое-как стала налаживаться: некоторые производства вновь заработали, к зарплате дополнительно всем доплачивали как пострадавшим, магазины работали, микроэлектронные приборы заменили более простыми электрическими или механическими, хоть что-то стали говорить, официально это была экологическая катастрофа вследствие аварии на производстве, назначили новое правительство, школы, детские сады, больницы, все это работало”.

Я: “Телевизор, интернет, радио – не было ничего?”

Он: “Ни интернета, ни телевидения я так больше и не видел, толком и не помню, что это такое. Радио есть, по проводу, телефоны тоже проводные, музыку слушаем на виниловых пластинках, часы только механические, все это появилось в магазинах, но оно не новое, видимо, из каких-то запасов или с барахолок. Вся электронная техника простейшая, аналоговая, того цифрового избытка, которое я еще застал – нет, но основное необходимое есть. Ты тут такие устройства увидишь – у вас там такое, наверное, только в музеях. [...] обычная жизнь, ко всему привыкаешь. Мне было десять, когда стал появляться рыжий туман. Сначала он был еле заметен, дальше становился все более и более плотным, а лет через пять – семь уже стал таким густым, как сейчас, с того времени постоянно живем вот с таким туманом. И еще вместе с ним появился запах металла, привкус во рту, чувствуешь, да?”

Я: “Да, чем ближе к городу, тем больше он ощущался”.

Он: “Туман как, с самой границы начинается?”

Я: “У самой границы его нет, он начинает проявляться чуть дальше”.

Он: “Слушай, а граница, она вообще где? Там же где раньше Беларусь начиналась?”

Я: “Нет. Форма зоны овальная. Большая часть – бывшая Республика Беларусь, но затронуты еще Польша, Литва, Латвия, Украина, бывшая Россия. Я могу на карте тебе показать”.

Достаю из рюкзака карту, показываю.

Он: “Ага, ага, понятно. Я в общем-то в курсе приблизительно, просто проверить сведения. Ты знаешь, сейчас у нас информация – самый ценный продукт. Твою вот карту можно выгодно продать кое-кому”.

Я: “Вас не информируют? А радио же есть, газеты...”

Он: “Газет сейчас уже нет, по радио передается только самая необходимая информация, в основном служебная”.

Я: “Вы боретесь с этим? Вас же обманывают, держат в изоляции”.

Он: “Нет, не боремся, ничего такого ни разу не было, я не слышал, чтобы кто-то протестовал открыто. Такое дело, как тебе объяснить, здесь не все так просто, есть нюансы, я даже не знаю, как объяснить, чтоб ты понял. Жизнь другая, общество другое, понимание другое. Я подготовлюсь, подумаю, как все собрать в одну теорию, и позже тебе расскажу”.

Я: “Договорились”.

Он: “Так вот, дальше. Туман густел, люди, ясное дело, стали волноваться, непонятный какой-то, рыжий, химический думали, на металл оседает, кашель от него... А потом

обреченность настала: ну туман, ну и ладно, от радиации сразу не сдохли, так туман добьет...”

Я: “Радиация есть?”

Он: “Не знаю, никто не знает точно”.

Я: “Почему город такой?”

Он: “Это вот тоже, когда туман стал плотным, начали делать. Первым делом срубили в городе все деревья, кусты, дальше и остальную растительность убрали, потом стали все заливать бетоном, постепенно так закатали всю территорию, ни кусочка земли не оставили. Слой бетона от десяти сантиметров до метра толщиной, по всему-всему городу! Наружные стены зданий сделали толще, тоже бетоном. Мусор вывезли, квартиры очистили, вставили затемненные стекла. Идеальный, стерильный порядок получился. Спросишь зачем? Я не знаю... Слухи об эксперименте ходили... В город переселили всех остальных жителей страны, пустых домов ведь хватало, на этот раз выбора не оставляли, переселяли насильно. А еще через время эти вот уроды стали появляться, их привозили и привозят с востока”.

Я: “Здесь много чего непонятного и нелогичного, я, по крайней мере, не могу цельную картину сложить”.

Он: “Это да. Просто не все сразу, я объясню подробнее. Тебе за продовольствием случайно не надо? А то у меня список, Илонка написала”.

Я: “Пойдем вместе”.

Он: “Ты в семнадцатом отовариваешься?”

Я: “Похоже да”.

Он: “Ну понятно, это наш, районный. Если хочешь, я могу и завтра прийти, расскажу чего-нибудь подробнее”.

Я: “Хочу. Приходи, конечно”.

Он: “У меня есть еще фотографии с того времени, когда туман только-только появлялся. Это мой отец снимал, на аналоговую камеру, старинный процесс, ручная печать, когда с красным фонарем печатается. Знаешь такую технику?”

Я: “Слышал”.

Он: “Вот, может, тебе интересно будет посмотреть. Отец просто для себя снимал, просто интересно ему было. После его смерти я раз тоже хотел поснимать, достал фотоаппарат, разобрался, но процесс не идет, химия сейчас уже не работает, очевидно тоже из-за тумана. В зоне ничего тебе не удастся сфотографировать, фототехники нет, потому что и аналоговые процессы не работают”.

Я: “Конечно, будет интересно”.

Он: “Ладно, пойдем. Ты только на улице аккуратнo, потише. В принципе, явного контроля, тотальной слежки тут нет, но мало ли что, ты все-таки нарушитель. Шпион! Гы-гы-гы-гы”.

По улице шли рядом, в пункт выдачи входили порознь.

Записываю диалог с диктофона почти дословно, так быстрее, проще и лучше сохранится суть. Я уже очень многое узнал, некоторые факты поистине сенсационны. Начинаю понимать, почему информация о Лабруме так усиленно скрывается...

Сегодня Сергей пришел в три, пойдем в город.

Сергей: “Я тебе уже говорил, лучше вести себя спокойно, не шуметь. Ты очень ценный экспонат, в тебе куча информации. Лучше поостеречься. Мы-то, бывает, с друзьями куролесим хорошо, когда напьемся, ого-го как! И никто особо не трогает, только уроды жалобы пишут, как таковой милиции нет – дружина охраны правопорядка. Погромов никто не устраивает, мы в целом очень мирные жители, уроды – совсем как одуванчики, травичка, гы-гы-гы. А кстати, ты выпиваешь?”

Я: “Спиртное? Не очень, иногда, если праздник”.

Сергей: “Ну, здесь придется выпивать, и с праздниками, и без праздников. Никак в зоне без этого”.

Я: “Э-э-э... Почему?”

Сергей: “Мозгами тронешься... Некоторые считают, что водка выводит радиацию, химию из организма, но это не от того. Понимаешь, кроме кашля, все местные мучаются от головных болей. Если не выпивать периодически – с ума сойдешь, сдуреешь от боли”.

Я: “Так от чего это, экология, заражение? Что врачи говорят?”

Сергей: “Поликлиник уже нет. Их закрыли вместе с магазинами. Есть продовольственные, хозяйственные отделы, а в отделе сферы услуг тебе окажут самую минимальную медицинскую помощь. Мы сами друг другу помогаем, есть люди, которые умеют, знают, бывшие врачи. Уродов централизованно лечат и осматривают, там где-то на заводах”.

Я: “Это же первобытное общество какое-то. Вас же не считают за людей!”

Сергей: “Мы сами по себе живем, не встречаем в их высокие дела, а они не трогают нас. И я бы не сказал, что местные часто болеют – нет, даже при всем этом пьянстве”.

Я: “Не представляю, как с этим всем можно мириться...”

Сергей: “Привыкли. Только если не пить, то тогда и вправду тяжело будет: сначала будешь превращаться в овощ, замучает скука, лень, безразличие, то есть будешь чахнуть, потом головные боли, дикие головные боли”.

Я: “Выходит, это что-то психологическое”.

Сергей: “По-разному говорят. Может, психологическое, некоторые говорят, что это все эксперимент, другие – что от пагубного влияния на мозг радиации и химии тумана, а я, например, думаю, что просто от однообразной жизни на закрытой территории, как в клетке. Вспомни, когда в детстве в зоопарк ходили, там животные, наверно, как-то так себя ощущали, некоторые ж там дуреют – из угла в угол ходят, помню, с мамой долго наблюдали, как лиса туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. А может и изучают, испытывают на нас что-то... Да и какая разница-то, разве если будем знать, это что-нибудь изменит?”

Я: “А вы бежать пытались из зоны?”

Сергей: “А нафиг? Какой смысл? Во-первых, привыкли, тем более тут, можно сказать, родина. Во-вторых, сам же говоришь, граница хорошо охраняется, раньше были попытки – до границы и близко не доходили, их возвращали, это большая удача, что тебя по пути не засекли. И в-третьих, тут ведь всем обеспечивают, в продовольственном платить не надо, набирай сколько угодно, формально почти анархия, на рожон не лезь – никто не тронет, делай что хочешь, если сильно не хочется, то можешь и не работать, заставлять не будут. А еще подумай вот, если животное из зоопарка выпустить на волю, волка в лес, к примеру, то что будет? Сдохнет, не сможет жить в неволе, не умеет, это не волк уже, а

собака. Логично? Так и получается: и в зоопарке мучаются, но и на воле жить не сможешь. Ладно, пошли пройдемся”.

Выходим из дома. Я больше хочу попасть в центр, но сегодня не поедем, по словам Сергея, уже поздно, лучше с утра, в другой день.

Мы идем по улице, негромко разговариваем. Других людей, как обычно, немного.

Сергей: “Вот это урод, это урод, это тоже. Вот те – местные”.

Никак не могу привыкнуть к определению “урод”, все-таки оно очень унижающее, это оскорбление.

Я: “Называть их “уродами” не очень грубо?”

Сергей: “Они уроды и есть, что тут рассуждать. Говори, как есть, все так говорят. Также мне толерантность, нашел кого жалеть... Ты потом с ними больше пообщаешься и сам скажешь, что они – уроды. Для нас они как такая, знаешь, данность, как неодушевленные предметы, как мебель в квартире. Слушай, ты извини, я пока тебя ни с кем из наших не знакомлю, с друзьями своими. Про тебя, конечно, рассказывал им, сразу вообще не верили, а сейчас еще побаиваются, так я тебя вроде как проверяю. Но лично я тебе верю, не подумай”.

Я: “Хорошо, ничего страшного, это понятно”.

Попросил Сергея показать мне то необычное здание с крестом, которое я посчитал храмом.

Сергей: “Да, пошли, посмотришь. Собственно, это хреновая идея, проводить экскурсию по нашему району, тут все одинаковое, сам видишь, серое и бетонное. Не знаю, зачем им понадобилось превращать город в эдакую каменную крепость. Погляди, это же горы какие-то, скалы, неживое все, ни тебе деревца, ни травинки – все цемент, все ровно, все прямоугольно. В центре – то же самое, только высотных зданий меньше и есть еще производственные цеха за высоченными заборами. И все постоянно подмазывается, подравнивается, если откололось или трещина, или ямка. У меня сосед работает по этому делу: каждый день мажет, мажет, заливает. Озера высушили, реки в трубах под бетоном. Говорят, от эксперимента дуреет, так в таком городе жить – естественно тронешься, одна сплошная могильная плита, похоронили заживо”.

Подходим к зданию. Его я уже описывал ранее, довольно величественный вид, мне нравится его архитектура.

Сергей: “Это, короче, какой-то молительный или молельный дом у них”.

Я: “У уродов? Храм?”

Сергей: “Да, храм типа религиозный у них”.

Я: “А какая религия?”

Сергей: “Точно не скажу. Мы туда не ходим. Мой друг один внутри бывал, может рассказать, чего они там делают. Песни какие-то по воскресеньям слышатся, воют протяжные такие песни, слов хрен разберешь. Как уроды стали появляться, так и храмы эти построили, в каждом районе есть”.

Я: “А христианские, православные церкви остались?”

Сергей: “Нет. Купола сняли, здания перестроили”.

Я: “Верующие протестовали?”

Сергей: “Не особо. Там ведь священников уже не было, службы не велись. Я не очень-то верующий, хорошо не знаю как там и что, но вроде как по-ихнему здесь, в зоне, что-то

типа проклятия произошло, что тут нельзя жить и надо покинуть эту землю. Священники эвакуировались, а за ними и те, кто сильно верил и соблюдал там все это. Оставшиеся – в основном атеисты, ну или такие, понимаешь, верующие атеисты, иконы дома есть, молитвы какие-то помнят, читают. Так-то мне кажется, я в Бога тоже верю, скорее да, чем нет. Библия мне как книга вот нравится. Правда, я же пьяница, выпить люблю, гы-гы, так что какой из меня верующий. А там, в Европе у вас, что – серьезно с этим вопросом?”

Я: “В основном католицизм. Но ты правильно подобрал определение – верующие атеисты, как-то так и есть у нас с религией”.

Сергей: “Уроды дык вот сильно верят, правда, хер их знает, во что именно и как, для чего песни воют. В воскресенье надо прийти, если послушать хочешь. Они здесь целой толпой собираются”.

Я: “Во что же верят, интересно...”

Сергей: “Может, все в то же самое, кажется, библию они читают, на свой манер интерпретируют”.

Особых достопримечательностей, кроме храма, в этой местности действительно нет. Договорились, что завтра поедем в центр, Сергей придет пораньше.

Сергей точно сделал сравнение с зоопарком, мне на данный момент обстановка здесь напоминает именно зоопарк. Было бы неплохое название для зоопарка – “Лабрум”.

[...]

недосказанностей, поэтому сложно собрать в единое целое, а тем более осознать.

Многие вещи

[...]

записывать все события по минутам, абсолютно все, что произошло – нереально и нецелесообразно, дневник получится слишком объемным, тем более бумагу надо экономить. Сергей пообещал принести хорошей писчей бумаги, но, по его словам, это дефицит.

34.

Перед тем, как ехать в центр, Сергей предложил мне посмотреть, что он хранит в своей квартире на пятом этаже, ведь мы так туда и не входили. Я, разумеется, согласился.

Основное назначение квартиры – хранилище. Сергей хранит здесь книги...

Сергей: “Вот, видишь, тут у меня склад, тут я храню знания, информацию. Это книги, газеты, журналы, брошюры, рукописи и тому подобное. В свободном доступе ты сейчас в зоне книг не найдешь, их все вывезли”.

Я: “Конфисковали?”

Сергей: “У людей насильно не забирали, настоятельно рекомендовали сдать, говорили, что это для нашей же безопасности. А кто знал, что это значит, думали, может бумага накапливает что-нибудь вредное, может радиацию... И сдавали. Никто ж не мог предположить, что другого взамен не дадут. Но были такие как я, прятали. У меня просто с детства много книг было и читать я очень люблю. В свое время, когда переехал, родителей уже не стало, сохранил квартиру, замок вставил. Приношу сюда периодически новые найденные экземпляры, выпросишь у кого, кто поменяет на что-нибудь, и на мусоровозах у меня, так сказать, свои люди, в мусоре еще, бывает, попадают книги. Знаешь, людям без получения знаний нельзя, а в зоне источником информации может

служить только книга. Люди читают, хоть в большинстве и не много, но читают. Музыка еще слушают, я музыкой сильно не увлекаюсь, есть знакомый – так он собирает пластинки, складывает, как я книги, меня в определенных кругах знают по кличке “Книга”, его “Музыка”, так и живем, гы-гы-гы”.

Я: “Если обнаружат, конфискуют?”

Сергей: “Наверное да, специально они сейчас не ищут, людей не обыскивают, только на свалках их собирают, но, наверное, заберут, раз тогда изымали”.

Я: “Какие книги у тебя есть в коллекции?”

Сергей: “У меня не коллекция, у меня библиотека, все расставлено по своим местам, каталогизировано. Книги очень разные: наука, техника, публицистика, художественные, учебники разные и так далее. Вот можешь пройти посмотреть, только новых тут не найдешь, все очень старое”.

Столько книг в материальном воплощении меня уже само по себе впечатляет, я давно отвык от бумажных изданий. Прошел, посмотрел, то, что встретил знакомое – в самом деле давно выпущено, можно сказать это классика, а некоторые научные труды уже морально устарели.

Я: “Все на русском?”

Сергей: “Почти, иностранных мало. На белорусском тоже есть немного”.

Я: “А чем ваше правительство аргументирует сейчас отсутствие книг? И бумаги толком ведь нет”.

Сергей: “Все тем же: для нашей собственной безопасности”.

Я: “Ну смотри, продукты некоторые в бумажной упаковке, для бытовых нужд бумага в хозяйственном имеется, то есть вряд ли дело непосредственно в материале. Тебе не кажется, что в правительстве от вас что-то скрывают?”

Сергей: “Так, давай я тебе раз популярно объясню, чтоб не возвращаться к этой теме. У нас уже нет правительства в твоём понимании. Есть руководство, оно выполняет определенные задачи по обеспечению нашей жизнедеятельности, а законов, конституции – такого ничего нет, оно работает как исполнительная власть, новые распоряжения получает извне, скорее всего, от властей Объединенной Руси (этого на сто процентов не знаю). Кто состоит в руководстве, мы тоже не знаем, вероятно, не местные. С ними мы не сталкиваемся, их не видим, звучат лишь редкие официальные сообщения по радио”.

Я: “А полиция?”

Сергей: “Уже говорил – дружина охраны правопорядка. Также, видно, не местные. Это не патрули, появляются по требованию или заявлению. Их можешь узнать по оранжевым комбинезонам, увидишь не часто”.

Я: “По сути дела, местное население не принимает участия в принятии каких-либо решений”.

Сергей: “Уроды – тоже”.

Рабские условия жизни, но это, судя по всему, нисколько не угнетает Сергея и остальное население. Невероятная добровольная покорность...

Сергей: “Уроды работают на производствах, на заводах. Там производят какую-то технику, механизмы, детали, по слухам, еще и оружие. Местные жители на заводах не работают, не допускаются (не сильно-то и надо – вкалывать от звонка до звонка), мы работаем в сферах обслуживания (коммунальное хозяйство, строительство и ремонт), ну и

еще на парочке фабрик, где делают разные вещи, необходимое в быту, например одежду. Выбить у уroda информацию о том, что происходит на заводе или откуда он родом – невозможно, так как они имеют установку не раскрывать это, либо их мозг действительно узкоспециализирован. Спросишь его: “Что ты делаешь на заводе?” Ответит: “Я работаю во благо страны”, – и все, другого не добьешься. Или спросишь: “Ты откуда и зачем приехал сюда?” Одно и то же у всех: “Я здесь для того, чтобы трудится, меня здесь любят, обо мне заботятся”, – в таком духе”.

Я: “А ты где работаешь?”

Сергей: “Я работаю в коммунальном хозяйстве, на КНС. Это канализационно-насосная станция, грубо говоря, говно качает, с туалетов туда стекает, а я дальше перекачиваю его. Работа такая: прийти, открыть задвижки, включить насос, выкатать резервуар – и все. Определенного графика нет, главное чтоб резервуар не переполнился. Раз в месяц надо вымыть резервуар, разобрать насос и почистить его крыльчатку. Обычная работа, ничего интересного. Вонь только, но привыкаешь, ничего. Можно не работать, не заставляют, только тогда в продовольственном фиг что получишь”.

Я: “Но мне же выдают...”

Сергей: “Сразу меня это тоже насторожило, видимо, так вышло в силу того, что ты не зарегистрирован, поэтому и в списках тунеядцев не числишься. Редко кто не работает, самогонщики, например”.

Я: “Кто?”

Сергей: “Самогон гонят, ну то есть спиртное подпольно производят. Потому что, как ты мог заметить, в продовольственном его нет и не было никогда”.

Мы сидим в квартире Сергея, окруженные книгами, похоже, сегодня он очень настроен рассказывать, естественно, я не перебиваю и не останавливаю его.

Сергей: “Детей видел?”

Я: “Нет”.

Сергей: “Потому что их в городе нет, они живут в лагере. На другом конце города есть закрытый лагерь, наших детей направляют туда, посещать их родителям можно лишь раз в неделю. Его организовали, когда сгустился туман, объявили, что это для их безопасности и сохранения здоровья. У меня самого детей пока нет, у друзей есть. После родов женщины месяц находятся в лагере, потом возвращаются с ребенком в город, до года он воспитывается дома (на улицу выходить противопоказано), а потом его забирают туда на все время; в восемнадцать лет ребенок выходит из лагеря, получает паспорт. Уроды тоже создают семьи, хотя и не часто, они в основном по одному живут, но если создают и у них появляются дети, то женщину с ребенком вывозят из зоны.

Я: “Как же они размножаются?”

Сергей: “Новых завозят. Слушай, тебе не кажется, что меня поперло слегка? Как бы в центр собирались, а я тут без умолку балаболю, вражескому шпиону все секреты выкладываю, гы-гы-гы”.

Я: “Ничего, в центр в другой раз можно”.

Сергей: “Да, сегодня не охота уже. Это у меня знаешь... Короче, напился я вчера порядочно, больше бутылки получилось, так сегодня, как можешь видеть, имею помятый вид, усталость на лице, но ясный ум и разговорчивость, аж не заткнуть. Это так всегда после попойки, сам почувствуешь. Кстати, пора тебе пить начинать, не дуреешь еще?”

Я: “Не знаю... Как понять?”

Сергей: “Поймешь... Знаешь, мне в зоне больше всего два момента нравится, первое – пункты выдачи, социализм этот”.

Я: “Коммунизм скорее”.

Сергей, после паузы: “Ты не подумай, что мы тут какие-нибудь слаборазвитые, необразованные. Если я с виду такой и говорю так, и перегар у меня... Мы читаем... Но ты прав – коммунизм”.

Я: “Не хотел тебя обидеть...”

Сергей: “Забудь, фигня. Второй момент – пьешь себе во благо. Пить не просто рекомендуется, пить надо обязательно. Мы, конечно, все алкаши получается, но ничего не подделаешь – пей, если не хочешь сойти с ума”.

Я: “Как производится спиртное?”

Сергей: “Я ж тебе говорю – умельцы есть. Между прочим, уважаемые люди. Сахар, дрожжи в продовольственном есть, ну и все – идет дело. Путем дистилляции получается сорока или более градусный продукт, водка по-вашему. Качество зависит от мастерства производителя и технического уровня аппарата. Самогонщики не работают, меняют свой эликсир, гы-гы, на продукты, одежду, технику, на все. Формально эта деятельность запрещена, раньше они глубоко в лесу прятались, сейчас по подвалам, по пустующим домам. Далеко в лес ходить нельзя, но заборов нет. По первому времени сельские жители, кого в город переселили, не могли отвыкнуть от земли и ходили в лес, делали там огородики, грядки, потом постепенно свыклись с городской жизнью, да и зачем – все в продовольственном есть. Они же, кстати, и самогоном в основном занимаются”.

Я: “Сейчас за городом только лес?”

Сергей: “Недалеко от города, там в одном месте, есть какие-то склады и ангары. Еще я знаю о железной дороге, она проходит через всю территорию зоны с запада на восток, но к ней не подойти: охраняется и по большей части поезд идет в тоннеле, в трубе”.

Я: “Я по этой железной дороге как раз сюда и пробрался”.

Сергей: “Тебе повезло. Поезда ходят редко, может раз в два – три месяца”.

Я: “Знаю, изучал расписание. И там суперскоростные поезда, они только на границе снижают скорость, а так движутся очень быстро”.

[...]

в городе ориентировочно пятьсот тысяч жителей, это всех, из них нормальных, то есть местных, что-то около двухсот тысяч. Но это не точно, навскидку, точных цифр не знаю”.

Я: “Совсем мало по сравнению с численностью до катастрофы”.

Он: “Да уж, тут безлюдно, некоторые районы совсем

[...]

поэтому так получается, мож...

[...]

для, как ты выразился, проведения досуга больше ничего нет. Только кинотеатры, по одному в каждом районе, но и туда попасть можно только по очереди, по записи. Мы, правда, своей компанией ходим чаще – есть способ. В кинотеатрах показы с пленки, старая технология: киноаппарат, мощной лампой просвечивают пленку с увеличением. Все фильмы старые – это классика, в основном русская, еще времен СССР. У тебя опять может возникнуть вопрос: почему мы такие безынициативные, как терпим, почему

безразлична не только жизнь окружающих, но и своя? Скажешь, что надо бороться за свою жизнь, за свои права. Так вот, я тебе отвечу, что такое свойство есть в каждом человеке на Земле, а при определенных условиях оно проявляется и становится основополагающим. Про уродов я не говорю – это отдельная тема. Сначала сильное потрясение, стресс, потом информационный вакуум, потом ограничение обитаемого пространства, потом безусловное обеспечение питанием и основными материальными потребностями, и пьянство. Что еще надо... И кроме того, привычка, ведь не сразу все разом, постепенно жизнь менялась после катастрофы. Мне вот самому чего хочется – побольше книг, новых, а так что еще – ничего, все вроде есть. Как-то так и живем. При всем при этом, продолжительность жизни нормальная, шестьдесят – семьдесят лет где-то, с такими-то экологическими условиями, с пьянством, согласись – вполне нормальная”.

Я: “В этих условиях – да. Это у местных, а уроды?”

Сергей: “В среднем их возраст от двадцати до сорока лет. Но их же новых привозят, некоторых наоборот увозят, сложно определить”.

Сергей замолчал, прошелся по комнате, достал одну из книг, полистал.

Сергей: “Ладно, хватит мне трюндеть, расскажи лучше теперь о том, что там в мире происходит у вас. Расскажешь? Чего достигли, к чему стремитесь...”

Я долго, допоздна рассказывал о “том” мире Сергею. Он очень удивил меня своими познаниями, вопросами, признаюсь, я не ожидал от него такого уровня образованности. Больше его интересует наука и литература, очень сильно – философия. Вообще, в его понимании наука – это и есть нечто ближе к философии, чем физические, технические открытия и эксперименты. То есть факты, события, достижения он в первую очередь подвергает философскому осмыслению, притом проявляет в этом деле такую логику, глубину мышления, что мне кажется, я разговариваю с профессором, пусть и с самоучкой, но профессором. Я не могу сложить в одном человеке его поведение, внешний вид, манеру общения и его мышление, ум (не эрудицию, а именно ум), особенно когда дело касается философии. И мне очень даже понравился такой подход к науке, если разобраться, то философия – это первонаука, наука наук в стремлении человека познать мир.

[...]

Нельзя уверенно назвать это тоталитаризмом. Это некое ранее не встречавшееся образование ноосферы – к этой мысли меня склонил Сергей в своих рассуждениях, согласен с ним. Пока сложно сделать определенные выводы, не хватает информации, например, об уродах, как формировалось их сознание. Потому что тут можно выделить две новых формации: местные, коренные жители и “уроды”. И если местных жителей хоть в какой-то мере еще можно охарактеризовать, то с уродами значительно сложнее, поскольку их сознание формировалось за пределами Лабрума. Пока ясно одно, уроды – существа разумные, люди, но имеющие упрощенное мировоззрение и потребности, их интеллектуальное развитие направлено по определенному вектору, однако кто или что его задает – еще не известно.

Здесь, в Лабруме, все гораздо более сложнее, чем мы могли себе представить.

35.

Сегодня ездили в центр.

Сергей пришел в три часа, планировали в двенадцать, но он не смог раньше. Спешили на остановочный пункт, опаздывали на маршрутный автобус. Сергей подтвердил мои наблюдения, что весь транспорт в зоне с двигателями внутреннего сгорания, то есть в качестве топлива используются нефтепродукты, электротранспорта, тем более с фазовыми двигателями, тут нет с самой катастрофы. И в пользовании жителей нет личного транспорта, только общественный и служебный.

Наш район (бывшая “Щемыслица”, теперь номер семнадцать – все районы в городе под номерами, без названий) находится несколько на отшибе, от центра его отделяет нежилая территория (бывший парк) и еще один район, практически полностью пустующий.

До центра автобус остановился после нашего района еще два раза. С нами вошел только один человек (урод) и еще два вошли на следующей остановке (тоже уроды), в это время, по словам Сергея, крайне мало кто ездит в центр. Сергею не нравится, если я в разговоре называю всех жителей людьми или любого прохожего человеком, он настаивает, что надо отделять нормальных от уродов, что уродов не следует называть людьми. Автобус старый, в смысле, что такие были в наше детство, но с виду он в очень хорошем состоянии, практически как новый. Пейзаж за окном всю дорогу угнетающе однообразен. Забетонированный парк оказался довольно большим, хорошо, что тогда я не пошел по нему пешком, соседний район ничем не отличается от нашего, помимо того, что там я не увидел вообще ни одного человека, и вначале его располагается небольшой, но сильно дымящий завод.

В центре большую часть занимают территории заводов и производств, огороженные высокими, не менее чем четырехметровыми бетонными заборами. Они гудят, пылят, лязгают, воют, дымят. Административный центр компактно располагается в одной местности: Руководство (парламентом или как-то по-иному здесь оно не называется), пункт Регистрации и трудоустройства, Управление охраны правопорядка, Депо городского транспорта, Центральный кинотеатр, Центральный пункт выдачи, Центральный отдел бытовых услуг, Главный молельный дом. Здание руководства (бывший Дом правительства) обнесено двухметровым фигурным забором из гранита, оно отличается от других светло-серым цветом, охраняется, подходить близко и стоять у забора нельзя; в пункте Регистрации и трудоустройства (бывший Горисполком) можно подать заявление на регистрацию брака, на смену работы или места жительства, стать на учет беременным и тому подобное; Центральный пункт выдачи (бывший магазин “ГУМ”) работает по предзаказу, можно сделать заказ необходимых продуктов, вещей или устройств, чего нет в районных пунктах, и тебе доставят необходимое, если нет запрета на потребление и использование заказанного; в Центральный отдел бытовых услуг (бывший Главпочтамт) обращаются за медицинской помощью при серьезной болезни, за социальной помощью, если ты инвалид или в преклонном возрасте, и с прочими подобными вопросами; в Управлении охраны правопорядка (бывший Педагогический университет) находятся дружинники и там можно подать заявление о различных нарушениях; Главный молельный дом состоит из трех таких зданий как в нашем районе, расположенных на общем метровом фундаменте. Сергей был прав, ничего особенного в центре нет, пусто и безлюдно.

В пять часов (на здании Центрального отдела бытовых услуг есть большие механические часы) почти синхронно прозвучали гудки на заводах и через пятнадцать – двадцать минут на улицы высыпали толпы уродов. Они выстроились в очереди на остановочных пунктах, потом стали подъезжать один за другим автобусы и люди (уроды) разъезжались по разным направлениям города. Мы не занимали очередь, подошли и стали в самое начало – абсолютно никто не возмутился, не сделал замечания. Уроды практически не разговаривают друг с другом, лишь изредка слышны короткие фразы на бытовые темы, о погоде, о работе. Обратный автобус был переполнен. Признаюсь, что по отношению к уродам чувство страха у меня постепенно сменилось безразличностью. Более всего противно вот это покорное поведение, остекленелый взгляд и безэмоциональность. Перед тобой человек, не животное, интеллект у них присутствует, что-то мне даже подсказывает, что они вполне развиты, но ограничены, как будто действуют по жесткой инструкции. Возможно, именно уроды представляют наибольший интерес в изучении Лабрума, возможно, это новая, искусственно воспитанная или выведенная раса.

По возвращении из центра Сергей зашел в свое хранилище за книгами и мы опять долго разговаривали там. Точнее, говорил я, он снова задавал мне вопросы – я отвечал. И когда я рассказывал о своем “правильном”, “нормальном” мире, то словил себя на мысли, что не в Лабруме время остановилось, отстало, а наоборот – это будущее. Оно чаще представляется нам радужным и благоприятным, но может сложиться и по-другому...

Сергей предупредил, что три дня будет сильно занят, надо уладить какие-то дела, а потом еще будет “грандиозный сабантуй”, так что четыре дня не встретимся. Но после пообещал познакомить меня с друзьями.

36.

Не выходил сегодня из квартиры...

37.

Легко могу сойти с ума. От апатии и переизбытка разрозненных мыслей в голове. Мозг, кажется, весь бурлит. Неужели это то самое состояние, о чем говорил Сергей... Болит голова.

Не выходил бы и сегодня, но нужно за продуктами.

38.

Так происходит всегда, если

[...]

Не понимаю такого геополитического шага, когда самые крупные государства, и, что важнее, самые мощные в плане вооружения создают военно-политический блок якобы только для защиты стран участников. От какого же такого нападения они сообща собираются защищаться, если остальные страны не могут что-либо существенное противопоставить даже одному из участников, не то что всему союзу. Если нет явной угрозы, равноценного соперника, то зачем? Сначала всеобщее разоружение, а потом избирательное вооружение – это как минимум несправедливо. Здесь возникает только такой вывод, что Альянс создан в страхе возрождения той силы, которая стремительно подминала под себя несогласных. Может быть, есть и предпосылки к этому, так сказать,

присутствует повод для беспокойства. Если хотя бы некоторые производства на территории Лабрума имеют военное назначение – то это так. Хотя в то же время мы на примере увидели, как эта чудовищная сила в итоге сожрала саму себя и привела к саморазрушению.

История человечества очень предсказуема в своей цикличности.

Раскалывается голова...

40.

Сергей Сегодня не пришел. Я лежу.

41.

Наверное, у меня был плачевный вид, потому что, увидев меня, Сергей заволновался (повторял: “Это я виноват, это я виноват, ну я и дурак...”), сказал, чтоб ни в коем случае не выходил из квартиры, ждал его – и убежал куда-то. Он вернулся через час с бутылкой самодельной водки (самогона). Мы пили, почти не закусывая, разговаривали, становилось легче. Я был безумно рад видеть Сергея. Потом меня рвало, сильно, Сергей успокаивал, говорил, что это с непривычки и надо перетерпеть.

42.

Проснулся от того, что кто-то настойчиво дергал меня за плечо – это меня будил Сергей. Утро, девять часов. Я не могу опомниться, очень крепко спал, сначала совершенно ничего не соображаю, где я и что. Голова гудит (но уже нет той страшной вчерашней боли), ломит конечности, отлежал левую руку, она совсем онемела, сухость во рту и давящее чувство внутри, где-то в желудке – в общем разбитое состояние похмелья. Но настроение хорошее, как будто все страшное осталось позади. Смутно помню, как заканчивался вчерашний вечер.

Сергей: “Мы ж сегодня договорились с утра на работу ко мне. А потом в гости к нам с Илоной. Давай собирайся. Я понимаю, водка у нас, может, не самая кристальная, подпольно как-никак производится, у тебя еще организм не научен, гы-гы, но, вообще говоря, я старался, и вчера самогон был от хорошего производителя, он ни разу не подводил”.

Пришлось собрать себя в кучу и заставить принять вертикальное положение.

Сергей: “Ты эта, может иди помойся, где ты там моешься, а то Илонка не любит, когда немые. И побрейся, станки брал в хозяйственном?”

Я: “Брал”.

Помылся, старался тщательно, насколько это возможно было сделать в подвале с тазиками и черпачками. Забыл полотенце и поэтому поднимался по лестнице мокрым, дрожа и оставляя за собой влажный след. Физическое состояние разбитое, но вот психологически мне стало и впрямь гораздо легче. Нет этой хандры, голова хоть и побаливает, но это уже не та ужасная боль что была, прояснилось сознание, в мозгу словно сделали уборку, навели порядок. Даже жить хочется, все стало на места, все понятнее и проще. Мне кажется, изменения кардинальные, рассказал об этом Сергею.

Сергей: “Ну так а я тебе о чем говорил, это ты затянул, надо было раньше еще. Я не знаю, как и почему это действует, поняли мы тут это опытным путем, но эффект налицо. Добро пожаловать в общество вынужденных алкоголиков! Гы-гы-гы-гы”.

Я в целом-то почти не пью (не пил), только по праздникам, ну и некрепкие спиртные напитки, вино, шампанское. Придется, видно, теперь привыкать, если действительно есть такой эффект, я уже не знаю во что здесь верить, во что нет...

Идем на канализационно-насосную станцию, где работает Сергей. По дороге он рассказывает о своей любви, о Илоне.

Сергей: “Понимаешь, она необычная женщина. Ну, она красивая, как на мой вкус, вкусы разные бывают, сексуальная и так далее, но она еще ведь очень умная. У нее интуиция, знаешь, какая! Назовешь ей факты, так и так, а она в голове их покрутит, покрутит, поразмыслит – выдает решение, вывод, и будь уверен, что так оно и есть. Вот книг не так уже любит читать, а про что ни заговори – поддержит беседу, память потому что хорошая, если где услышит что-нибудь, так уже не забудет. Знаешь, как мы проводить время любим: я ей рассказываю содержание книги, которую прочитал накануне, она слушает, вопросы задает, а потом мы ее обсуждаем. Умница! А покладистая какая, все в доме на ней, готовит отлично, всегда порядочек, уютно. Повезло мне. Я ее четыре года назад встретил, тогда ей было двадцать восемь, не представляю теперь, как до этого один жил, без нее”.

Сегодня я не чувствую угнетающей пустоты Лабрума, потерянности, тоски. Не обращаю внимания на туман, не боюсь уродов. Неужели я тоже начинаю привыкать, так быстро привыкать...

КНС номер семнадцать дробь два – это одноэтажное прямоугольное здание, чуть в стороне от жилого массива. Внутри оно разделено на две части, приемное и машинное отделения, также есть небольшая комнатка для персонала. Приемное отделение – это большой, глубокий резервуар, уходящий под землю на десять метров, сюда собираются сточные воды с жилых домов. В машинном отделении стоит три мощных электродвигателя. Сергей показал мне на плане района очерченный участок, с домов которого канализация идет в его КНС, довольно большой участок.

Сергей: “На моем участке все дома, кроме одного – уродские, то есть там уроды живут. Я тебе говорил, что мы отдельно живем?”

Я: “Кажется нет”.

Сергей: “Ну да, мы отдельно селимся. Можем в одном районе жить, но только в разных домах. В доме только уроды или только местные, коренные. Это мы сами так решили, руководством определяется, какие дома жилые и куда можно заселяться, а выбрать можешь сам. Если какой урод заселится в наш дом, то мы его изживаем, чтоб переселился. Так вот у меня на участке уроды эти, извиняюсь, какают, писяют, руки моют, жопы свои моют, и это все дерьмо самотеком льется сюда. Резервуар наполняется, а я его перекачиваю дальше”.

Я: “Куда?”

Сергей: “Гы-гы-гы, неужто так интересно, весь путь какашек знать хочешь, гы-гы-гы. Дальше все это по огромным канализационным трубам идет за город, в лес, на поля фильтрации. Поле фильтрации – это как большое озеро, но не глубокое, там жидкость, вода, частично впитывается в землю, частично испаряется. Через толстый слой земли

фильтруется и попадает вновь в подземные воды, которые мы потом опять пьем, а испарившаяся – дождевиком потом капает на нас. Насосы у меня самые обычные – трехфазные асинхронные двигатели. Схема стандартная, у вас какахи наверняка тем же образом ликвидируются. Выкачиваю два раза в сутки: утром и ближе к вечеру – могу в принципе и один раз, у меня резервуар большой, есть запас, на других КНС-ках ребята по четыре, а то и по пять раз в стуки качают. Кнопку нажал – и пошло, следишь, когда уровень упадет. Насосы надо чередовать, то есть десять минут один, десять минут другой, десять третий, и так по кругу, пока не выкатаешь, делается так, чтобы они не перегревались. Лучше выкачивать своевременно, я стараюсь и на три раза разделить, если время есть, потому как, если оно в яме долго стоит, то гуща оседает вниз, и потом насосам тяжело ее высасывать. Из остальной работы: периодически делать профилактику насосам (разбирать и чистить крыльчатку, смазывать подшипники), держать в чистоте резервуар (периодически лезть туда и щеткой, шлангом мыть стенки и дно). Нельзя допускать, чтобы яма наполнилась доверху, тогда все поперет через край в машинное отделение, а потом и на улицу, речка-говнотечка получится. У меня такого за семь лет, как тут работаю, не случилось, тьфу-тьфу-тьфу. Вообще-то мы тут должны вдвоем работать, с напарником, но у меня уже второй год его нету, раньше дед один работал, Федорович, как умер – так никто пока не пришел. Не хочешь ко мне в напарники, а? Гы-гы-гы. А?”

Я, тоже шучу: “Ну, э-э-э, я не знаю, я же не местный, приезжий, мне на такую ответственную работу нельзя, гы-гы-гы”.

Сергей: “Гы-гы-гы-гы. Ответственную! Гы-гы”.

Я: “Кроме того запах...”

Сергей: “Да, сюда не каждый идет, бо воняет – сам чуешь как! Хотя это же всего-навсего сероводород, ничего страшного, гы-гы. Привыкнешь”.

Сергей при мне откачал резервуар, заняло это около часа. Воздух на КНС, конечно, очень тяжелый, особенно в приемном отделении, я сильной брезгливостью не отличаюсь, но поначалу все же к горлу подкатывало и даже глаза слезились, поэтому мы ждали на улице. Сергей подшучивал: “Не бойся, это всего лишь говн-о-о-о, ничего страшного... Гы-гы-гы, не б-о-о-о-йся”.

Идем в гости. По пути Сергей сначала уверяет меня в ущербности уродов.

Сергей: “Я тебе точно говорю, у уродов дерьмо воняет больше. Вот у меня есть знакомый на другой КНС, там у него на участке почти все наши дома, и что – вонь у него меньше! Я не придираюсь, я тебе честно говорю. Хрен их знает, что эти уроды жрут, что они там себе готовят. Но воняет больше, это точно! А если не веришь, то мы как-нибудь можем сходить к нему на КНС-ку и сравнишь сам”.

Потом опять говорил об Илоне.

Сергей: “Я ей во всем доверяю, ближе для меня человека здесь нет. Мы официально в браке не состоим, просто так живем, надо сказать, последнее время все меньше придерживаются этой формальности, что штамп поставить надо в паспорт – зачем, главное же не это... Я после смерти мамы очень переживал, можно сказать, жизнь шла под откос. А тут она... Все изменилось, я прямо духом воспрял. Это только с виду она такая простая и кажется глуповатой, нет – она умная, мудрая. Пьет совсем мало. Ее и на работе все любят”.

Я: “А она где работает? На производстве?”

Сергей: “Да на каком производстве... Я же тебе говорил: местные на заводах не работают, туда берут только уродов, на нас там никогда не выделяли никаких вакансий. Мы обслуживаем зону, в жилищном хозяйстве работаем. Илонка работает дворником, обслуживает четыре дома”.

От КНС до дома Сергея мы шли минут пятнадцать. Подходим к дому, немного волнуясь, Илона будет вторым человеком, с которым я общаюсь в Лабруме. Я уже успел слегка одичать за время одинокого тут существования. Дом той же планировки, что и мой, с виду ничем не отличается, двенадцатиэтажный, заходим в подъезд.

Сергей: “Вот, входи. Видишь, у нас тут поуютнее, чем у тебя там, обжито”.

Внутри дома обстановка разительно отличается от того, что было снаружи, несколько даже неожиданно. Здесь светло, чисто, стены окрашены яркими цветами и разрисованы (темы природы, цветы, солнце, радуга, зимние узоры и тому подобное). В горшках стоят комнатные растения, некоторые цветут – первый раз вижу в городе растения. На стенах висят различные ручные поделки из дерева, полочки, бумажные картинки (вероятно, вырезанные из книг) и подобные самодельные украшения. На первом этаже в общем коридоре у лестницы стоит большой стол, за ним, по-видимому, собираются для разговоров и настольных игр (на краю стола лежит колода карт и коробка с шахматами).

Сергей: “Мы живем дружно, всем домом. У меня несколько давних друзей здесь живет. Почти весь дом заселен, только два верхних этажа еще пустуют – высокие этажи считаются хуже, типа что с высотой туман плотнее, так вроде вредно. Хотя, я думаю, вряд ли вреднее, окна ведь мы не открываем, видел же: везде окна полностью глухие. Правда, мы-то живем на втором этаже, самый элитный этаж считается, это Илонка захотела”.

Мы поднялись и уже у дверей квартиры Сергея. Нас встречает невысокого роста девушка с очень приветливым лицом и сияющей улыбкой, блондинка, волосы до плеч.

Я: “Здравствуйте”.

Илона: “Здравствуйте. Проходите, я вас жду. Сергей, вы где задержались, два часа назад должны были уже прийти”.

Сергей: “Пришлось рассказать и пояснить интересующимся принцип работы КНС, гы-гы. Познакомьтесь: это Илона, это Леонид. Или как там тебя по-новому, по-немецки?”

Я: “Кристоф. Но для друзей – Леня”.

Илона: “Очень приятно. Мне Сергей рассказывал, я сначала никак не могла поверить, невероятно. Мне много о чем хочется вас расспросить...”

Я: “Можно на ты”.

Илона: “Сергей, покажи пока Леониду, как мы живем, я подготовлю стол, все остыло уже, разогреть надо”.

Со вчерашнего вечера ничего не ел, поесть мне сейчас хочется даже больше, чем смотреть квартиру, от запахов с кухни в животе предательски заурчало.

Сергей: “Леониду-Кристофу еще и похмелиться надо, гы-гы, достань там из моих запасов бутылочку получше – ему пока абы что пить нельзя, организм не адаптирован, гы-гы”.

Квартира трехкомнатная. Уютно. Обои приятного цвета и рисунка: оранжевые с изображением вьющихся стеблей плюща в коридоре, светло-желтые с ромашками в двух комнатах, салатные с подсолнухами на кухне и голубые с васильками в спальне; качественная мебель из массива дерева (похоже, восстановленная старинная); стены

украшены картинками и фотографиями (родственников) в рамках; пол полностью мягкий, ковровое покрытие; ванная и туалет отделаны ослепительно белой плиткой. В квартире, так же как и в подъезде, много комнатных растений, не понимаю, как им может хватать этого тусклого света из затемненных окон.

Сергей: “Тут чтобы ремонт сделать, ты не представляешь, сколько я сил потратил. В хозяйственном на районе ведь ничего такого нет, за всем надо ехать в Центральный пункт выдачи, делать заказ, ждать пока привезут и потом еще волокни на автобусе сюда. Видал, мебель какая – насобирал хорошей по квартирам, хоть это и запрещено, вандализм. Основная проблема – притащить в квартиру, транспорта нет. Машину по заявлению могут дать, но только в крайней необходимости, например если хоронить”.

Я: “Где хоронят?”

Сергей: “За городом, в лесу, где ж еще”.

Я: “Я почему-то думал, что у вас должны быть крематории”.

Сергей: “Вот еще, будут они на нас дрова тратить”.

Я: “Уродов там же?”

Сергей: “Да, только на отдельном кладбище”.

В коридоре заметил телефон, аналоговый, на проводе, я видел такой только в старом кино: с диском и цифрами в кружочках, диск нужно повернуть до упора за нужную цифру, большая трубка с витым проводом.

Сергей: “Телефоном пользуемся редко, кому тут особо звонить, проще встретиться. За границу, естественно, позвонить нельзя. Скорее всего, прослушивается, так что лишнего лучше не говорить. Еще телефон служит как средство информирования населения, если срочное что по работе или важное постановление, распоряжение – телефон звонит, проигрывается запись, ты слушаешь. В основном по радио информируют, но если очень срочно и обязательно надо донести информацию лично – звонят”.

Я: “Радио только для сообщений или музыку включают?”

Сергей: “Вечером, в девять часов, на час включают музыку (в основном классика) или радиопостановку (спектакль). Новости редко передают, какие тут новости... В шесть утра оно еще как будильник работает, звонок, но это для уродов. Я редко вижу, чтоб уроды пользовались наручными часами, на работу их будит звонок по радио, с работы – по гудку; реально, нахер им те часы...”

Я: “Почему в городе растительность уничтожена, а в домах есть?”

Сергей: “Дома не запрещается. А зеленого ведь хочется, живого, за окном сплошной бетон, каменный пейзаж. Свет вот часто оставляем включенным, чтобы росли, фотосинтез же нужен, а с окон света мизер”.

[...]

Илона: “Леонид, я все же не могу понять, как этот ваш “журналистский интерес” заставил сюда к нам пробраться?”

Я: “Я же говорю, давай все-таки на ты”.

Илона: “Хорошо, просто знаешь, таких людей, откуда я не встречала никогда”.

Сергей: “Я ей объяснил, что ты – журналист, с целью расследования...”

Я: “Забраться-то я забрался, а вот как выбираться буду – даже не знаю... Понимаешь, там никто не знает, что происходит в зоне, никто не знает, что тут, оказывается, есть жители, что вы здесь есть”.

Илона: “Так уж и никто?”

Я: “Очень мало осведомленных, обладающих достоверной информацией, она тщательно скрывается”.

Сергей: “Он сейчас еще начнет говорить, что нас надо спасать, мол, жизнь наша убогая и рабская”.

Я: “Так грубо, конечно, не скажу...”

Илона: “Не сахар жизнь, но...”

Я: “Но ведь можно жить по-другому”.

Илона: “Может быть... Расскажи лучше, что там у вас”.

Я: “В смысле, что?”

Илона: “Ну вообще, какая жизнь, какие люди, какое все?”

Сергей: “Я же тебе рассказывал, что он мне говорил”.

Илона: “Это ты, а хочется, чтоб Леонид сам рассказал, как говорится, из первых уст”.

Сергей: “Погоди, Леня, повествовать, сначала выпьем”.

Я уже порядком опьянел, хотя выпили еще не так и немного. Что-то мне подсказывает, что втянусь в это дело быстро, потому что нравится... Сергей, как и вчера, пьет больше меня, но пьянеет крайне мало, Илона почти не пьет.

Я: “Не, давай сначала ты расскажи о себе, а потом я”.

Илона: “Сергей не рассказывал разве?”

Сергей, улыбаясь: “Рассказывал, хвалил очень Илонку свою...”

Я: “Нет, хочется, как ты говоришь, из первых уст”.

Илона: “Ну я не знаю... Все обычно, как у всех. Родители не захотели эвакуироваться из зоны, мы остались. Потом эти непонятные явления, этот туман...”

Сергей: “Это можешь не рассказывать, он в курсе”.

Илона: “Так а что тогда?”

Сергей: “О себе”.

Илона: “Сначала жила с родителями, в соседнем районе. Работала в книжном магазине, пока были магазины. Потом работала на ликвидации растительности в городе”.

Сергей: “Понял, понял, Леня, кто все деревья изничтожил, гы-гы-гы”.

Илона: “Ой, ну ты же сам знаешь – постановление, я ведь лес люблю и природу... А сейчас уже последние годы, э-э-э, не помню точно сколько лет, давно, работаю по санитарной уборке жилой территории”.

Сергей: “Дворник по-нашему”.

Илона: “Ну да, дворник. Вот и вся жизнь. А ты сам подумай, Леня, что тут может в жизни произойти сверхъестественного в такой серости и однообразности”.

Сергей, улыбаясь: “Но мы не жалуемся, хорошо живем, любим друг друга”.

Илона: “Да”.

[...]

конечно, а как же, иначе нельзя”.

Я: “Иными словами, вы этого не хотите. Правильно я понял?”

[...]

тридцать лет, представь себе. Он тридцать лет был там, безвылазно

[...]

После этого я рассказывал о жизни “за стеной”, сбиваясь и заикаясь, оттого что был в стельку пьян. Илона внимательно слушала, поправляя невыговариваемые мной слова.

Домой я не пошел, уже не мог идти. Меня уложили спать в гостиной на диване. Здесь было приятно, спокойно, ощущение домашнего уюта.

43.

Утром меня разбудил Сергей, ему пора было идти на работу. Первым делом он дал мне выпить, “опохмелиться”, так что я не успел ощутить неприятных последствий от вчерашнего – все быстро прошло. Илоны дома не было, она работает по утрам (с раннего утра до полудня). Мы очень вкусно позавтракали блинчиками с творогом и пошли на КНС. Сергей откачал резервуар и проводил меня до моего дома. Вчера я, очевидно, пригласил его с Илоной к себе в гости, потому что Сергей сказал, что завтра после обеда они придут, чтоб я подготовился.

Вечером была гроза! Я выходил на улицу смотреть. В сочетании с туманом сверкающие молнии и гром производили устрашающее впечатление, но это было по-своему красиво. При этом туч в небе не было видно, их заслонял туман, дождь шел как бы из него, просто сверху, а молнии вспыхивали в нем светящимися разрядами. Гроза была необычной: резко началась, молнии и гром лупили очень-очень часто, все небо озарялось бесконечными вспышками, раскаты не стихали вовсе, и также резко все закончилось. Довольно сильный ливень не повлиял на туман. Конечно, это никакой ни туман в привычном понимании, так как такой дождь и ветер разогнали бы его однозначно.

44.

Вчера допоздна приводил квартиру в хоть сколь-нибудь подобающий вид. Основательно закупились в продовольственном и сегодня с утра применяю все свои скупые кулинарные навыки на практике. На одной лишь электрической плитке особо не развернешься, никаких изысков: отварил картофель, поджарил мясо с грибами, сделал салат оливье, салат из капусты, есть селедка, мясная нарезка, соленые огурцы, оливки, сыр, пирожные на десерт.

Сергей и Илона пришли в два часа.

Илона: “И тебе не страшно тут одному, весь дом пустой, я бы тут не смогла, жутко”.

Сергей: “Чего жутко, чего бояться, ты людей бойся, уродов бойся, а одному что: живи себе, наоборот спокойно, сам по себе, при своих мыслях”.

Илона: “Ты, может, тоже тогда хочешь один пожить, при мыслях? Чего ж ты не идешь вон в свою библиотеку?”

Сергей: “Не, я один уже не могу, я с тобой хочу”.

Я: “Привыкаешь ко всему”.

Илона: “Да, Леонид, это правда – привычка... Ой, кстати, а можно я тебя Кристофом буду называть?”

Сергей: “С чего вдруг?”

Илона: “Мне как-то так больше нравится, я подумала, ведь человек приезжий, а “Леня” – как-то слишком по-местному, по-нашему”.

Я: “Для меня разницы нет, как угодно можно, Кристоф – даже привычнее, если честно”.

Сергей: “Вот у Илонки какая логика, все в голове логично! Гы-гы. Ну тогда и я так буду”.

Илона: “Неплохо ты тут обжился, комфортная обстановка. Мебель есть, кухня. Только растений нет совсем, тускло поэтому”.

Я: “Обзаведусь”.

Илона: “Я тебе принесу паростков и семян, разведешь. Смотрю, и электричество есть: освещение, плитка электрическая...”

Я: “Есть, нашел, где включается”.

Сергей: “Ты посмотри, сколько он наготовил. И мясо, и картошечка, и салаты”.

Илона: “Молодец! А вода?”

Я: “В подвале, и холодная, и горячая есть”.

Сергей: “Он в тазиках моется, гы-гы-гы”.

Илона: “Так это ты тут раньше с родителями жил, до катастрофы?”

Я: “Да, именно в этой квартире. Кое-что из того времени осталось: мебель, диван, детская моя кровать, обои...”

Илона: “Интересно, Сергей, а почему вот из нежилых домов не убирают старую мебель? Снаружи здания оштукатурили, заровняли, окна поменяли, а внутри не трогали...”

Сергей: “Скорее всего, оставляют частично на случай возможного заселения домов, чтобы основное было уже сразу, наверно, для этого. Бывшие административные здания, школы, магазины и подобное – расчищены внутри полностью”.

Я провел их по квартире, хотя показывать-то тут особо нечего. Пригласил к столу.

Я: “Пойдемте, пообедаем. Извиняюсь за скудость угощения, как смог”.

Илона: “Да нет, ничего, мы же понимаем”.

Сергей, доставая из сумки бутылку самогона: “Для закуски хватит, мы же не кушать пришли! Гы-гы-гы-гы”.

Мы выпиваем, я рассказываю о жизни “за стеной”, в цивилизованном мире, они задают вопросы. И чем дольше мы обсуждаем эту тему, тем больше они меня убеждают своими доводами, что жизнь в Лабруме не хуже, чем в “цивилизации”, а в некоторых моментах, пожалуй, и лучше.

Сергей: “Тут смотря какие цели, понимаешь. Если есть цель заработать большой капитал, получить известность в обществе или влияние, или если большое желание свободно по миру путешествовать...”

Илона: “Или пользоваться всеми этими электронными штуками...”

Сергей: “Электронные приборы, компьютеры, телевизоры – это лишь дело привычки, если не пробовал ими пользоваться, то как бы и не надо тебе, легко обходишься”.

Я: “Я понемногу отвыкаю, но кое-чего не хватает”.

Сергей: “Так вот, если таких целей по завоеванию некоторого статуса нет, то и условий нашего края хватит”.

Илона: “А про экологию как?”

Сергей: “Это в расчет не берем. Да и тут еще вопрос, как там с экологией, по сравнению с нашей”.

Я: “Не идеально, особенно в городах, но экологии сейчас уделяется большое внимание”.

Илона: “Ну все-таки, я думаю, у нас похуже будет”.

Сергей: “Мы толком так и не знаем, как влияет это все на человека, на организм. Да, от тумана, к примеру, кашель, но пей воду из крана – и будет нормально. Да, голова болит, но ведь бороться тоже умеем, водку достать не проблема”.

Илона: “Думаешь, пьянство это не влияет...”

Сергей: “Ты вот сама рассказывала, что у вас там на одном участке работает женщина, бабка уже, ей за восемьдесят, а она работает не хуже молодых и пьет за троих”.

Илона: “Восемьдесят шесть ей, участок такой же, как у меня по объему”.

Сергей: “Ну вот. Неоднозначно про экологию и здоровье... Работают у вас там, Кристоф, женщины восьмидесяти шести лет дворниками?”

Я: “Не знаю, вряд ли”.

Сергей: “А журналист должен знать все!”

Я: “Согласен, признаю свою ошибку, некомпетентен в этом вопросе, гы-гы”.

Сергей: “Гы-гы-гы-гы”.

Илона: “А так, да, если, например, семью завести – заводи, живи, работай”.

Я: “Но детей же забирают”.

Сергей: “Не навсегда же, на воспитание, каждую субботу – свидание”.

Илона: “Кристоф прав, ты, Сергей, просто не представляешь, а для женщины, для матери это тяжело”.

Сергей: “Однако же привыкли, а некоторым и нравится: сдал и забыл. И пункты выдачи всем нравятся...”

Я: “Вероятно, отсутствие финансовых отношений, безусловная материальная обеспеченность оказывают большое влияние на социальные отношения”.

Сергей: “Так точно хер-майор! Гы-гы-гы-гы”.

Илона: “Давайте так: мы с Сергеем чувствуем себя по-своему счастливо, с оговорками, но можно это назвать счастьем... Да, Сергей?”

Сергей: “Так точно! Гы-гы-гы”.

Илона: “А ты, Кристоф, чувствовал себя там счастливым?”

Я: “Скорее нет, последнее время – нет...”

Илона: “Ну вот, и чего спорить...”

[...]

надоело, решили, что хватит об этом всем говорить. Сергей предложил обсудить какую-нибудь книгу. Сейчас я прослушиваю запись с диктофона и у меня не укладывается в голове, как подобная тема могла возникнуть у нас в этих условиях, в этом состоянии (изрядном подпитии), как бы, по меньшей мере, не свойственны философские беседы компании сантехника, дворника и бездарного журналиста.

Сергей: “Вот, например, можем поговорить о Шопенгауэре. Это классика философии. Недавно мне со свалки принесли томик, небольшая книжка – “Артур Шопенгауэр. Мысли”, там некоторые выборочные его работы, измышления и то, что не вошло в основной масштабный труд “Мир как воля и представление”. Кристоф, знаешь Шопенгауэра?”

Я: “Читал что-то, когда учился”.

Сергей: “Нести книгу?”

Илона: “А скучно не будет?”

Я: “Неси”.

Сергей принес небольшую очень потрепанную книгу. Обложка затерта и в пятнах, название едва различимо, страницы желтые и мятые. Сначала он дал ее мне, пробежать взглядом, полистать. Читаю и удивляюсь сам себе, раньше бы я в таком опьянении и букв бы не различил, а сейчас вроде даже все понятно. Ну и удивляет человек, живущий в зоне, работающий на КНС и при этом интересующийся Шопенгауэром. В книге много закладок, сделанных из оберток конфет, боясь их рассыпать, я вернул ее Сергею.

Сергей, открыв одну из заложенных страниц: “Слушайте, вот тут: “Если ближайшая и непосредственная цель нашей жизни не есть страдание, то наше существование представляет собой бестолковое и нецелесообразное явление. Ибо нелепо допустить, чтобы бесконечное, истекающее из существенных нужд жизни страдание, которым наполнен мир, было бесцельно и чисто случайно. Хотя каждое отдельное несчастье и представляется исключением, но несчастье вообще – есть правило”. Ну как?”

Я: “По-моему, в тему”.

Сергей: “Что именно?”

Я: “В тему моих последних мыслей по поводу человечества”.

Сергей: “Вот видишь как... А для меня этот вывод может оправдывать как раз наше здесь существование и выбор моих родителей остаться”.

Илона: “Мне кажется, не совсем так, точнее философ говорит в целом, а ты слишком напрямую перекладываешь”.

Сергей: “А вот это: “Чтобы во всякое время иметь в руках верный компас для ориентации в жизни и чтобы не сбиваясь, видеть ее постоянно в настоящем свете – самое лучшее средство приучить себя смотреть на этот мир как на место покаяния и искупления, следовательно, как на подобие исправительного заведения”. Это разве не оправдывает? Нет?”

Илона: “Это, может, и оправдывает, но я не согласна с этим выводом. Если я не совершаю злого, то почему должна искать искупления?”

Сергей: “Ты не совершаешь, другие совершают”.

Илона: “Я должна отвечать за все человечество?”

Сергей: “Да, по крайней мере по Шопенгауэру. Кристоф, почему молчишь?”

Я молчал, потому что глубоко задумался, мысли мне показались очень точными, много что в голове становилось на свои места, находились ответы на вопросы, которые я себе задавал в последнее время.

Сергей: “Дальше: “Убеждение, что этот мир, а следовательно, и человек, есть нечто такое, что, собственно, не должно было бы существовать, – такое убеждение способно преисполнить нас снисхождением друг к другу, ибо чего же и можно ожидать от существа, поставленного в такие условия?” А это позволяет проще смотреть на зону, на катастрофу”.

Там, за моими заколоченными окнами простирается ровный бетонный пейзаж, стоят серые мертвые дома с черными глазницами окон, все это покрыто рыжим химическим туманом и отрезано от остального мира сотнями километров леса – такой пейзаж очень подходит к зачитанным только что цитатам из Шопенгауэра.

Сергей: “Ну и еще: “Нашу жизнь можно также рассматривать как эпизод, бесполезным образом нарушающий душевный покой Ничто”. Ничто – написано с большой буквы”.

Я: “Гениально!”

Сергей: “А я о чем, очень метко сказано, сильно. У себя над входом в КНС-ку напишу большими буквами, гы-гы-гы”.

Илона: “Ничто – это космос?”

Сергей: “Типа того”.

Илона: “Вдруг в космосе еще живут существа, люди...”

Я: “Судя по всему, они есть, но доказано, что никоим образом не может быть налажен контакт, никогда, ни при каком развитии земных технологий”.

Сергей: “Поэтому мы можем принять всю нашу Вселенную, все, что нас окружает, за Ничто”.

Я: “Я думаю, надо смотреть глубже. Ничто – это то, что есть до Вселенной, до вселенных, так как доказано, что наша вселенная не одна. Это то, из чего родился наш мир, куда он потом уйдет и из чего родятся новые миры”.

Илона: “Вселенных много?”

Я: “Да, можно сказать, бесконечно много”.

Илона: “Значит, точно где-то есть такая же планета, как наша Земля, в точности, ведь получается очень много вариантов”.

Я: “Не исключено, хотя именно такие, какие мы есть, мы можем быть только одни, в других вселенных жизнь может разительно отличаться, физические законы там могут быть кардинально другими. Наша Вселенная такая, обладает такими свойствами, строением и устройством, потому что мы здесь, а не наоборот”.

Илона: “Сложно понять...”

Сергей: “Физика и космология, по-видимому, добились сейчас новых высот, в тех книгах, что у меня есть, насколько я помню, теория множественности миров – лишь догадка самых смелых теоретиков”.

Я: “Объяснить или прочитать лекцию на эту тему я не смогу, не сильно подкован в этой области, лишь общие знания. Просто одно время о космосе много писали в прессе”.

Сергей: “Ну вот журналист, нифига не знает, в чем тогда разбираешься? В надоях коров на душу населения разбираешься? Гы-гы-гы-гы”.

Я: “Больше в политике”.

Сергей: “Что твоя политика, какой интерес – плюнь да размажь, там все одно и то же и очень просто, тупо даже”.

Я: “Ты знаешь, я сижу вот сейчас и по-честному согласен, что зря посвящал свое время политике, а меньше уделял, к примеру, той же философии”.

Сергей: “То-то же. Слушайте, что еще нашел, почему уродам надо жить отдельно: “Для глупца общество других глупцов несравненно приятнее общества великих умов взятых вместе”. Поэтому и нечего им к нам соваться”.

Илона: “Это точно”.

Я: “Я пока так и не понял, кто такие уроды”.

Сергей: “Мы-то и сами не очень понимаем, игнорируем их и все”.

Я: “Но вряд ли их можно назвать глупцами...”

Сергей: “Как раз и можно, нужно. Их не назовешь тупыми, умственно отсталыми тем более, но они самые что ни на есть глупцы, хорошее слово. Вообще, если твой журналистский интерес они так уж привлекают, то это тебе надо с Кузей пообщаться, есть у меня такой друг. Не поверишь, он по происхождению урод, а сейчас типа с нами тусуется и не работает, он как это говорилось раньше – бомж”.

Я: “Интересно...”

Илона: “Сергей, может хватит на сегодня, а? Кристоф уже устал, мне кажется”.

У меня к тому моменту действительно слипались глаза.

Сергей: “Ладно. Если ты еще не собираешься из зоны нашей утекать, гы-гы, то время свободное будет, заняться тут особо нечем, я тебе еще и не таких книжек покажу”.

Я: “Ты мне вот скажи только, откуда эта тяга к книгам и философии?”

Сергей: “Ну как откуда... Ну а что еще делать-то?!”

45.

Написал у себя в коридоре на стене, прямо на обоях: “Нашу жизнь можно также рассматривать как эпизод, бесполезным образом нарушающий душевный покой Ничто”.

Вчера, когда я провожал Сергея с Илоной, стал уговаривать его оставить мне ключ от библиотеки, зайти почитать что-нибудь, но не смог уговорить – не дал. Договорились на том, что он пока даст мне несколько книг, Шопенгауэра и другую философию того времени.

Также Сергей оставил мне две бутылки водки, наверное, я уже алкоголик. Впрочем, это ни на что в мироустройстве не повлияет, это может только приблизить мой конец, смерть, но и сама моя жизнь тоже ни на что не влияет.

Дорогу до КНС и дома Сергея я запомнил, недалеко. Он сказал, чтоб я заходил, если захочу увидаться или что-то будет нужно. Сегодня не пойду, буду читать, кажется, становлюсь почитателем Артура Шопенгауэра, очень нравится.

Друзья Сергея хотят со мной познакомиться. В выходной будет крупное застолье, мы пойдем в лес на пикник, с самого утра. В Лабруме у уродов один выходной в неделю – воскресенье, у местных два, это обязательно день, когда навещают детей – суббота, и второй – любой на выбор, его можно поменять если нужно. Пикник через два дня, на этот день все договорились взять выходной.

46.

“Безграничная привязанность к жизни ни в коем случае не могла возникнуть из познания и размышлений. Напротив, для них она скорее пелена, потому что с объективной ценностью жизни дело обстоит весьма скверно и, во всяком случае очень сомнительно, следует ли жизнь предпочитать небытию. Можно сказать даже, что если бы предоставить свободу слова опыту и рассуждению, то небытие, очевидно, взяло бы верх” (А. Шопенгауэр).

Уж если ценность жизни в общем понимании можно легко подвергнуть сомнению исходя из логики, то ценность уклада жизни, наших целей и устремлений в том цивилизованном мире настолько же сомнительны, сколь и здесь, в Лабруме. Развитость общества там не имеет какого-либо значимого преимущества по сравнению с отсталостью

и некоторой первобытностью общества здесь. Имеет значение лишь умственное и духовное развитие индивидуума, позволяющее понять и проникнуть в суть вещей.

Классическая философия считается в некотором роде устаревшей и часто не соответствующей современной жизни, стремлениям общества, обычно считается, что вообще вся классическая наука нуждается в современных правках, иначе она неприменима в настоящее время. Но Шопенгауэр, по-моему, не нуждается ни в каких дополнениях, а тем более правках, он еще тогда так глубоко все понимал... Теперь я осознаю, как ужасно то, что сейчас у нас не найдешь издания классиков в оригинале, крайне необходимо сохранять старые издания хотя бы так, как это делает Сергей. Если вдуматься, то эти самые правки, объяснения и дополнения могут служить средством манипуляции, в определенном смысле это ограничение свободы информации.

47.

“Мы сетуем на мрак, в котором проводим свою жизнь, не понимая связи бытия в его целом, в частности же – связи нашего собственного “я” со вселенной; так что наша жизнь кратковременна, но и познание наше всецело ограничено ее пределами, ибо мы не в состоянии ни оглянуться за грань рождения, ни заглянуть за грань смерти, и сознание наше подобно молнии, на миг озаряющей тьму ночи. Однако сетование это, в сущности, неосновательно, так как оно обусловлено иллюзией, возникающей из ложного принципа, будто совокупность вещей, прежде чем она сделалась действительностью, существовала ранее в виде простого представления, а потому, будучи порождением познания, должна быть познанию вполне доступна, для него постижима и в нем исчерпаема. Сообразно истине же дело обстоит так, что все то, на незнание чего мы сетуем, не знамо никем, да и по самому существу своему не подлежит знанию, то есть не может быть представлено” (А. Шопенгауэр).

Так что мы можем описать Лабрум лишь умозрительно, те, кому это позволено, знают физику его появления и что происходит теперь. Но это лишь внешняя оболочка, вряд ли кто-нибудь сможет понять сущность. Правда, это же касается и всего мира в целом...

Нахожусь в состоянии постоянного алкогольного опьянения, осознаю всю пагубность этого на организм, но только в этом состоянии у меня сейчас есть воля к жизни. Именно в том широком понимании воли, как это сформулировал Шопенгауэр.

48.

Сегодня, как и планировалось, встречаемся с друзьями Сергея.

У них есть определенное место в лесу, где они периодически собираются, встреча назначена там, добираемся по отдельности, чтоб не привлекать внимания. Посещение леса населению не рекомендуется, хотя и не запрещается. Мы с Сергеем и Илоной вышли пораньше, чтобы подготовить место, организовать стол. Идем к озеру “Птичь” (бывшее водохранилище “Птичь”), там на берегу они и собираются. Совсем забыл спросить Сергея о животных в зоне.

Я: “Слушай, а животные в лесу есть? Как-то очень тихо, я, когда добирался до вас, ни разу никого не встретил, не слышал, у границы еще были мелкие птицы, а дальше даже и насекомых не заметно”.

Сергей: “Пустующие территории за городом засаживали лесом, видишь: кругом лес, где старый, где помоложе. Но вместе с тем животных постепенно истребили, так же как и деревья в городе, а насекомых вытравили. Периодически и сейчас отлавливают, травят, борются в общем”.

Я: “Зачем?”

Сергей: “Откуда ж я знаю... Мертво здесь кругом”.

Илона: “Никакой живности даже дома держать нельзя”.

Сергей: “Что тут заведешь, я даже и таракана лет пять уже не видел...”

Илона: “Правда, говорят, что животные болели”.

Сергей: “Вроде мутировать начали, а птицы летать не могли, падали...”

Шли немало, где-то час. Место они себе выбрали хорошее, на горке, озеро близко, виднеется там внизу, поляна расчищена, скрыта от посторонних глаз с одной стороны густым еловым лесом, с другой – непролазным молодняком и кустарниками, сделаны лавочки и навес из еловых лапок. Сергей сразу зовет меня к озеру: “Пойдем посмотришь – обалдеешь!”

Я в самом деле был удивлен от того, что увидел. Необычное движение тумана. Над озером он существенно плотнее и образует как бы столб вверх, при этом он неоднороден, подвижен, движется снизу вверх, словно дым из трубы, клубами, а там сверху расплывается как извержение вулкана. То есть туман как будто всасывается прозрачной трубой у воды и выбрасывается наверх. Это выглядит красиво, завораживающе красиво.

Сергей: “Над всеми водоемами наблюдается такое в зоне, над большими особенно масштабно”.

Я: “Необыкновенное зрелище!”

Сергей: “Ты еще не видел, как оно над полями фильтрации бурлит, ну куда канализация сходит, там оно плотнее, движется быстрее, огромный столб!”

Я: “Опасно?”

Сергей: “Может быть, но мы купаться ходим, на вот тот пляж – и ничего пока. Илонка дык боится, не ходит, ей все кажется, что может подхватить и вверх потащит”.

Сергей пошел рубить дрова на костер и помогать Илоне готовить стол, я остался наблюдать, невозможно оторваться. Пока не решаюсь приблизиться, смотрю на озеро с обрыва. Если присмотреться, то можно заметить, что столб имеет различимый край, как оболочку, движение там медленное и в противоположную сторону, то есть сверху вниз; получается, туман как бы стекает сверху по краю, а потом у поверхности воды поток заворачивается и идет резко вверх бурлящим потоком; где-то там высоко поток выплескивается и расплывается. Озеро довольно большое, с полкилометра в диаметре, соответственно почти такой же и столб, по сути, он огромный. Сегодня тихо, нет ветра, в лесу стоит оглушительная тишина и это придает зрелищу еще больше загадочности. Присел, наблюдаю, ощущение бесконечности и безвременья.

В зоне обнаружил у себя такую особенность работы мозга, что в голову внезапно приходят готовые мысли, то есть обычно: о чем-то подумал – и начинаешь развивать, обдумывать, постепенный процесс, а в последнее время: раз – и сразу готовая идея, как если бы все это знал раньше. Есть подозрения, что это вспоминаются сны, здесь мне постоянно снятся сны, цветные и очень реалистичные. Так вот, подумалось тут на берегу, что туман – это живая субстанция, некий новый вид биологической материи, которая

образует огромный “Разум”. Можно ли предположить, что разум и сознание могут быть не только свойственны какому-то физическому телу и сконцентрированы в нем, как у нас в мозгу, а могут быть распределены в пространстве в виде некой субстанции, газа, вот такого рыжего тумана? Он спустился или спущен извне, или создан уже на месте... Это многое бы объясняло, но это слишком фантастическая мысль, в нашем рациональном мире больше вероятность обычной экологической катастрофы вследствие политического противостояния или научных исследований. Но сама мысль красива, кибернетический или инопланетный рассеянный Разум – очень красиво!

Когда я вернулся, все уже собрались. Кроме Илоны и Сергея здесь еще десять человек.

Сергей: “А вот и он. Иди сюда, будем знакомиться. Константин или просто Костик, Михаил Антонович или просто Гебельс, Мария Павловна или просто Маша, Зураб или по-нашему Боря, Петр Петрович с благородным псевдонимом Борода и его жена Валентина, Андрей, Виктор Кирилук, Денис и наш необычный друг Кузя. Друзья, а теперь позвольте представить вам всем – Кристоф Раух или по-здешнему Леонид Шабловский. Наш земляк, родился здесь, сейчас аж из Берлина, сами понимаете, для зоны – уникальная личность, поэтому прошу не обижать, гы-гы”.

Все подходят и по очереди здороваются со мной за руку. Здравствуйтесь, здравствуйтесь, здравствуйтесь...

Женщины идут готовить стол, мужчины пока кучкуются у навеса. Я чуть в стороне, волнуясь, возникает эта неловкая ситуация, когда новый человек появляется в компании, тем более что в данной ситуации человек еще и приезжий, новый в стране. С виду – самые обычные люди, правда, во внешности все-таки присутствует определенный, скажем так, алкогольный “налет” Лабрума, выделяется только Кузя, он то ли сильно стесняется, то ли боится. Сергей подошел ко мне и негромко, невзначай вкратце рассказывает о каждом. “Кирилук у нас самый важный и деловой, он типа ближе всего к руководству забрался; этот прохиндей подделал документы, что он из уродов и как-то там по знакомству устроился водителем аж председателя Совета по труду, предприимчивый то есть человек; живет один, семья есть, дети, но с женой не живет и детей не навещает”, – невысокий, толстый, с короткой шеей и широким пунцовым лицом из-за обильно полопавшихся сосудов, мелкими глазками и плоским носом, из которого заметно торчат волоски, около сорока пяти лет. “Зураб – он у нас южный, раньше говорили – лицо кавказской национальности, кличка “Боря”, обычно спокойный и молчаливый, но может сильно вспылить, лучше с ним не спорить, живет один, он попал сюда перед самой катастрофой, случайно, можно сказать проездом, да так и остался, работает грузчиком на мусоровозе, грузит контейнеры”, – внешность южного типа, густая черная щетина, горбатый нос, крепкое телосложение, насупленный угрюмый вид, около тридцати пяти лет. “Костик – мой давнишний друг, уважаю его за ум, как и я, любит книги, собирает их, но в отличие от меня, чтение для него – основное в жизни, помешан на этом, за что некоторые его называют “умником”, живет один, ему тридцать четыре, работает электриком”, – высокий, сутулый, в очках, щурится, длинные тонкие руки, колени постоянно полусогнуты, с лица почти как ребенок, хотя уже ведь за тридцать. “Гебельс, он же Михаил Антонович, хотя по имени его редко зовут, эту кличку ему уже очень давно дал Петр Петрович, они долго знакомы, по-моему, вместе где-то работали еще до катастрофы, дал за его некоторую злобность и за любовь к таким вот кепкам, как на нем, правда, при чем тут кепка, я не

знаю, жена его умерла, детей нет, работает водителем мусоровоза, раньше работали с Зурабом на одной машине, но не сошлись характерами”, – невысокого роста, не сказать, что с виду какой-то уж очень злой, но черты лица резкие и острые, тонкие губы, скуластое лицо, подтянут, четкие движения, кепка с коротким козырьком и высоким верхом, ему около пятидесяти. “Маша – подруга Илоны, скромная, кроткая и тихая, обычно молчалива, слова из нее не вытянешь, живет одна, мужа нет, можешь присмотреться, гы-гы, работает контролером по растительности, но при этом ботаник-любитель, очень любит всякие цветочки-лепестки-тычинки”, – среднего роста, нездоровая худоба, высохшие потрескавшиеся губы, длинные жирные волосы, в целом усталый вид, но больше обращаешь внимание на приятное доброе лицо со скромной улыбкой, ей до тридцати пяти где-то. “Петр Петрович “Борода” – самый старший из нас, ему уже шестьдесят два, отсюда и большой опыт, хорошо помнит, как все происходило, катастрофа, туман, он очень веселый, компанейский мужик, шутник, оптимистический взгляд на жизнь, с ним хорошо выпить, поговорить, когда прижмет, мастерски играет в азартные игры: карты, шахматы, шашки, домино – так что не советую играть с ним на серьезные ставки, гы-гы, работает, как и я, оператором КНС. Кстати, после шестидесяти имеешь право официально не работать, типа пенсия, но обычно люди работают пока могут”, – заметно старше остальных, выглядит даже на больший возраст, чем есть, глубокие морщины на лице, небольшая седая борода и бакенбарды, купный темно-красный нос, даже бордовый, он выделяется на лице и делает его слегка смешным, каким-то сказочным дедом. “Валентина, “Валюха” – его жена, они женаты более сорока лет, работает сортировщицей мусора на свалке, сам понимаешь, очень полезный для меня человек”, – низенькая пухленькая женщина, очень ловко управляется и руководит в приготовлении нашего застолья. “Андрей – многодетный отец, они с его Аннушкой настрогали аж пятерых, покладистый, старательный, толковый, как говорится, рукастый, работает слесарем-сантехником”, – среднего роста, средней комплекции, с ничем не примечательными чертами лица, с виду – работяга, около сорока. “Денис – молодой, быстрый, дерзкий, особенно если выпьет, он у нас типа революционер, правда по пьяни в основном, сын товарища моего отца, сейчас остался один, я вроде как за ним присматриваю, ему еще нет тридцати, работает водителем бульдозера на свалке”, – subtilный, быстро двигается, активный, при этом с несколько женскими чертами лица: тонкие подчеркнутые брови, длинные ресницы, выразительные губы. “Ну и наш Кузя – по происхождению урод, то есть приезжий, точнее привезенный, но он как бы сказать просветленный, понимает и тянется общаться с местными, не любит уродов, ушел с работы и скитается по зоне, по пустым домам, питается на мусорках, мы его приняли в компанию, второй год с нами, Илона его привела, подкармливаем, помогаем, он не debil, не как эти, он с мозгами, с ним можно нормально поговорить, только пугливый очень, совсем еще молодой, каких-нибудь двадцать – двадцать пять лет ему”, – грязный, замусоленный, нестриженный, тусклый вид, опухшее лицо, выпяченная нижняя губа, глубоко посаженные глаза, смотрит исподлобья, горбится и озирается.

Илона: “Ну что, все готово, можно садиться. Идите все к столу”.

Я, шепотом, Сергею: “А может, сначала поближе познакомимся? Я как-то неудобно себя чувствую...”

Сергей: “Неудобно штаны через голову одевать. Сядем, выпьем немного, разговоримся – не бойся”.

Я: “А ничего, если я буду записывать на диктофон?”

Сергей: “Да записывай, я думаю, никто и внимания не обратит, может и хрен кто помнит, что это такое”.

Илона, громко, всем: “Ну давайте, давайте, чего стоите, Сергей, выбери Кристофу место получше”.

К Сергею подходит Кузя.

Кузя, смущаясь: “И мне можно?”

Сергей: “Ну чего ты каждый раз спрашиваешь, ну конечно можно, Кузя, ну...”

Все усаживаются. Мне Сергей выбрал место во главе стола, отчего опять же чувствую себя неудобно, на меня направлено всеобщее внимание. Надеюсь, неловкость действительно пройдет после некоторого подпития. Около меня сидят Сергей с Илоной с левой стороны и Петр Петрович с Валентиной – с правой. Сергей наливает нам, дальше тоже разливают.

Борода: “Ну Сережа, ну лей, лей, что ты две капли...”

Сергей: “До краев что ли?”

Борода: “До краев – возраст уже не тот, но и чтоб не на дне. А то вот гость подумает, что мы тут слабаки! Гы-гы-гы-гы”.

Сергей встал, говорит тост: “Друзья, мы наконец собрались, чтобы познакомиться с этим человеком. Кристоф, Леонид... Как лучше тебя называть?”

Я: “Как кому удобнее”.

Сергей: “Хорошо, я все же буду звать Кристофом”.

Денис, негромко: “Хм, ну уж нет, я Кристофом не буду...”

Сергей: “Так вот, Кристоф – человек необычный, новый, не местный, хотя и родился здесь, ну это все вы уже знаете, я рассказывал. Сейчас хочу сказать, что я ручаюсь за него, он – мой друг, товарищ, и надеюсь, что таковым станет и для вас. За встречу друзья!”

Выпили.

Борода: “О-о-о, кх-х-х, где самогон брал, что за яд, дух занимает...”

Валюха: “Да тихо ты, перебираешь тоже, пей, не задохнешься”.

Борода: “Кристоф, а как вам наша водка-самогонка, а?”

Валюха, залепив Бороде подзатыльник: “Заткнись придурок, нашел что спросить!”

Я: “Привыкаю понемногу”.

Валюха: “Хи-хи-хи-хи”.

Борода: “Никак без этого дела, никак...”

Валюха, толкая его в бок: “Да-да, хи-хи-хи”.

Едим. Никто больше не решается задавать вопросов, заводить разговор. Пьем второй раз, под всеобщее одобрение опять за встречу. Опять едим, закусываем, некоторые шепотом переговариваются, общий интерес к моей личности никак не может проявиться. За последнее время, а прошло больше месяца, я и сам отвык от больших компаний и аудиторий, одичал. Выпиваем третий раз, за встречу и за любовь. Петр Петрович Борода выпивает, закусывает килькой, вытягивая ее из банки пальцами за хвост, потом ставит локоть на стол, подпирает голову. Я наблюдаю за этим, он ловит мой взгляд.

Борода: “Ну расскажите же нам, Кристоф, как вы решились сюда поехать, зачем и как добирались, сколько вы уже в зоне?”

Я: “Решился отправиться сюда из-за большого личного и общественного интереса, потому что информация об этой территории скрывается и засекречена. Из Берлина выехал сорок семь дней назад, три дня добирался до границы, до стены, стало быть, сорок четыре дня нахожусь здесь”.

Борода: “И как вам у нас нравится?”

Я: “Необычно, но привыкаю, пока много чего непонятного”.

Борода: “Тут все непонятное и, знамо дело, у нас не курорт, гы-гы”.

За столом появилось некоторое оживление.

Костик: “Расскажите, пожалуйста, о политическом и социальном устройстве Европы”.

Борода: “А Сергей говорил, что у вас там нашу зону называют Лабрумом”.

Я: “Да, в определенных кругах”.

Борода: “По мне – красиво звучит”.

Денис: “Что красивого? Уродско, бр-бр-ум...”

Борода: “Как понять, как переводится?”

Я: “С латинского – нечто вроде имеющий край, ограниченный”.

Денис: “Тюрьма короче, имеющий забор, заповедник, мы тут экспонаты...”

Илона: “Денис, не начинай, завелся...”

Борода: “Напился – будь человеком! Вы там ему наливайте поменьше, как дамам”.

Денис: “Ой, Борода, это ты молчи. Валя, стукни его еще разок”.

Борода: “Ты мне не тыкай, я для тебя – Петр Петрович!”

Илона: “Тише вы, неудобно ведь...”

Сергей: “А Кристоф уже знает, что неудобно – штаны через голову одевать”.

Валюха: “Хи-хи-хи-хи”.

Денис: “И в почтовый ящик срать, гы-гы-гы”.

Борода: “Гы-гы-гы-гы, классная шутка, гы-гы”.

Костик: “Все ж таки, каким образом организовано?”

Я: “Политическое и социальное устройство лично меня не устраивает. Своей бестолковостью целей, ориентиром на накопление капитала, получение удовольствий, всеобъемлющий эгоизм, нивелирование и подмена понятий свободы и равенства. Мне кажется, это путь не вперед, а назад”.

Костик: “Можно подробнее?”

Сергей: “Костику надо все в деталях, ты ему информацию давай, факты, не надо аргументов, он у нас такой, гы-гы”.

Денис: “Умник...”

Дальше мы опять выпиваем и я начинаю долго рассказывать о моем “цивилизованном мире”, опять все по кругу, то, что рассказывал сначала Сергею, потом Илоне. Походу моего длительного повествования периодически разливается и выпивается, иногда вставляют реплики Петр Петрович, Валентина, Денис, Костик задает вопросы. И вправду контакту и общению поспособствовало некоторое количество выпитого, чувствую себя свободнее. В очередной раз обратил внимание, что чем больше я рассказываю о жизни за стеной, тем больше нахожу отрицательного и говорю в первую очередь об этом, может быть, в следующий раз уже даже признаю окончательную духовную погибель

человечества... Костик оказался очень начитанным и осведомленным, на некоторые его вопросы я не смог ответить. К концу моей, так сказать, лекции оживился Зураб: “Если вот так посмотреть, то ничем не отличается от нашей зоны ваша Европа”.

Я: “По общему смыслу – наверно да”.

Костик: “Я тут не соглашусь, вы слишком обобщаете”.

Кириллюк: “А какое место в обществе занимает ваше правительство?”

Я: “Оно избирается более-менее демократическим путем, но определенная группа правящей элиты в любом случае остается, как говорится, у руля”.

Денис: “Ты, Кириллюк, что, переметнуться захотел, гы-гы, возить наше руководство тебе уже не с руки, да?”

Я: “Расскажите тогда вы о своем руководстве”.

Кириллюк: “Никто вам не расскажет, оно есть и все, распоряжения-постановления выдает и все, никто его не видел. Даже я своего председателя толком не вижу: я в машине сижу, он приходит в гараж, садится сзади, салон от меня глухой стенкой отгорожен, только окошко с дырочками для переговоров. Лысый какой-то и голос гнусавый. Куда скажет – едем, на открытый воздух он почти не выходит, или это гаражи, или становлюсь вплотную к подъезду, или из машины в машину, не успеваю и рассмотреть, а мне выходить из машины по инструкции можно только в гаражах и когда он уйдет”.

Денис: “Кириллюк у нас шукура! Гы-гы-гы”.

Гебельс: “Прохвост”.

Кириллюк: “Ой, надоели уже. Да я хоть сейчас пойду на свалку или канализацию чистить, ну попал тогда на это место, не подумал, что я сейчас сделаю, я по документам – урод”.

Денис: “Это ты только так говоришь...”

Кириллюк: “Да мне толку-то от этого водительства... Связей-то никаких нет. Я раз попытался попросить у него кое-что, заказ мой отклонили в Центральном, так он вообще ничего не ответил, промолчал, а потом мой непосредственный начальник сделал мне выговор и час мозги прочищал о инструкции и правилах поведения”.

Готов шашлык. Сергей снимает большие аппетитные куски с деревянных шампуров, один шампур перегорел и мясо упало в костер – он просто выбросил его в кусты. Илона раздаст шашлык, очень вкусно пахнет, разливается водка. Произносится тост: “За понимание”. Пьем, закусываем, чавканье и чмоканье, очень вкусно. Несущественные бытовые разговоры, я постепенно перестаю быть главным объектом внимания, а становлюсь просто участником застолья.

Валюха: “Сережа, я тебе книгу нашла, вроде бы какая-то интересная, энциклопедия, кажется по медицине или по биологии”.

Сергей: “Спасибо”.

Валюха: “Сегодня не брала с собой, она толстая и тяжелая, дома лежит, заберешь”.

Сергей: “Ага”.

Зураб: “Я тоже нашел, журнал, про моду”.

Сергей: “Угу”.

Кириллюк: “Мы вчера с моим ездили в лес. Километров десять заехали вглубь в восточном направлении, потом он сказал остановиться, постояли так минут двадцать – сказал развернуться и ехать назад”.

Гебельс: “Воздуху, видать, ему мало было, кислорода”.

Денис: “Паскуда!”

Борода: “Не ругайся, не вырастешь, гы-гы-гы”.

Маша: “Вчера в одиннадцатом районе, там в нежилом массиве нашли очень много паростков: трава, цветы, кустарники даже. Ветром земли нанесло за дом, он длинный, угловой, и они там разрослись”.

Борода: “Маша наша изничтожает все живое в городе, каждую зелененькую травиночку”.

Маша: “Работа такая...”

Борода: “Я ж ничего, я не, шучу просто”.

Илона: “У нее дома зато оазис настоящий”.

Костик: “Андрей, вы знаете, у меня что-то кран потек дома, капает. Вы не могли бы ко мне зайти посмотреть, а то у меня же книги, мало ли что, своего сантехника вызывать опасаясь, я его лично хорошо не знаю”.

Андрей: “Да, конечно. Только ты лучше сразу новый кран возьми в хозяйственном”.

Костик: “Ага, возьму”.

Борода: “Хорошо, по-моему, сидим”.

Кириллюк: “Неплохо”.

Илона: “Только прогуляться надо, проветриться пора”.

Решено пройтись вдоль озера. Расходимся небольшими группками, я с Илоной и Сергеем.

Сергей: “Ну что, осваиваешься?”

Я: “Кажется да”.

Сергей: “Они все хорошие, давно всех знаю, даже если и ругаются – так это по-дружески”.

Неспешно прогуливаемся. Не перестаю восхищаться туманом над озером, остальные на него не обращают внимания. Я остановился, оторвался от Сергея с Илоной, наблюдая за явлением, и ненароком подслушал разговор.

Кириллюк, обращаясь к Бороде: “Ну как он тебе?”

Борода: “Вроде ничего, можно доверять”.

Денис: “Не мешало бы еще проверить”.

Борода: “Тебе дак шпиона хочется словить, да?”

Денис: “Ну мало ли...”

Борода: “Да перестань ты, нормальный он видно мужик, вон пьет как положено, гы-гы-гы”.

Кириллюк: “Мне тоже кажется, можно доверять”.

Вернувшись с прогулки, по настоянию Петра Петровича садимся играть в домино (были еще предложения в карты от Гебельса и в шахматы от Костика).

Борода: “Сыграем в азартную интеллектуальную игру”.

Денис: “Леонид, советую вам не делать ставок, он – шулер”.

Борода: “Ты не путай, шулер – это обманщик, а просто надо мозгами шевелить, думать. Кристоф, умеешь?”.

Я: “Вообще-то нет”.

Борода: “Ничего сложного, ходим по очереди, костяшки соединяются одна к другой с соответствующей цифрой, набирается по семь костяшек, если нет нужной – пропускаешь ход, остальное объясним походу”.

Играем по четыре человека, на выбывание, первая партия: я, Петр Петрович, Кирилук и Сергей.

Я: “Кто делает первый ход”.

Борода: “У кого один-один. И смотри, ты играешь со мной в паре, и они тоже в паре, договариваться нельзя, но и не садить, мы с тобой вместе должны выиграть”.

Я: “Ага, тогда я хожу. Один-один”.

Сергей: “Один-шесть”.

Борода: “Один-пять”.

Кирилук: “Шесть-шесть. Кристоф, как вам нравится наш туман? Особенно над озером каков!”

Я: “Шесть-пять. Завораживает...”

Ходы произносятся вслух, записываю разговор с диктофона дословно, вместе с ходами, так проще, чтобы не выбирать.

Маша: “Вы не испугались, когда в зоне увидели его впервые?”

Сергей: “Пять-четыре”.

Я: “Была информация, что в Лабруме есть некое необычное атмосферное явление, правда, какое именно я не знал, но не особо испугался”.

Борода: “Мы от него кашляем, кырхаем, давимся. Пять-пять, молоток, Кристоф, вишь, как ты мне выгодно пятерочку поставил”.

Я: “Я, когда добирался, пил воду из своих запасов, потом из луж, а пока жил в лесу за городом, не решаясь войти, фильтровал самодельным фильтром из небольшого озера. Начался кашель, постепенно усиливался, потом стал очень сильным, нестерпимо давило в груди и драло горло. В городе встретился с Сергеем, и он мне рассказал, что нужно пить из крана”.

Кирилук: “Железо... Четыре-шесть.”

Борода: “Он еще и липнет на железо”.

Я: “Пять-ноль”.

Борода: “Говорится не пять-ноль, а пять-пусто”.

Кирилук: “Про туман никто толком не знает, даже и Костик наш”.

Сергей: “Шесть-пусто”.

Борода: “Пусто-три. Живем с ним, да и все, уже привыкли. Как он появляться стал, вот тогда страху было много: в марлевых повязках ходили, респираторах, детям одевали противогазы, и многие бежали...”

Кирилук: “Три-шесть”.

Я: “Ноль-ноль, э-э-э, пусто-пусто”.

Борода: “Это называется – голый”.

Денис: “Добровольно, по общему согласию травимся этой херней”.

Сергей: “Пусто-четыре”.

Борода: “Четыре-два. Мы, пожилые местные, считаем, что надо водки пить побольше – выводит всю гадость. И радиацию еще, и настроение повышает...”

Кирилук: “Шесть-два”.

Валюха: “Петр Петрович и в зоне остался из-за этого, да? Где еще будешь пить на пользу”.

Борода: “И приятно, и полезно! Гы-гы-гы”.

Валюха: “Вот уже где... Хи-хи-хи-хи”.

Денис: “Алкаш”.

Андрей: “Все мы тут... Не по своей воле, можно сказать, алкаши”.

Я: “Два-три. Костя, а что вы думаете о тумане?”

Костик: “Общепринятое мнение, что это последствие неких испытаний, экологическая катастрофа, химическое заражение”.

Денис: “Конечно! Травят нас – вот и весь вывод”.

Сергей: “Два-два”.

Костик: “В большинстве люди за годы привыкли, как говорит Петр Петрович. Изначально же он был не такой плотный, едва заметный”.

Борода: “Все равно люди напугались. Два-пять”.

Кириллук: “Пять-три”.

Я: “У меня нет подходящих”.

Борода: “Херово, пропускаешь”.

Сергей: “Тоже пропускаю”.

Костик: “Но те, кто остался, просто привыкли. И, возможно, он не так уже вреден для организма, наши врачи ничего по этому поводу не говорят”.

Гебельс: “Разве они хоть что-нибудь еще говорят? Они тоже уроды, как пить дать”.

Илона: “Никакие они не уроды, они с востока, приезжие, просто работают, часто меняются”.

Борода: “Три-три”.

Кириллук: “Три-четыре”.

Костик: “Повальной смертности у нас нет, по моим наблюдениям, продолжительность жизни в среднем шестьдесят – семьдесят лет”.

Я: “У нас больше. Четыре-четыре”.

Денис: “А я о чем –дохнем как мухи, и не надо тут рассказывать!”

Андрей: “Если учесть алкоголизм, то это очень хорошая продолжительность”.

Сергей: “Четыре-один”.

Борода: “Один-три, все. Счас считаем очки, у кого больше – тот и сдул, но у них будет больше”.

Я: “Пусто-один”.

Сергей: “Два”.

Кириллук: “Три”.

Борода: “Два плюс три – равно пять, вы сдули. Ну как, Кристоф, начинаешь соображать?”

Я: “С большего...”

Костик: “Я и сам о тумане не особо уже задумываюсь, есть рыжий туман – такая данность, почти всю жизнь присутствует при мне”.

Денис: “Я родился – он уже был”.

Борода: “А я все время говорю, что ты молокосос, гы-гы-гы. Кто следующий с нами?”.

Вторая партия: я, Петр Петрович, Гебельс, Зураб.

Зураб: “Один-один”.

Я: “Один-два”.

Гебельс: “Один-четыре”.

Борода: “Два-шесть”.

Костик: “Раньше, когда еще хотел разобраться, понять, то сопоставлял факты и, помню, пришел к выводу, что туман может иметь биологическое происхождение и сам представлять нечто скорее биологическое, чем химическое”.

Зураб: “Гриб! Четыре-четыре”.

Костик: “Тогда скорее грибница”.

Я: “Шесть-три”.

Гебельс: “Четыре-пусто”.

Борода: “Три-три. Мне искренне до лампочки, что это такое, Валюхе тоже”.

Костик: “Сейчас эта тема для меня не актуальна”.

Денис: “Мне не все равно”.

Зураб: “Пусто-два”.

Я: “Два-пять”.

Гебельс: “Это тебе пьяному, а трезвому – точно также по барабану. Три-пять”.

Борода: “Пять-один”.

Я: “Знаете, Костя, а это очень интересно, мне как раз сегодня подобная мысль пришла в голову. Изначально я тоже думал, что это результат химической аварии, оно почетному так и более правдоподобно. Но сегодня, когда увидел это явление над озером, мне подумалось, что туман может быть живой субстанцией, не знаю, биологической природы или иной, но живой. Притом я даже развил мысль, что он может быть субстанцией разумной, такой, знаете, распределенный в пространстве Разум”.

Зураб: “Гриб! Один-шесть”.

Костик: “Зураб, грибы не имеют разума”.

Зураб: “Земные не имеют...”

Я: “Пять-пять”.

Костик: “Кристоф, это интересная гипотеза, но вы же понимаете, что это лишь предположение, а доказать его нам не удастся, нет необходимого оборудования, сведений, знаний”.

Я: “Кончено понимаю, я не говорю, что оно так и есть, просто мысли”.

Гебельс: “Пять-шесть”.

Борода: “Шесть-шесть”.

Гебельс: “Я хожу, ни у кого не будет. Шесть-пусто”.

Борода: “Пусто-три”.

Сергей: “Я упустил, какая гипотеза?”

Зураб: “Пропускаю”.

Костик: “Кристоф считает, что туман может быть живой субстанцией”.

Денис: “А Зураб, что грибом, гы-гы-гы”.

Я: “Предположим, просто гипотетически, для разговора”.

Борода: “За это надо выпить!”

Костик: “Не скрою, мысль мне нравится, она, безусловно, интересная. Если подумать...”

Борода: “Погоди, погоди Костя, за это надо выпить, сначала выпьем. За жизнь!”
Выпиваем, закусываем, продолжаем разговор и игру.
Костик, с набитым ртом, не прожевав: “Если попытаться с этой позиции объяснить”.
Борода: “Поешь, поешь, закуси”.
Я: “Три-два”.
Костик: “Возьмем, к примеру, эту апатию, лень, умственное перенапряжение мозга и головную боль”.
Андрей: “Если не пить”.
Костик: “Да, без систематического употребления спиртного – головные боли и беспорядочная мыслительная деятельность. Так вот, туман может влиять неким образом на наше психологическое состояние, то есть воздействовать на сознание и разум”.
Гебельс: “Сказки. Пропускаю”.
Костик: “Ну просто для размышления если”.
Маша: “Страшно...”
Борода: “Два-два”.
Костик: “Он же проникает куда угодно, везде, проникает к нам в организм, воздействует на нейроны головного мозга”.
Зураб: “Два-четыре”.
Я: “Пропускаю”.
Илона: “Еще он может в нас накапливаться, например”.
Денис: “И поэтому нас не выпускают из зоны и никогда, наверное, уже не выпустят добровольно”.
Гебельс: “Четыре-три”.
Борода: “Все, три-один”.
Я: “Пять-пусто, голый – равно пять”.
Борода: “Вы сдули, можете не считать”.
Гебельс: “Десять”.
Зураб: “Десять”.
Сергей: “Раз туман типа мозг такой растворенный, то он может с нашим мозгом как бы соединиться”.
Зураб: “В грибницу!”
Сергей: “И получается взаимосвязь, а так как он большой, то дает нам умственные способности, расширяет их, то есть мы становимся умнее. Кристоф, я тебе уже говорил вроде, что среди местных ты не найдешь в зоне откровенно тупого человека”.
Костик: “Да-да, в среднем в зоне по моим наблюдениям среди местных наблюдается довольно высокий интеллектуальный уровень”.
Борода: “А водка как работает?”
Валюха: “Кому что, а лысому...”
Кирилук: “Лысый мой, небось, не пьет, гы-гы-гы-гы”.
Гебельс: “Пусть здоровеньким помрет, гы-гы”.
Денис: “Паскуда!”
Андрей: “От спиртного отмирают клетки мозга”.
Костик: “То есть отмирают нейроны, с которыми налажена связь, появляются новые, и, пока туман их не захватил, они самостоятельны на какое-то время”.

Андрей: “Да”.

Борода: “Я, выходит, наименее подвержен влиянию этого, как ты говоришь Боря, туманного гриба”.

Маша: “Ой, страшно...”

Борода: “Кому еще навешать?”.

Третья партия: я, Петр Петрович, Костик, Денис.

Я: “Один-один”.

Илона: “Возьмем другое: то, что нет животных”.

Костик: “Один-два. Поскольку животные тоже имеют мозг, похожий на наш, то предположим, что туман влияет и на них, вызывает усиление умственной деятельности, что ведет к появлению у них зачатков разума, сознания, способности мыслить”.

Маша: “Получается чудовище”.

Борода: “Один-шесть”.

Денис: “А руководство знает об этом и поэтому есть такое постановление. Шесть-два”.

Я: “Или они сильно мучаются от головных болей. Два-пять”.

Денис: “А зачем тогда ликвидировать? Сами бы сдохли...”

Костик: “Пять-пять”.

Борода: “Два-два”.

Илона: “А растения?”

Денис: “Два-три”.

Сергей: “Растения уничтожаются только в городе”.

Я: “Пять-шесть”.

Гебельс: “Они попросту уродам мешают”.

Маша: “Да, уроды жалуются нам, если где увидят в городе зелень”.

Гебельс: “Бабуины гребаные!”

Костик: “Шест-шесть. Кстати об уродах, с ними как?”

Кирилюк: “На них отрицательно влияет, дуреют они”.

Костик: “Их же привозят”.

Кирилюк: “А-а-а, точно, не подумал...”

Борода: “Три-три”.

Денис: “Три-пять”.

Я: “Думаю так, что ваше руководство не самостоятельно принимает решение, оно – лишь исполнительная власть, управляется все из Объединенной Руси. Шесть-пусто”.

Кирилюк: “Или из Китая”.

Я: “Почему из Китая?”

Кирилюк: “Их много...”

Гебельс: “Твой на китайца похож?”

Кирилюк: “Нет, скорее на русского обычного”.

Костик: “Пять-четыре”.

Борода: “Четыре-шесть”.

Денис: “Пусто-пять”.

Я: “Пропускаю. Правительство Руси в курсе произошедшего и происходящего, но не хочет терять такую большую часть территории, ведь Лабрум официально – зона отчуждения”.

Костик: “Шесть-три”.

Гебельс: “Паспорта у нас русские”.

Я: “Я знаю. И вот они хотят использовать эту территорию, организовали здесь производства, к примеру, можно построить тут секретные военные заводы, присылают сюда со своей территории умственно отсталых, психических инвалидов, туман делает их способными к производственному труду – они работают на заводах”.

Борода: “Три-пусто”.

Денис: “Пять-один. Или просто для эксперимента присылают и нас тоже держат, опыты...”

Гебельс: “Это сколько же дурных там, столько идиотов рождается?”

Я: “Страна большая в принципе. Один-четыре”.

Сергей: “Не удивлюсь, если у них там с экологией паршиво и это влияет на наследственность”.

Я: “С экологией там, собственно, не очень хорошо”.

Костик: “Четыре-три”.

Борода: “Три-один”.

Костик: “Плохо я походил...”

Денис: “Пропускаю”.

Я: “Голый”.

Костик: “Пусто-четыре, все”.

Борода: “Все равно мы выиграли, у меня два”.

Я: “Один-пусто – у меня один”.

Денис: “Четырнадцать”.

Борода: “Ну как мы их всех удельываем!”

Гебельс: “Кузя, ты чего молчишь? Ты же из дурных?”

Сергей: “Ты же знаешь, он ничего не помнит, как и все они. И не обижай нашего Кузю, он не урод!”

Кузя, запинаясь, с паузами: “Я не. Я ничего не помню. А сейчас я не знаю. Что я чувствую. Не могу объяснить. Мне только кажется, что мне кто-то, кто-то, что-то подсказывает в голове”.

Сергей: “Не мучайте Кузю”.

Борода: “Ну кто еще рискнет с нами сразиться? Кристофу сегодня ох как везет! Валюха, давай ты с Илонкой”.

Илона: “А что, может и сыграем, а, Валь?”

Четвертая партия: я, Петр Петрович, Валентина, Илона.

Валюха: “Один-один”.

Борода: “Один-пять”.

Илона: “Один-шесть”.

Я: “Шесть-шесть”.

Денис: “Леонид, ты в Руси бывал? И почему наша зона – часть их территории? Это бывшая Республика Беларусь, у меня есть книги по истории, там описывается”.

Валюха: “Шесть-три”.

Сергей: “Говорили ведь уже на эту тему, объясняли тебе все сто раз”.

Денис: “Нет, а все-таки”.

Борода: “Пять-три. Беларусь вошла в состав Объединенной Руси спустя два года после катастрофы”.

Илона: “Три-три”.

Я: “Три-четыре. В Руси я не был, очень закрытая, авторитарная страна. Повторюсь: территория Лабрума официально ничья, это зона отчуждения, включает в себя кроме бывшей Беларуси и относительно небольшие территории Польши, Литвы, Латвии, Украины, бывшей России, официально здесь нет жителей”.

Валюха: “Четыре-пять”.

Гебельс: “Вот так вот, нас и за людей-то не считают”.

Денис: “Гнусные сволочи!”

Борода: “Да уж, как помойные коты... Пять-два”.

Илона: “Два-четыре”.

Я: “Три-пусто. До катастрофы Республика Беларусь входила в союзное с Россией государство, но это лишь формально был союз, на деле же все это была Россия с одним правительством и президентом. После катастрофы страна распалась на множество независимых государств, а через два года образовалась Объединенная Русь. Лабрум, по всей видимости, негласно тоже вошел в ее состав”.

Валюха: “Пусто-пусто, голый”.

Денис: “Но я у себя еще храню бело-красно-белые флаги и несколько гербов “Погоня”, что до тридцать второго года были. На свалке, конечно, нашел, собирал – теперь храню”.

Гебельс: “Революционер хренов, в шкафу у него запрятаны, валяются, а как напьется – машет и кричит”.

Борода: “Четыре-шесть”.

Денис: “Это память, тебе не понять, это нужно сохранить”.

Костик: “Могу согласиться с тобой, это история”.

Илона: “Шесть-два”.

Я: “Два-два”.

Борода: “Нам-то разницы, кем называться, нет, потому что мы де-юре не существуем, нету нас, тут пусто, лес один. Кристоф, “де-юре” – правильное слово?”

Я: “Абсолютно верно”.

Денис: “Откуда только слова такие знает...”

Валюха: “Ох, как это нечестно. Два-три”.

Борода: “Что нечестно, Валюша, игра?”

Валюха: “Да не игра, а отношение к нам, к жителям”.

Борода: “А-а-а, ну да, ну да. Пусто-четыре”.

Илона: “Четыре-четыре”.

Я: “Четыре-один”.

Валюха: “Три-один. Рыба!”

Борода: “Ох нихрена себе, Валюха рыбу зафигачила! Все, Кристоф, считай очки и, похоже, на этот раз сдули мы. Видишь, хода больше нет, никто не может походить, это и называется “рыбой”. У меня двенадцать”.

Я: “Шестнадцать”.

Валюха: “Один-два”.

Илона: “Семь”.

Борода: “Ничего не поделаешь, проиграли мы с тобой, Кристоф. Ну что ж сам ведь научил... Молодец Валюха! Она у меня ко всему способная, аж до невозможности”.

Я: “Получается, что как таковой национальности “беларус” уже не существует, есть только этнические беларусы, как я, как вы, как те, кто уехал”.

Борода: “Ну насчет Зураба-то я сомневаюсь, гы-гы-гы”.

Гебельс, указывая на Кузю: “А я насчет этого вот”.

Денис: “И неужели вас злость не берет, вас затоптали, разогнали по миру”.

Гебельс: “Разбежались как евреи когда-то...”

Борода: “Хреново”.

Андрей: “Да”.

Гебельс: “Но ты тут не агитируй нас, давай поговорим об этом завтра, как протрезвеешь”.

Денис: “Да ну вас, как хотите...”

Кирилюк: “Над оставшимися опыты проводят, исследования. Были же разговоры о неком эксперименте”.

Борода: “Были, да”.

Илона: “И поэтому не выпускают”.

Андрей: “Смотрят, что получится”.

Костик: “Симбиоз...”

Борода: “Кто не боится с Валентиной сыграть партейку?”

Илона: “Я больше не хочу”.

Валюха: “Хватит уже”.

Борода: “Ну как хотите...”

Кирилюк: “Я-то все время знал, что мой председатель – человек не отсюда, уверен, он русский. И вообще, что-то мне вот кажется, такое у меня впечатление, что я может разных возил, за все это время, за семь лет, менялись они. Ну... Я еще думаю: чего-то у него плешь периодически то больше, то меньше, то чуть зарастет, то опять лысый”.

Гебельс: “Боятся заразиться, меняются, в командировку ездят”.

Андрей: “Как и врачи”.

Борода: “В бетон зачем все закатали? Почему один только город оставили на всю зону, а остальное лесом засадили?”

Гебельс: “А чего непонятного, чтоб уродам, олигофренам ихним удобнее было и не сбежали чтобы”.

Сергей: “Эксперимент...”

Маша: “Это ужасно, это же впрямь какой-то заповедник получается, с живыми людьми”.

Костик: “Не волнуйся Маш, мы только размышляем, не обязательно, что так есть”.

Андрей: “А Оно наши мысли читает”.

Сергей: “Почему на железе оседает, над водой движется?”

Костик: “Какое-нибудь физическое явление, что-нибудь связанное с магнетизмом, электропроводностью. В нашем мозге сигналы между нейронами электрические”.

Андрей: “Ужасно все складно получается, вам не кажется?”

Маша: “Ужас...”

Борода: “Да ну вас с вашими теориями в задницу! Я вот сейчас стакан хлопну, кавардак в своих нейронах наведу – и не страшен мне ваш туман нифига. И Валентина со мной хлопнет, чтоб я за нее тоже не волновался. Давай, Валюха, на брудершафт!”

Валюха: “Давайте все вместе”.

Борода: “Да, и побольше, побольше наливать, чем больше нейрончиков угробим – тем лучше защита. Выпьем ребята за беспробудное пьянство!”

Все дружно и долго смеются, тянутся к Петру Петровичу чокнуться, только Кузя по-прежнему угрюм.

Кирилюк: “Тост так тост! Гы-гы-гы-гы”.

Сергей: “Петр Петрович соображает! Гы-гы-гы-гы”.

Гебельс: “И что б мы без его мудрости делали, гы-гы-гы”.

Выпиваем, закусуваем. Игра мне понравилась, очень увлекательная. И, ничего не скажешь, слишком уж складно у нас получается все объяснить, соединить воедино, в одну концепцию. Сложно поверить, не хочется верить, и вообще-то, если честно, то, скорее всего, это просто пьяный треп, хотя...

Борода: “Поставить вас в тупик мыслители-философы? Скажите-ка мне вот что, вот когда катастрофа была, самое первое что было? Вспышка. Она – что такое, а? Задумались, а?”

Костик, не дожидаясь: “Ну, так туман образовывался, рождался”.

Борода: “Вот объяснил! Ты поподробнее Петру Петровичу разложи, а то он не понимает... Иди-ка ты домой за энциклопедиями своими, и потом научно мне объяснишь, как положено, гы-гы-гы”.

Илона: “Свет, он же быстрее всего в мире движется?”

Костик: “Да”.

Я: “В нашем мире”.

Илона: “Вот так он и прилетел”.

Зураб: “Из космоса!”

Костик: “В смысле переместился со скоростью света извне или неким образом с помощью света из другой точки Вселенной”.

Я: “Или из другой вселенной вовсе”.

Сергей: “Ну ребята мы и нагородили! самого жуть берет. Это все Петр Петрович, который Борода, виноват со своим домино, играли бы в шахматы – думали бы больше, всякие такие мысли бы в голову не лезли”.

Борода: “Ладно, еще один вопрос вам, сказочники. Электроника у нас сдохла сразу и до сих пор нет, все старинное”.

Костик: “Ну это просто... Мы ж говорили, что туман как бы обладает электрическими связями, так передается информация, вот это его электричество всю микроэлектронику и вывело из строя”.

Борода: “Ох друзья, я, видать, сегодня напьюсь до усрачки по такому делу вселенского масштаба”.

Опять все смеются, в этот раз даже Кузя заулыбался. Наливаем, выпиваем. Все до единого при немалом количестве выпитого сохраняют ясность ума, что тоже легко вписать в нашу фантастическую теорию.

Гебельс: “Отчего дурные, уроды то есть, в храмы ходят, зачем их настроили им?”

Я: “Это, наверное, уже просто заложено в подсознании человека, как давняя традиция. Большая часть жителей Европы – формально атеисты, но соблюдают религиозные праздники, по привычке и традиционно в эти дни собираются в костелах, в церквях, сохранились процедуры венчания, панихиды по усопшим и так далее. Заложено в подкорке мозга где-то”.

Денис: “Для них строят, значит, а нам – живи как придется”.

Я: “Они – рабочая сила, они, получается, важнее”.

Денис: “А мы – подопытные, материал”.

Я: “Вроде того, может и так”.

Денис: “На заводы нас не берут, потому как мы слишком умные для них, боятся, что можем спереть что-нибудь, а потом организовать вооруженное сопротивление. Вдруг образуется такая могучая нация, высокоразвитая. Беларуская!”

Сергей: “Может быть, поэтому-то и книг нет, ограничен доступ к получению информации, чтобы не стали типа слишком умными”.

Костик: “Думаете?”

Андрей: “Детей по старым учат и очень избирательно, фактически они недоучками выходят”.

Маша: “И в лагере их держат”.

Андрей: “А чтоб не родители воспитанием занимались”.

Сергей: “Чтоб они обособленно жили, получали меньше неподконтрольной информации в период развития”.

Костик: “В период развития мозга”.

Андрей: “А дети наши, хоть и не получают хорошего современного образования, но имеют тонкий ум, логику и хорошую память”.

Костик: “Но и в некотором роде, по моим наблюдениям, у них отстраненное мышление и психологический характер самоуглубленной личности, то есть они почти все интроверты”.

Андрей: “Ничего страшного”.

Сергей: “Андрюха наш, как героический отец пятерых, хорошо знает эту тему, гы-гы”.

Андрей: “За детей больше всего волнуюсь, на себя-то уже наплевать, а они...”

Сергей: “Аннушка дома с пятым сидит?”

Андрей: “Ну конечно, а где ж ей еще, скоро год – и заберут”.

Сергей: “Ладно друзья, давайте еще по одной и заканчиваем эту тему, а то, как говорит Маша – страшно”.

Маша: “И неприятно, и противно”.

Сергей: “Все, давайте про другое, про что угодно, только не про зону и устройство мира. А Петру Петровичу больше не наливать, нето он сейчас в салат плюхнется, гы-гы-гы”.

Борода, поднимая поникшую голову: “Я тебе дам! Наливать, наливать!”

Меня уже слегка подташнивает, но все равно пью до дна.

Сергей: “А пошли искупаемся, самое время освежиться”.

Борода: “Можно...”

Валюха: “Куда ты пойдешь, купаться тебе еще не хватало, ты и на ногах-то не устоишь уже”.

Борода: “Уговорила, не пойду, гы-гы”.

Сергей: “Кристоф, плавать умеешь?”

Я: “Да”.

Идем купаться: я, Сергей, Гебельс, Зураб, Андрей и Денис.

Илона: “Только аккуратно, я вас прошу, ведь пьяные уже”.

Кириллук: “Я пойду, посмотрю за ними”.

Илона: “Сходи-сходи, мало ли что”.

Пляж внизу песчаный и красивый, как у моря, довольно пологий. Раздеваемся полностью, так как женщин с нами нет и незачем зря мочить трусы. Никто, кроме меня, совершенно не обращает внимания на бурлящий поток тумана, я, признаться, боюсь.

Кириллук: “Далеко не заплывать!”

Сергей: “Шмотки сторожи, спасатель”.

Кириллук: “Да кто их тут возьмет...”

Гебельс: “Инопланетяне, гы-гы-гы. Э-э-э-х”.

Гебельс разбегается и ныряет первым, за ним Андрей и Зураб. Мы с Денисом и Сергеем не ныряем, просто заходим в воду.

Сергей: “Б-р-р-р, чего-то прохладно”.

Денис: “Я только по пояс, я не очень плаваю, лучше сегодня не поплыву”.

Я, показывая вверх: “А эта штука не опасна?”

Сергей: “Не бойся, много раз уже купались. Ты, если силы есть, лучше ближе к середине заплыви и посмотри вверх, как там красиво оно все движется”.

Конечно, я поплыл на середину, доплыл кролем, там перевернулся на спину и наблюдаю. Завораживающее, необычайной красоты зрелище, невозможно описать словами как это все масштабно, как оно плывет, крутится, перемешивается, бурлит. Отсюда явно заметно, как туман стекает с краев столба, у самой кромки воды закручивается и резко подхватывается, стремится вверх, клубами, словно дым. В самом центре есть что-то вроде плотного стержня-спирали, там наиболее быстрое движение. Кажется, что поток, вся эта мощь должна тебя вот-вот поднять, потянуть, но при всей визуальной грандиозности все это очень легкое, и нет ни малейшего шума, абсолютная тишина. Только плескание купальщиков и крики Кириллука разносятся эхом: “Э! Э-э-э, Кристоф, а ну давай назад, ты куда заплыл так далеко, назад!”

После купания застолье продолжилось, разговаривали на различные обыденные темы жителей Лабрума, играли в шахматы. Но записи нет, потому что я перед купанием поставил диктофон на паузу, а вернувшись, забыл включить, по памяти же помню плохо, все-таки был в изрядном подпитии.

Возвращались в город поздно, стемнело, Петра Петровича вели под руки, меня Сергей тоже придерживал.

Мне понравились друзья Сергея, они очень разные, иногда настолько, что не верится в саму возможность их дружбы, но каждый по-своему интересен, они, как бы сказать, живописные, органичные, живые, хотя, может, просто давно не общался с обычными людьми. Также показалось, что коренные жители Лабрума поддерживают между собой весьма добрососедские отношения и их социальное устройство ближе к коммунизму в его положительной части, подобная общность уже не свойственна в нашем обществе (в целом), людей может объединять какая-либо общая цель, тема, но как только цель достигнута, тема стала неактуальной – вновь каждый сам по себе, вновь появляется обособленность, приоритет лишь сугубо личных интересов и в конечном счете всеобъемлющий эгоизм, только он один лежит в основе той демократии, которая пропагандируется сейчас.

Целый день думаю о нашей вчерашней теории, о происхождении Лабрума, смысле тумана. Прослушивая разговоры с диктофона, поражаюсь, насколько все получилось логично, связно, так и хочется во все это поверить, точнее проверить, подтвердить (не опровергнуть, а именно подтвердить) научно, экспериментально. Но, к сожалению, можно только строить догадки, провести здесь необходимые исследования не представляется возможным, остается лишь собирать материал, как можно больше фактов, чтобы сделать это позже, в Берлине. Однако если задуматься, то так ли уж нужны там эти исследования, будет ли кто-нибудь искать смысл? Скорее всего, это превратится лишь в еще одну сенсацию, не более, просто повод для срочных новостей и, как обычно, кто-то на этом неплохо заработает. Или наоборот, если начнет вскрываться что-то серьезное, то информация не дойдет до широких слоев, если люди до сих пор толком ничего не знают о Лабруме, если удавалось так хорошо скрывать правду, то что помешает ограничить новые сведения или не позволить состояться исследованиям вовсе. Надо полагать, демократия в мире погибла, так и не успев повзреть.

Как бы то ни было, я стал иначе относиться к туману, по-другому воспринимаю его. Появилось навязчивое чувство манипуляции, что за тобой наблюдают, тебя контролируют. Правда, пока непонятно, если поверить в нашу вчерашнюю фантастическую теорию, то следует испугаться и удирать или напротив это сулит нам некое благо. В случае химического или радиационного загрязнения лишь усугубляется мое разочарование в человеке, а если все так или хотя бы почти так, как в теории, то воодушевлению моему не будет предела. Потому что на контакт идут, когда видят в собеседнике интеллектуально близкого, ведь мы не будем общаться с муравьями на равных. В то же время для своего интереса мы изучаем муравьев и ставим над ними опыты...

Сегодня, когда ходил в продовольственный, внимательнее рассматривал уродов, обращая внимание на то, о чем раньше не думал. Они разные, то есть нельзя сказать, что это, предположим, искусственно выведенные особи для работы или что-нибудь такое, и, действительно, они имеют признаки психически нездоровых людей: у некоторых – характерные черты лица дауна, у других – неестественно вывернуты руки, наклонена набок голова или она слегка покачивается, у третьих – искривленное лицо и непропорциональные черты. В общем, складывается впечатление, что они могли когда-то болеть, и хоть сейчас их тоже не назовешь в полной мере здоровыми, но они, скажем так,

вполне функциональны. Как уже отмечал, их объединяет бессмысленный, безэмоциональный, даже тупой взгляд, медленное, неспешное поведение, неуверенные движения, но четкие действия, они точно знают что и как делать, куда идти, как по расписанию, по плану, при этом походка неуверенная, берут продукты с полок, как бы сомневаясь, сначала происходит действие, а потом какое-то заторможенное обдумывание. Они практически не общаются между собой, ни на улице, ни в очереди, редкие короткие фразы – просто молчат. Если честно, то не испытываю к ним жалости или подобных чувств. Будь уроды единственными жителями Лабрума, то стоило бы переживать и за свое психическое состояние в таком окружении. Необходимо наладить контакт с Кузей, вчера он был молчалив и погружен в себя. Своим припухшим лицом с нескладными чертами он похож на урода, но взгляд был явно другим, более осмысленным.

Нашел в шкафу свадебную фотографию родителей. Она завалилась за шufflingаки, поэтому они закрывались неплотно, обратил на это внимание, вынул их – и обнаружил там ее. Отлично помню ее красивую белую рамку и где она висела, повесил на то же место. Перед сном нахлынули детские воспоминания того времени, скорее всего, теперь всю ночь будет сниться что-нибудь в этом духе.

50.

Сегодня иду на КНС к Сергею, утром он должен быть там. Одному дома уже дико сидеть, скучно и, признаюсь, хочется выпить. По пути заметил у одного из домов, под самой стеной небольшой кустик травы и желтый цветок – одуванчик, такой маленький зеленый островок, клякса в море серого бетона. У стены в бетоне есть трещина, ветер нагнал туда земли – вот они и выросли. Маша, наверняка, скоро обнаружит это “произрастание” и, как предписано инструкцией, оно будет уничтожено.

Сергей, как я и думал, на месте и с ним тут еще Петр Петрович Борода. Они вместе возьмется внизу в машинном отделении.

Я: “Привет!”

Борода роняет на пол какую-то большую металлическую деталь, она со звоном падает и катится.

Борода: “Ой епт, Кристоф, напугал-то как. Подкрался, да как гаркнет!”

Сергей: “Здорово”.

Борода: “Хэллоу. Что, Кристоф Леонидович, соскучился?”.

Я: “Вроде того, у меня там поблизости жилых домов нет, скучно”.

Борода: “Как ты вообще там один живешь... Ты меня как пуганул, я чуть вот этой крышкой себе ногу не отбил, гы-гы”.

Сергей: “Мы тут двигатель разобрали, барахлит”.

Борода: “Я вот пришел Сереге помочь”.

Сергей: “Как более опытный сотрудник, почетный оператор КНС-ок”.

Борода: “А что, при прежней власти я бы грамоты имел и бесплатную путевку”.

Сергей: “В Сибирь? Гы-гы-гы-гы”.

Борода: “В Сочи! Гы-гы”.

Сергей: “Кристоф, Как дела?”

Борода: “Ты как, осваиваешься у нас? Если что, то спрашивай, не стесняйся – объясним. Жаль, у тебя телефона нет”.

Сергей: “Ты, часом, переселиться не хочешь?”

Я: “Куда?”

Сергей: “Ну в нормальный дом, в цивилизованный”.

Я: “Пока, наверное, нет. Вчера вот нашел фотографию родителей, свадебную. Ностальгия, понимаешь...”

Борода: “Я, помню, тоже не хотел, меня клещами не вытянуть было со своей квартиры, насильно, можно сказать, переселили. Слушай, Серега, у тебя тут кожух негерметичен, ты посмотри, сколько налипло пыли этой, тумана этого насосало, ведь второй раз за месяц разбираем, все обмотки залеплены, прикипело вон как, от этого и клинит”.

На КНС, надо отметить, много осевшего тумана, пыли. На трубах, на полу, на насосах, на стенках резервуара. Отмершие клетки Мозга...

Я: “Кстати, а что вы думаете о нашей гипотезе?”

Сергей: “Какой гипотезе?”

Я: “Ну про туман?”

Сергей: “Не знаю...”

Я: “Кажется вам правдоподобной?”

Сергей: “Э-э-э... А! Это ты про то, что в лесу обсуждали?”

Я: “Да”.

Сергей ковыряется во внутренностях двигателя, трет щеткой, дует, Борода держит крышку.

Сергей: “Да как тебе сказать, я про это не думал, забыл уже даже”.

Я: “А вы, Петр Петрович?”

Борода: “Я думаю, что если мы сейчас двигатель не успеем вовремя собрать, то у Сереги переполнится приемное, дерьмо через верх пойдет и нас тут затопит по уши. Давай быстрее чисти! Кристофчик, дорогой, давай вы потом обсудите...”

На КНС у Сергея порядок, чисто, только эта осевшая пыль кругом. В комнате персонала запаха нет, дверь плотно закрывается, тут висит сменная одежда, резиновый комбинезон, перчатки, маска, противогаз, стоят высокие сапоги, в ящиках лежат разные инструменты, на столе – какие-то электрические детали. Сбоку стола, под круглой пластиковой деталью замечаю книгу. Жиль Делез “Эмпиризм и субъективность”, я даже не знаком с этим произведением, да и об авторе знаю только, что это французский философ двадцатого века. Открываю на странице с закладкой (закладка – кусок медной проволоки): “Трансцендентное применение состоит в том, что разум сам по себе претендует на знание чего-то определенного. Он знает объект как то, что соответствует Идее. Несмотря на то, что трансцендентное применение разума очевидным образом противоположно формулируется по отношению к трансцендентальному применению рассудка, оно ведет к тому же результату: мы можем задавать объект Идеи, только полагая, что он существует сам по себе в согласии с категориями. Более того, именно такое предположение ведет рассудок к незаконному трансцендентальному применению, вдохновляя его видимостью знания об объекте”. Ничего не понял... Все-таки поражают меня здешние жители пытливостью своего ума, особенно такие вот философствующие работники КНС. Нашел в ящике стола карандаш и огрызок бумаги, записал прочитанную цитату, хочу тоже понять.

Несмотря на запах и такое содержание резервуара, на КНС мух нет, не видно ни одной. При обычных условиях их бы тут был целый рой, скорее всего, их травят, потому что без птиц они бы страшно расплодились, хотя, может быть, и самидохнут.

Сергей с Петровичем уже справились, закручивают болты крышки.

Борода: “Вот еще бы чуть-чуть и затопило бы нахер машинное! Давай скоренько крути и включай! Серега, ты ж смотри, делай профилактику, проверяй уплотнители, резинки, своевременно прочищай. А то сядет, читает, забудется, а у него двигателя горят”.

Я: “Делеза читаешь?”

Сергей: “Да, Эмпиризм и субъективность”.

Я: “И как?”

Сергей: “Так... Лучше того же Канта почитать или Юма, понятнее как-то”.

Борода: “Дочитаешься ты... Так и хочешь, чтоб по улице говно потекло”.

Я: “А вы, Петр Петрович, какие книги читаете?”

Борода: “Я не сильно много читаю, с детства не особо люблю. Серега бывает что подкинет, ну такое, художественное”.

Сергей: “Он пьесы любит, старую классику, Чехова, например”.

Борода: “Я больше просто так думать люблю, мечтать, что-нибудь такое, знаешь, в мозгу сложить или в шахматы сам с собою играю. А так я – пропащий алкоголик, гы-гы-гы”.

Я: “А теория наша о тумане складывается в голове у вас?”

Борода: “Не складывал... Про теорию хорошо не помню, зато помню, что мы с тобой показали первоклассную игру, мастерски уделали их там в домино, гы-гы-гы”.

Петр Петрович вылез из машинного и спешит на свою КНС.

Борода: “Бегом теперь придется бежать, выкатывать пора. Ну Серега, ну получишь ты в следующий раз у меня!”

Сергей тоже поднялся наверх, нажимает кнопку – и двигатель шумно стартует.

Сергей: “Хочешь посмотреть, как туман крутит над двигателем?”

Спускаемся смотреть. Лестница очень крутая, я споткнулся, думал уже, что полечу кубарем, но Сергей удержал меня за воротник.

Сергей: “Аккуратнее ж ты, не хватало тебе после всего только на КНС-ке и зашибиться”.

Сильный шум и гроыхание, тусклая лампочка, низко висящая на проводе, мерцает, Сергей направил ее на работающий двигатель. Над ним наблюдаются завихрения тумана, точнее, это оранжевый шар метра полтора в диаметре с хаотичными вихрями внутри. Пыль тумана оседает на кожух двигателя и тут же растворяется, тает, слой остается постоянной толщины, то же самое наблюдается на всех железных конструкциях в зоне, но сейчас это происходит гораздо быстрее, заметно визуально.

Сергей, перекивая шум: “Красиво?!”

Я: “Да!”

Сергей, кричит: “Только работы от этого много, внутрь лезет, вот потом чистить надо, а кожух один не снимешь, видишь какой большой, надо чтоб кто-то поддерживал. Ладно, пошли наверх, а то оглохнем”.

Когда я вновь вижу подобные необъяснимые оптические (физические) явления, то понимаю, что с туманом не все так просто. Это еще больше разжигает мой интерес, но вместе с тем и пугает...

Сергей: “Ты что сегодня делаешь?”

Я: “Не знаю, ничего...”

Сергей: “У тебя вообще есть какой-то план, что тебе в зоне надо сделать?”

Я: “Определенного нет. Пока просто наблюдаю, записываю”.

Сергей: “Угу, понятно. Пошли тогда ко мне сейчас, как выкатается, я ж тебе обещал фотографии своего отца показать, что он снимал, посмотрим”.

Я: “Пойдем конечно”.

Пока ждали, Сергей рассказывал мне о Делезе: биографию, направление творчества, суть основных трудов. Причем он так увлекательно это делал, что мне захотелось забрать в его библиотеке все книги этого автора и прочесть разом. С его слов все было просто и понятно, но когда я листал книгу и читал там что-нибудь, то совершенно не мог ничего понять, один и тот же абзац перечитывал по пять раз, чтоб хоть что-то дошло, так что, как говорится, я пока не дорос до таких книжек.

По дороге домой Сергей вспомнил, что надо зайти купить водки, потому что дома у него нет, а “на сухую” сидеть грустно, да и настроение сегодня плохое, ну, по правде, это он вспомнил после моих недвусмысленных намеков. Идем к продавцу, к “барыге”.

Сергей: “Я последнее время только у него беру, проверенный человек, гарантированное качество. И у меня с ним сотрудничество. Барыги – люди самые, можно сказать, обеспеченные в зоне, у них найдется все, бо денег же нет, только натуральный обмен, и люди тянут им всякое, в том числе и книги, вот их я у него и вымениваю”.

Схема покупки такая: подходишь к дому, где живет барыга, становишься в определенном месте, стоишь там, пока он тебя не увидит из окна и не выйдет, ты его замечаешь и идешь за ним, но не рядом, соблюдая дистанцию, идете к складу, где он хранит продукцию, эти места часто меняются.

Становимся у дома, ждем. Минут через пять выходит толстенный невысокий мужик, он настолько толстый, что его живот как бы обволакивает ремень на талии, особенно спереди, руки у него не висят по бокам, а больше торчат по сторонам, опираясь на туловище, ноги он уже не может свести и нормально сгибать – переваливается с одной на другую.

Сергей: “Вот до чего доводит безделье и чревоугодие, гы-гы-гы. Видал, какой бегемот!”

Идем за ним, приходится идти медленно, потому что он еле-еле ковыляет, в нем килограмм, очевидно, под двести. Плетемся минут пятнадцать, он заходит в подъезд дома (по всей видимости, пустующего), мы – за ним. Когда зашли в подъезд, он уже держал в руках бутылку со слегка мутноватой жидкостью.

Барыга, сопя и часто тяжело дыша: “Привет. На, держи. Что даешь?”

Сергей: “У меня есть медная проволока, толстая, метра два, я тебе в следующий раз принесу. Или хочешь, продуктов каких”.

Барыга: “Чего сразу проволоку не принес? Продукты, я тебе сто раз говорил, не носи, продукты все несут... Еще проволока есть? Мне там пару книг принесли”.

Сергей: “Хорошо, в следующий раз возьму всю, что есть, и посмотрю, что за книги”.

Сергей взял бутылку, заткнул ее за пояс, и мы вышли первыми, барыга остался. Первый раз увидел в Лабруме такого тучного человека, жена Бороды, Валентина – тоже довольно упитанная, но не настолько, барыга же был ужасно заплывший жиром: у него не было видно шеи, как будто сразу плечи, глаза терялись где-то среди складок ожиревшего лица, он сопел, задыхался, брызгал слюной, был весь красный и потный.

Я: “Зачем ему медная проволока?”

Сергей: “Из меди можно что-нибудь выплавить, а он чинит свой самогонный аппарат или, может, новый делает, там детали медные”.

Я: “А конспирация такая зачем? Ловят, запрещено?”

Сергей: “Формально запрещено, но за то, что пьешь, тебе ничего не сделают. Это больше барыги боятся, одно время они стали пропадать без вести, просто куда-то исчезать, говорят, их ликвидировали за производство, вот они и берегутся с того”.

Я: “Так ведь легко вычислить, они же не работают”.

Сергей: “Они все равно где-нибудь числятся, за них другие просто работают”.

Я: “Как он узнал, что купить хотим?”

Сергей: “Не купить, а взять, поменять. Он к абы кому не выйдет, только со знакомыми людьми работает. Если ты придешь и станешь там, то хоть сутки стой – не выйдет, сначала надо чтоб тебя кто-нибудь ему представил, например я”.

Илона была дома. Она быстро накрыла на стол, минимально что-то прикусить. Мы выпили, посидели, опять выпили, поговорили о всяких насущных, бытовых делах, еще выпили, потом Сергей принес коробку с фотографиями.

Черно-белые фотографии небольшого размера, где-то с четвертую часть стандартного печатного формата, листаю и рассматриваю изображенные на них пейзажи, пока Сергей рассказывает.

Сергей: “Вот смотри, это он снимал спустя три – четыре года после катастрофы и в течение шести – семи лет. Тогда туман был гораздо менее плотным, а поначалу совсем неплотным и не таким рыжим, не было этого бетонирования, город еще был обычным, это, в общем, еще самое начало. Снимал как в городе, так и в окрестностях. Фотографии не подписаны и по дате съемки не разложены, только разделены на семнадцать частей, не перепутай, в них снимки сделаны приблизительно в одной местности и ориентировочно в одно время. Отец в качестве хобби все время занимался фотографией, с детства, это была, естественно, цифровая фотография, фотографировал просто для себя. Когда электроника полетела, здесь распространилась на некоторое время аналоговая фотография, для нужд населения, на документы, например. Аналоговая – то есть с помощью химии, светочувствительной пленки с серебром и такой же бумаги получается фотоснимок, в основном делали черно-белые. Отец освоил технологию, чтобы устроиться фотографом в ателье (было вакантное место), год там проработал, фотографировал людей на документы. Оно закрылось, потому что было очень мало клиентов, в каждом районе ателье стали не нужны, хватало и нескольких на весь город. Но аппаратура и принадлежности у него остались, вот он иногда и снимал для себя эти пейзажи, с художественной точки зрения и от нечего делать, заняться здесь кроме работы, сам видишь, практически нечем. Он пользовался камерой из ателье – большая такая гармошка, с мехом, спереди вкручивается объектив, сзади вставлено матовое стекло, на нем, если накрыться чем-нибудь темным, видно перевернутое изображение кадра, она ставится на штатив, фокусируешься по

стеклу, выставляешь необходимые параметры (выдержку, диафрагму), потом вставляешь кассеты с пленкой (размером десять на тринадцать сантиметров), спускаешь затвор – готово, точнее еще надо проявить химией. Ты вообще об аналоговой технологии фотопечати слышал?”

Я: “В общих чертах”.

Сергей: “Ну так вот, проявляешь пленку из кассеты, это делается в специальном баке – получается негативное изображение, дальше при тусклом красном свете печатаешь изображение на бумагу: прикладывается негатив, прижимается стеклом и засвечивается сверху определенное время светом от лампочки, проявляешь бумагу – выходит черно-белое изображение, вот такая вот фотография”.

Илона: “Сергей всем показывает эти фотографии, как ценность”.

Сергей: “Ну да, они интересны как художественные произведения, но ты еще можешь посмотреть, как тут в зоне было в то время”.

Я: “А почему дальше не снимал?”

Сергей: “Когда туман начал становиться плотнее и более рыжим, снимки стали получаться все хуже и хуже, очень темными, и никак не удавалось это исправить. Потом и вовсе ничего не выходило: все полностью черное, химия перестала работать, не шел процесс. Сейчас у нас фотографии совсем никакой нет, на документы фотографируют сразу туда, на страницу, это в Центральном отделе услуг, там в специальную комнатку надо заходить, вспышка – и через минуту тебе отдают паспорт с твоей рожей”.

Илона: “У нас таких устройств нет”.

Сергей: “Я раз заказал в Центральном: прошу доставить мне устройство для получения фотографий. Ответили отказом, и все на том”.

Я смотрю на фотографии, и хоть они черно-белые, несмотря на их нечеткость, слабую резкость, они кажутся мне очень реалистичными.

Сергей: “Они красивые, понимаешь, для меня – определенно красивые”.

Я: “Я не большой знаток изобразительного искусства, но да, наверное красивые. Хорошие композиции”.

Сергей: “Может, это у меня просто личное, не знаю... Только мне они представляются очень ценными”.

Илона: “Просто это твой папа...”

Сергей: “Но ты можешь исключительно с исторической точки зрения смотреть, если что”.

Я: “Значит, эта вот бумажка была прямо в фотоаппарате?”

Сергей: “Нет, я же тебе объясняю, из фотоаппарата получают сначала негатив, а потом он прикладывается, засвечивается и получается уже эта картинка. Свет отражается от предметов, через объектив попадает на пленку в камере, остается невидимый след, а потом химией он проявляется в видимое негативное изображение”.

Я: “Интересно, выходит, что свет оставляет свой след, впечатывается”.

Сергей: “Да. У меня еще знаешь, такое странное ощущение, я когда смотрю, то вроде кажется, что не отец фотографировал этот пейзаж, вот это дерево к примеру, а само то, что там есть, хотело сфотографироваться, ну то есть смешно, конечно, но дерево это хотело сфотографироваться. Типа того, что все меняется, ускользает, но его необходимо

запечатлеть, остановить момент времени, чтобы осталось воспоминание, оно само этого хочет”.

Илона: “Но память же может быть только твоя, она же не может быть вообще память, без кого-либо, сама по себе”.

Я: “В любом случае, если говорить про память и про время, то вот эти снимки их отражают, они в них есть, потому что, насколько я понимаю, есть прямой контакт с реальностью посредством света, как-то вот так мне это видится”.

Сергей: “Да. Как будто сама реальность стремится к памяти...”

Илона: “Она же не живая”.

Сергей: “Не та память, что в нашем мозгу, а в абсолютном понимании, то есть прошлое. погоди, дай подумаю, как сформулировать...”

Илона: “Это философия...”

Сергей: “Реальность в настоящем через фотографии или с помощью фотографий закономерно стремится в то прошлое состояние, которое по какой-то причине является отправной точкой, неким началом отсчета”.

Илона: “Я же говорю...”

Сергей: “Ладно, ты извини, если голову тебе запудрил, я вчера не похмелился и в мозгу все это время гудело, а сейчас развезло”.

Я: “Нет-нет, я еще посмотрю, мне интересно посмотреть”.

Вероятно, что-то такое особенное и вправду было в тех снимках, несомненно, что-то ощущалось, нечто большее, мне, как и Сергею, сложно сформулировать, что именно. Возможно, так работают применяемые его отцом художественные приемы, определенная композиция, картинка, изображенные места, или это происходит из-за визуальных особенностей этой технологии печати. Может быть, всего-навсего так работает аналоговая фотография, затрагивая не только зрительные рецепторы, не знаю, я мало держал в руках аналоговых снимков, в основном лишь видел на значительном удалении в музеях. Однако я абсолютно теперь понимаю Сергея, когда он говорит о ценности этих его фотографий.

[...]

было уже и поздно, но после этого Сергей предложил еще сыграть в карты. Оказывается Гебельс, Зураб и Андрей живут в этом же доме, можно их позвать и поиграть там внизу за столом. Я согласен, идем за ними, в это время все дома.

[...]

самодельный длинный стол с лавочками у лестницы, карты лежать здесь же, с краю. Обычно в таких местах много курят, играют и курят – после этой мысли я вспомнил, что не видел в Лабруме курящих.

Я: “А из вас кто-нибудь курит?”

Сергей: “В зоне нет курящих, кашель сильно усугубляется”.

Гебельс: “Легкие выплюнешь”.

Андрей: “Не хватало тут еще и курения, кроме этого пьянства...”

Гебельс: “Так, ну что, давайте по четыре играем на вылет”.

Андрей: “Я не буду играть, что-то не хочется сегодня”.

Гебельс: “Ну как хочешь, тогда мы вчетвером. Зураб, сдавай”.

Сергей: “Кристоф, а ты в карты-то умеешь, в дурака?”

Я: “Умею, с папой играли”.

Сергей: “Ну и отлично, начинаем наш турнир”.

Зураб тасует колоду, раздает карты.

Зураб: “Козырь – крести”.

Сергей: “У кого что?”

Я: “Десять”.

Гебельс: “Ходи”.

Я: “Восемь-пик”.

Сергей: “Девять”.

Гебельс: “Восемь-чирва. Я еду сегодня, загрузился уже, на свалку еду”.

Сергей: “Десять”.

Гебельс: “И там уже нежилой массив пошел, я добавил скорости. Тут раз – вылетает под колеса прямо. Урод! Я по тормозам, машину юзом повело, еще бы десять сантиметров – задавил бы.”

Я: “Десять-пик”.

Сергей: “Беру”.

Гебельс: “Вылажу, ругаюсь на него. А он стоит и все, постоял так – и пошел дальше, как ни в чем не бывало. Меня такая злость взяла, догоняю его, да как засажу ему пендаля! Семь-бубна”.

Зураб: “Забираю”.

Сергей: “Семь-чирва в придачу. Что, пешеходного перехода не было? Странно...”

Я: “Шесть-бубна”.

Гебельс: “Ну пешеходный был, но район-то нежилой, хера ему там делать, до их уродских домов оттуда минут сорок ходьбы, это на самой окраине, по направлению к свалке где выезд”.

Сергей: “Девять”.

Зураб: “Злой ты. Шесть-пика”.

Сергей: “Злее Зураба, гы-гы. Восемь”.

Гебельс: “Отбой. Ты знаешь, знаешь, как я пуганул сильно: сердце чуть не стало!”

Сергей: “Ты ж уродов не любишь, ненавидишь даже, дак чего ты перепугался, ну задавил бы одного. Десять-чирва”.

Гебельс: “Туз. Ага, потом бы с мусоровоза сняли, как пить дать.”

Сергей: “Десять-пик”.

Гебельс: “Валет. На мусоровозе, сам знаешь, как выгодно”.

Сергей: “Туз-бубна”.

Гебельс: “Чего, ты думаешь, я боялся его задавить? Да вон их сколько, одним больше, одним меньше – невелика потеря! Шесть-козырь”.

Сергей: “Шесть-чирва. Ты, Кристоф, не думай, он у нас не кровожадный, не убийца, просто они его бесят, раздражается он”.

Гебельс: “Девять-козырь”.

Андрей: “Никак привыкнуть не может”.

Гебельс: “И не привыкну уж никогда”.

Сергей: “Девять-пик”.

Зураб: “Потому что злой”.

Гебельс: “Валет-козырь. Андрюха, раз не играешь – принеси ты поесть чего, прикусить, сделаем по сто грамм”.

Зураб: “Валет-чирва”.

Гебельс: “Туз-козырь, все – бито”.

Гебельс достает бутылку из-за батареи отопления, она неполная.

Гебельс: “Во, больше половины – нам хватит”.

Андрей: “Ай не, не пойду – засиживаться не будем”.

Гебельс: “Ну чего ты, не ленись”.

Андрей: “Не пойду”.

Гебельс: “Ну как хотите...”

Ставит бутылку назад за батарею.

Гебельс: “Восемь-бубна. Как ты думаешь, Кристоф, с какой позиции надо относиться к уродам?”

Зураб: “Забираю”.

Сергей: “Восемь-чирва в придачу”.

Гебельс: “Вот надо снисходительно, с пониманием или вообще с уважением? Имею я право их за людей не считать?”

Я: “Десять-бубна. Они все-таки какие-никакие люди, поэтому надо хотя бы с пониманием относиться, и уж точно не уничтожать их”.

Сергей: “Семь-козырь, все”.

Гебельс: “Но ты же погляди на них, какие они... Король-чирва”.

Зураб: “Беру”.

Я: “Король-пик в придачу”.

Сергей: “Он однажды по пьяни за вечер пятерым морды поразбивал”.

Гебельс: “Король-бубна в придачу. Это всего один раз было и не по пьяни, а с бодуна”.

Сергей: “Бодун – это похмелье”.

Я: “Валет-бубна. Раз они не такие как вы, как мы, это не значит, что они недостойны, по сути, они имеют такое же право на жизнь, как и все остальные, на свободу, на счастье”.

Гебельс: “У вас там так считают, да? Восемь-козырь”.

Я: “Подобным образом”.

Зураб: “Восемь-чирва”.

Гебельс: “Девять”.

Зураб: “Восемь-буба”.

Гебельс: “Мое, беру”.

Сергей: “Это гуманизм Миша, гуманизм и демократия”.

Гебельс: “Ах, гуманизм значитесь!”

Зураб: “Король-чирва”.

Я: “Десять-козырь”.

Гебельс: “Я-то знаю, что такое этот гуманизм, ты не думай”.

Зураб: “Король-буба”.

Гебельс: “А вот то, что нас тут держат как жуков, как крыс лабораторных, это как называется?”

Я: “Дама-козырь. Это как раз нарушает принципы гуманизма”.

Зураб: “Дама-чирва”.

Я: “Беру”.

Гебельс: “Ага, нарушает... Так какого хрена, скажи ты мне, я должен по гуманизму поступать, а ко мне как к собаке, хуже еще относиться будут. Восемь-чирва”.

Андрей: “Мы ведь так к тебе не относимся”.

Зураб: “Забираю”.

Гебельс: “Вы не относитесь – они относятся. Восемь-бубна в придачу”.

Андрей, вставая из-за стола: “Ладно, кажись придется все-таки за закуской идти, доставай бутылку”.

Зураб: “Михаил Антонович, я тебя уважаю”.

Гебельс: “И на том спасибо”.

Сергей: “Несмотря ни на что – я тоже, гы-гы”.

Я: “Король-бубна”.

Гебельс: “Смотри, как получается: есть какой-то скажем говнюк, который нас, здесь живущих, за людей уже не считает, а видит только как материал, отбросы, утиль, так я же не могу принять его точку зрения, а так как ему на мою жизнь наплевать, он добивается своих каких-то интересов, то я его должен ненавидеть, желать его смерти, так? Значит, я уже нифига гуманистом быть не могу, я ж его прибить хочу, грохнуть. Так?!”

Я: “Он нарушает принципы гуманизма...”

Гебельс: “Он-то нарушает, но мы ведь вместе уже не гуманисты, потому что я смерти его хочу, хоть и оправданно хочу. Восемь-kozyрь”.

Зураб: “Правильно говоришь!”

Я: “Король-чирва. Вам не обязательно хотеть его смерти, но вы можете знать и заявлять, что он неправ”.

Гебельс: “Кому заявлять, кто меня послушает, Богу что ли заявлять? Беру”.

Зураб: “Восемь-чирва, восемь-буба в придачу”.

Я: “В смысле говорить об этом”.

Гебельс, возбужденно: “Не, ну что это за логика тогда получается, что ты городишь?!”

Сергей: “Тихо, тихо, Мишенька, успокойся, а то так и лопнуть можно, гы-гы”.

Зураб: “Семь-чирва”.

Я: “Дама”.

Зураб: “Семь-буба”.

Я: “Дама”.

Зураб: “Семь-пика”.

Я: “Десять-kozyрь”.

Гебельс: “Дама-пик”.

Я: “Дама-kozyрь, все – отбой”.

Пришел Андрей, раскладывает кое-какую закуску, Гебельс достает бутылку и четыре стакана.

Гебельс, спокойнее: “Одного не хватает”.

Андрей: “Я не буду”.

Сергей: “Теперь ты понимаешь, почему у него кличка Гебельс, гы-гы-гы, Йозеф Геббельс, гы-гы”.

Гебельс: “Разливай ты вот, не разговаривай лишнее. Восемь-чирва”.

Зураб: “Беру”.

Гебельс: “Восемь-бубна в придачу”.

Сергей, разливая по стаканам: “Выпьем тогда за гуманизм, а Миша?”

Гебельс: “Король-чирва. Не зли... Пейте за что хотите, мне все равно, хоть за этого короля чирвового”.

Зураб: “Забираю”.

Гебельс: “Король-бубна в придачу”.

Выпиваем, закусываем.

Гебельс: “Девять-чирва”.

Сергей: “Так, теперь спокойно разберемся. В чем затык вышел?”

Зураб: “Король”.

Гебельс: “Отбой”.

Я: “Михаил Антонович ошибочно считает, что человек, называющий себя гуманистом, должен прямо-таки безоговорочно любить всех на свете”.

Сергей: “Миша, парируй”.

Зураб: “Король-буба”.

Гебельс: “Восемь-kozyрь. Истина одна. Если хорошенько разобраться”.

Зураб: “Восемь-чирва”.

Гебельс: “Беру. Лечь, накрыть голову одеялом и разобраться”.

Зураб: “Король-пика”.

Гебельс: “То не найдется на Земле ни одного человека, чтоб взять и легко, и уверенно назвать его гуманистом. Вот не будет такого! А раз не будет, то гуманизм ваш никому и не нужен – на свалку его. Пустословие, херня! Восемь-kozyрь”.

Сергей: “Ого! Гы-гы-гы”.

Зураб: “Прав! Восемь-буба”.

Гебельс: “Валет”.

Зураб: “Отбой”.

Я: “А как тогда людям относиться друг к другу? По каким принципам?”

Гебельс: “Как заслужил – так и относиться. Восемь-чирва”.

Зураб: “Король-kozyрный”.

Гебельс: “Король-бубна”.

Зураб: “Мое, я – дурень”.

Зураб собирает карты, тасует.

Андрей: “Слушай, Гебельс, да наплюй ты на этих уродов, не обращай ты на них внимания. Не самое это плохое тут, мне они – что стенке, не замечаю и все”.

Зураб раздает.

Зураб: “Козырь – пика”.

Сергей: “У кого что?”

Я: “Девять”.

Зураб: “Я хожу. Король-чирва”.

Я: “Сергей, что ты скажешь? Девять-kozyрь”.

Зураб: “Король-буба”.

Сергей: “Мне одно время нравилось, что про гуманизм писал Сартр, теперь, правда, уже не нравится”.

Я: “Почему, что там? Беру, мое”.

Сергей: “Семь-бубна. Там человек превращается в некотором роде в идола, что он есть единственно главное во всем свете, что он Абсолют”.

Гебельс: “Десять. Я знаю, я знаю как сделать настоящий гуманизм на Земле”.

Сергей: “Семь-треф. Давай! Гы-гы”.

Гебельс: “Десять. Все жители Земли должны договориться, точнее нет, договариваться не надо”.

Зураб: “Семь-чирва”.

Гебельс: “Девять”.

Я: “Девять-треф”.

Гебельс: “Десять-козырь”.

Я: “Бито”.

Гебельс: “Без договоров и обсуждений. Надо просто взять и чтоб все разом умерли. Только чтоб все сразу, до единого, в один момент. Вот тогда будет гуманизм! Все будут равными, и никому не будет обидно. А? Как вам такой гуманизм?!”

Сергей: “Молодец! Гы-гы”.

Зураб: “Давайте выпьем”.

Сергей: “И Зураб молодец! Гы-гы-гы-гы”.

Сергей разливает, выпиваем.

Гебельс: “Шесть-чирва. Будет справедливо. Только в пустыне ваш гуманизм будет работать”.

Зураб: “Валет”.

Я: “Без человека гуманизма быть не может, это нелогично”.

Гебельс: “Все логично, еще как логично. Шесть-треф”.

Зураб: “Туз”.

Гебельс: “Балет-бубна”.

Зураб: “Восемь-козырная”.

Андрей: “Ну я, к примеру, сам на такое, может, и согласился бы, а как я могу своих детей отправить на твой этот всеобщий конец...”

Я: “Восемь-бубна”.

Зураб: “Девять”.

Гебельс: “Все погибнут – не обидно. И без мучений”.

Сергей: “Ага, надо чтобы еще и без мучений. Ты, Миша, смерти боишься...”

Гебельс: “Я... Боюсь, наверно. Кто не боится...”

Я: “Девять-пик”.

Зураб: “Туз”.

Сергей: “Шесть-бубна”.

Зураб: “Забираю”.

Сергей: “Все, друзья, доигрываем и расходимся. Гебельс сегодня Землю подорвал в космическом масштабе. Хватит на сегодня, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Разозлили меня”.

Андрей: “Тебя с пол тыка заведешь. Они, бывает, как сцепятся с Денисом – два сапога пара”.

Гебельс: “Просто у меня характер такой...”

Сергей: “Все, ни слова об этом больше, доигрываем и расходимся”.

Я: “Дама-бубна”.

Сергей: “Шесть-козырь”.

Гебельс: “Дама-чирва”.

Сергей: “Дама-козырная”.

Зураб: “Шесть-чирва”.

Сергей: “Восемь”.

Зураб: “Шесть-буба”.

Сергей: “Зачем же ты меня валишь? Мое, беру”.

Зураб: “Выкинуться надо. Шесть-крести, восемь-буба в придачу”.

Гебельс: “Десять-чирва”.

[...]

52.

В целом погода в Лабруме не сильно отличается от той, что свойственна в это время года в Германии или Польше: сухое, малождливое лето. Скорее всего, влияния на атмосферные явления нет, хотя я ожидал, что оно должно быть. Но в любом случае, голубого ясного неба здесь никогда не видно, так как его все же полностью закрывает рыжий туман, плотность которого с высотой увеличивается, уже отмечал это ранее.

Человечество еще до Лабрума успело устроить себе существенные экологические проблемы, которые едва не вылились в экологическую катастрофу всемирного масштаба. Думаю, зона не представляет явной угрозы для экологии Земли. Бесспорно, здесь сильно нарушена экосистема, но вряд ли это может кардинально повлиять на экосистему близлежащих территорий и Земли в целом. Считаю, что произошедшая катастрофа не принесла фатальных последствий для природы и климата. Произошедшее здесь – явно более сложное явление, чем просто техногенная катастрофа, не важно какого характера, химического, радиационного или иного. Также все больше склоняюсь к мысли, что рыжий туман не несет химической опасности, и уж точно он не является атмосферным явлением (поэтому называть это “туманом” вообще-то неверно).

Туман – сложное физическое явление, объяснить которое мне не представляется возможным, необходимы серьезные специальные исследования. Насколько мне известно, ничего подобного ранее (до образования Лабрума) на Земле не встречалось. Возможно, туман присутствует и в остальных пяти зонах, образовавшихся вместе с Лабрумом, но вследствие крайне малых их площадей, плотность там может быть значительно меньше. Мне представляется, что эти мелкие зоны – остатки от Лабрума, как если уронить тарелку с супом, то кроме лужи будут еще и брызги.

Огромный забор вокруг территории зоны, беспрецедентные меры по охране границы, максимальное сокрытие информации по теме – все это, по моему мнению, именно из-за неординарности произошедшего и, вероятно, необъяснимости его. Они решили отгородиться и изолировать нас от того, чего не могут понять, охарактеризовать, объяснить. Но все равно всегда находятся те, кто хочет найти для себя выгоду во всем, пусть даже и с риском для жизни. Это как огонь для первобытного человека: сначала он боится его и избегает, потому что тот таит опасность, может обжечь, причинить боль, но постепенно пытливость ума заставляет изучать его, исследовать, а в конечном итоге

“приручить” для своей пользы, и этот же огонь в дальнейшем сыграет очень важную роль в эволюции человека.

53.

С утра пришел к Сергею на КНС, хочу, чтобы он еще раз познакомил меня с Кузей, пообщаться с ним, тогда, в лесу он весь день промолчал, просидел в стороне.

Сергей: “Он обычно сам появляется. Придет просто, мы, например, в карты играем там у нас, он тихо в уголок сядет, сидит. Или может прийти попросить поесть, Илона тогда откармливает его, помоем еще. Но можно попробовать его встретить у мусорных контейнеров, он там в одном дворе часто ошивается, пойдём туда посмотрим. А зачем тебе?”

Я: “Интересна его личность”.

Сергей: “А, ну да, он у нас необычный, уникал – просветленный урод”.

Я: “Почему его не ловят, он же как бы нарушитель, не работает, а уроды все работают”.

Сергей: “Кто его знает, наверное, у них такого не бывает, это единичный случай, да и прячется он хорошо”.

Ждем, пока опустеет резервуар, и идем искать Кузю. Проверяем контейнеры у одного дома, у второго, третьего – его нет.

Сергей: “Будем ждать в этом дворе, я его обычно здесь встречаю”.

Ждем, все мусорные площадки отсюда хорошо просматриваются.

Примерно через час Кузя все-таки появляется. Подошел к контейнерам, огляделся по сторонам, заглянул внутрь, перегнулся через край и стал там ковыряться, ворошить мусор. Идем к нему.

Сергей: “Только не спугни, а то он убежит, просто тихо подходим”.

Подошли, сначала он не замечал нас, потом вздрогнул, стал сторониться с испуганным видом.

Сергей: “Кузя, привет, это я, Сергей, это вот Кристоф, помнишь?”

Глаза на его чумазом распухшем лице забежали, в слегка подрагивающих руках он держит кусок хлеба, обильно покрытого плесенью, стоит в позе для старта, чтобы спешно удирать.

Сергей: “Ну я это, Сергей, ты что, не узнаешь?”

Кузя, все еще напуган: “Тебя я узнаю, я второго не знаю”.

Сергей: “Знаешь ты его, на пикнике тогда в лесу, Кристоф... Вспоминай, ну”.

Кузя, пристально рассмотрев меня: “Вспомнил”.

Он стал спокойнее, менее напряженным.

Сергей: “Хорошо, что вспомнил. Как, нашел что в баке?”

Кузя: “Вы помешали...”

Я: “Привет”.

Кузя: “Привет”.

И он, удостоверившись, что ему ничего не угрожает, опять перегнулся через край и второй свободной рукой вытягивает оттуда брюки. Они большого размера, явно больше Кузино и вдобавок сильно порваны. Демонстрирует их нам и улыбается.

Кузя: “Во, штаны!”

Сергей: “Они же тебе велики, посмотри”.

Кузя: “Ну и что...”

Сергей: “Слушай, Кузя, ты есть хочешь?”

Кузя: “Да”.

Сергей: “Пошли к Кристофу в гости посидим, у него много всякого вкусного”.

Кузя задумался, глаза его вновь забегали, смотрит то на меня, то на Сергея, то на меня, то на Сергея. Сомневается и опасается.

Сергей: “Да не бойся ты, Кристоф – мой друг”.

Я натянуто улыбаюсь и пытаюсь делать доброжелательный вид.

Сергей: “Наешься на неделю вперед. Пойдем!”

Кузя: “Селедка есть?”

Сергей: “Кристоф, у тебя селедка есть?”

Селедка как раз была, я тоже люблю селедку.

Я: “Да, есть, очень вкусная”.

Кузя, немного подумав: “Хорошо, пойдем”.

Сергей: “Пойдем. Только выбрось ты эти штаны, в гости с мусором ходить неприлично”.

Кузе жалко выбрасывать штаны, он поднял их и рассматривает.

Сергей: “Выбрасывай, выбрасывай, они вон все помойкой провонялись, погляди какие драные, я тебе потом хорошие дам, чистые”.

Кузя нехотя бросает их в контейнер, согласен идти. Он давно не мылся, руки грязные до черноты, свалывшиеся волосы, нестриженные ногти, испачканная, замусоленная одежда, весь неряшливый, на левом ботинке спереди надорвана подошва; он горбится, голова втянута в плечи, смотрит исподлобья. Идем не по тротуарам, а вдоль домов, потому что так идет Кузя, так он прячется, кроме того он старается укрыться за нашими спинами.

Сергей: “Кузя, ты что, батон этот с собой волочешь? Он совсем счерствел, заплесневел, погляди, какой зеленый – кинь его, у Кристофа дома есть свежий хлеб”.

Кузя: “Когда придем – тогда и выкину...”

Если по пути попадают встречные прохожие, Кузя старается скрыться за нами или за чем-нибудь еще, но иногда он прячется как ребенок, то есть прячет голову, отворачивается за угол, а его самого остается видно.

Дома Кузя первым делом осмотрел квартиру, потом спросил, есть ли водка, потом попросился в туалет. Туалета ведь у меня нет, так что пришлось вести его в эту квартиру на третьем этаже, куда хожу сам. Когда мы вернулись, он доложил Сергею, что там “страшно воняет и невозможно дышать”.

Сергей: “Ну, Кристоф, если уже и Кузе воняет, стало быть загадил ты там квартиру будь здоров! Гы-гы-гы. Представляю, если потом дом назначат жилым – будет кому-нибудь подарочек, гы-гы-гы-гы”.

Я накрыл на стол, просто выложил продукты, какие были в запасе. Кузя тут же принялся уплетать. Начал с селедки, ел ее руками прямо из банки, закусывая хлебом, потом стал грызть колбасу, не отрезая, кусая с палки, и запивает все молоком.

Сергей: “Пусть сначала поест немного, а то его развезет”.

После целой банки селедки Кузя столь же мгновенно и легко съедает полпалки колбасы, вторую половину хлеба, допивает литр молока.

Кузя, чавкая и сопя, еще не дожевав, с набитым ртом: “Наливай”.

Сергей: “Во, видишь, как он это дело хорошо знает, гы-гы-гы-гы”.

Разливаем, выпиваем, Кузя продолжает есть колбасу.

Сергей: “Пусть еще поест. Мы хотели сделать ему документы, через Кирилюка, устроить куда-нибудь на работу, на легкую, продукты бы хоть получал, так он не хочет”.

Кузя, чавкая: “Не буду на работу ходить”.

Сергей: “Вот так”.

Я: “А почему ты не хочешь ходить на работу?”

Кузя: “Я не умею, и у меня голова болит”.

Сергей: “Расскажи Кристофу, как ты перестал работать”.

Кузя: “Я шел с работы домой, и у меня сильно заболела голова. Не захотелось идти домой, и я не пошел, прятался. Потом утром не пошел на работу, а поселился в пустом доме. Голова сильно кружилась и болела”.

Сергей: “Илона убиралась у себя на участке, а он за контейнерами валялся, обнаружила его там, уже ходить не мог и не говорил. Позвала меня, я сначала не подумал, что это урод, гляжу – все ясно, голову человеку крутит по трезвому. Ну и влил в него сразу полбутылки. Полежал, очухался троха, мы затащили его кое-как к нам, Илона накормила, вымыла”.

Я: “А как вы поняли, что он урод раньше был? Может, он из местных, просто с ума сошел”.

Сергей: “А! Я забыл тебе сказать. У уродов на руке, вот тут, на запястье, есть полоски такие. Кузя, покажи”.

Берет руку Кузи, показывает: серый прямоугольник размером где-то три на два сантиметра, состоящий из полосок разной толщины.

Сергей: “Видишь, шесть полосок, разной толщины, татуировка вроде. И роба на нем была заводская, мы в другой ходим, такой в хозяйственном нет, только у заводских, синяя такая. Я потом, как разгляделся, думаю все, конец, сдохнет – уроды ж не пьют”.

Я: “Почему?”

Сергей: “Они-то и сами не хотят, но и им нельзя. Их от десяти грамм крутит, как от сильнейшего яда, тело выворачивает и дикий психоз начинается”.

Я: “На него, значит, так не действует”.

Сергей: “У него от водки такой же эффект, как у нас”.

Кузя: “Когда пьешь водку, голова не болит”.

Я: “Где водку берешь?”

Кузя: “Сергей дает”.

Сергей: “Спонсирую его, бедолагу, чтоб не сдурел”.

Кузя: “Если раз за пять дней не выпьешь – голова ужасно болит”.

Сергей: “Кристоф уже в курсе, что тут алкоголиком надо быть, гы-гы”.

Я: “Как его по-настоящему зовут, по документам?”

Сергей: “Документов с ним не было, а где живет вспомнить не смог, где работал – тоже. Спрашиваем, как зовут, он: Куз..., Куз..., Куз-м-м..., Куз..., Куз... Так Кузей и стал”.

Я: “Кузя, а почему тебя не ищут?”

Кузя: “Кто?”

Я: “С работы, родственники”.

Кузя: “Я не знаю, я не помню, голова сильно болела”.

Сергей: “Оно, понимаешь, кто его искать будет, зачем... Ну потерялся один такой, на рабочее место не пришел, ну и ладно, другим там заменили и все, а полиции, армии же нет, кто заниматься будет, я так думаю, просто не захотели возиться. Дружина охраны правопорядка занимается охраной правопорядка, а не розысками и поисками там всяких. Вычеркнули его где-нибудь из списков и забыли. Если бы он на завод сунулся или в продовольственный, то его бы опознали, определили, направили бы на лечение или что-то такое, а он же прячется, он осторожный очень”.

Я: “А как ты вообще попал сюда?”

Кузя: “Куда? К вам домой?”

Я: “Нет, вообще, в эту страну”.

Кузя: “Я не помню, не знаю”.

Сергей: “Бесполезно, тебе ни один урод не вспомнит”.

Я: “Мало ли, может у него это проявилось в памяти”.

Сергей: “Не, нифига он не вспомнит, мы тоже не раз интересовались, пытались растормошить его”.

Я: “Где ты сейчас живешь?”

Кузя: “В пустых домах”.

Я: “Тебе не страшно одному?”

Кузя: “Нет”.

Сергей: “Гы-гы, а тебе не страшно?”

Я: “А зимой не холодно?”

Кузя: “Зимой я живу в подвалах, там тепло”.

Сергей: “Расскажи про этих заторможенных”.

Кузя: “Я их не люблю совсем, они плохие”.

Я: “Почему?”

Кузя: “Потому что у них такие глаза. Они – уроды!”

Кузя продолжает есть, перешел к печению и пирожным, молоко ему надоело – пьет сок.

Сергей, мне, шепотом: “У него есть кое-какие воспоминания или это фантазии, периодически рассказывает одно и то же, он называет их снами”.

Я: “Интересно... Мне тоже постоянно тут снятся очень реалистичные сны”.

Сергей: “Кузя, расскажи про свои сны”.

Кузя: “Все время снятся, вспоминаю. Я помню белые дома, они из камня, белые и соединены. Радуга, утром. Помню такое, что надо было входить в красную дверь, и люди по очереди входят в красную дверь. Помню звезду с пятью углами, раз, два, три, четыре, пять, на здании, если долго на нее смотреть, то она поворачивается, а когда шум, то ее прячут. Э-э-м. Белые здания были с заборами, их не перелезешь, когда долго ехали, то тоже потом был забор еще больше, до неба, слева направо. Еще помню дождь, снег, когда деревья были желтые и листья падали, а нам нельзя было выходить, только смотреть в окно. Я подружился с большим человеком. Помню, надо было делать одно и то же: берешь, закручиваешь, берешь, закручиваешь, берешь, закручиваешь”.

Сергей, тихо, мне: “На бред похоже. У него, знаешь, по-разному бывает, иногда он как отсталый или как ребенок, а иногда вполне соображает. Или помнит, помнит, что за последнее время было, потом раз – все забыл, как будто память стирается или ему ее не хватает, как будто заполняется вся и лишнее стирается”.

Кузя: “Я забываю. Если давно было, то не могу вспомнить, если голова болела – тоже не могу”.

Сергей: “Он и читать умеет, но не читает, потому что забудет слово – сидит вспоминает, с этим разберется, дальше следующее не понятно”.

Чуть отворачиваемся от Кузи и говорим тише.

Я: “Какие-то проблемы с мозгом...”

Сергей: “Такое ощущение, что у него маленький мозг или недоразвитый, ему, как бы сказать, не хватает мощности”.

Я: “Обучению поддается?”

Сергей: “Как бы да, если объяснишь, то соображает, только может забыть или смешать одно с другим. Бывают моменты, когда очень хорошо и соображает, и запоминает, как нормальный, полностью все, хоть про философию с ним говори, потом хлопок – как дите. Думал, может его хорошенько отпоить надо, с месяц каждый день по бутылке носил ему, заставлял даже – дак не помогло, аж посинел от водки уже, а все так же и осталось”.

Все это время, как мы сели за стол, Кузя что-нибудь жевал, сейчас, кажется, наконец наелся.

Сергей: “Что, наелся?”

Кузя: “Больше не лезет”.

Он сел спиной к стене, оперся и стал о чем-то своем думать.

Я, тихо: “А у него эти моменты, когда он умнее, в определенное время случаются?”

Сергей: “Нет, как получится”.

Я: “Хотелось бы поговорить, когда он будет в хорошей форме, сегодня, по-моему, не очень”.

Сергей: “Сегодня он хотя бы говорит...”

Кузя, обращаясь к нам: “У меня родителей никогда не было, я это помню. Друзей тоже не было, только этот большой человек, но я не помню, как его зовут. Мы жили просто все вместе”.

Я: “Где жили?”

Кузя: “Э-э-э, ну там, наверно, где белый дом. Э-э-э, а может и нет”.

Сергей: “А новые друзья тебе нравятся?”

Кузя: “Да, с вами я дружу, кроме одного”.

Сергей: “Гебельс раз ударил его...”

Кузя: “Кристофа я еще не знаю”.

Дальше Кузя совсем погрузился в свои мысли и отвечал только односложными фразами или да-нет, а через пятнадцать минут и вовсе уснул, сидя, свесив голову.

Сергей: “Собственно говоря, уроды не совсем одинаковые, есть которые немного отличаются от основной массы, в первую очередь интеллектом. Это те, что в дружине охраны правопорядка, я все же считаю, что они – уроды, охрана на заводах – вроде тоже, контролеры в пунктах выдачи, водители умнее (городской транспорт водят уроды),

мелкие служащие, например в пункте Регистрации и трудоустройства. Они такие же уроды, но могут выполнять работу, требующую больших умственных способностей”.

Мы посидели еще полчаса, потом он разбудил Кузю, и они ушли. С собой я дал Кузе упаковку селедки, полхлеба, две говяжки консервы, шоколадку и литр морковного сока (рад был бы дать еще, но больше ничего не осталось).

Договорились с Сергеем, что завтра пойдем в кинотеатр, он обещал еще с самой нашей экскурсии в центр, и вот он наконец-то достал билеты. По сути, это единственное место для досуга, развлечения. В кинотеатр ходят и уроды, и местные. Уроды ходят как-то по очереди, насколько я понял, раз в месяц у них это обязательно, ходят без билетов. Местные берут билеты в кинотеатре, надо заказывать заранее, могут отказать, чаще трех раз в месяц нельзя. Однако в районном кинотеатре у Сергея есть свой человек, он там где-то имеет доступ к отчетности и помогает с билетами, если нужны.

О Кузе сказать что-то определенное пока сложно. На лицо отклонения в психике и развитии мозга, сегодня он походил на ребенка лет пяти – шести, нормального, смышленного, но ребенка.

54.

Сегодня к девятнадцати ноль ноль в кинотеатр. Идем с Сергеем, Илоной, Машей, Костиком, Петром Петровичем, Валентиной, Денисом и Кирилюком. Я заранее зашел к Сергею, с остальными встретимся в кинотеатре.

Сергей: “Сходим посмотрим. Я-то не особенно большой фанат, Илона тоже. Раз в месяц – максимум. Я лучше почитаю... Да и там ведь репертуар ограничен, одно и то же, все там мы уже видели”.

Я: “Что показывают?”

Сергей: “Как и говорил, показывают с пленки. Это то есть там пленка идет, ее просвечивают и проецируют с увеличением на экран. Показывают только киноклассику, причем довольно старую, почти все – середина двадцатого века или около того, в основном, на девяносто процентов, это еще и советская классика, кино Советского Союза. Качество пленок плохое, их уже затаскали, заездили, изображение дрожит, нечеткое, царапины, звук трещит, пленки часто рвутся”.

Я: “Что за последнее время показывали?”

Сергей: “Ой, что там показывали, не помню... Илона, что последний раз смотрели?”

Илона: “Очень хороший фильм, мне он нравится. Э-э-э, Ася Клячина там... В общем, названия не помню, оно длинное, про Асю Клячину, про ее любовь. Она обычная девушка, колхозница, ну и влюбилась в шофера, забеременела от него, а он к ней равнодушен, зато к ней другой сватается, из города, а к нему она равнодушна. Знаешь такой?”

Я: “Нет, кажется не помню. Из советского кинематографа я не очень много смотрел...”

Сергей: “Позапрошлый раз смотрели “Живет такой парень”, снял этот, писатель...”

Илона: “Тоже хороший фильм”.

Сергей: “Шукшин снял, советский писатель. У меня есть сборник его рассказов, Борде они очень нравятся. Так, потом “Я шагаю по Москве” Данелии недавно смотрели, его фильмы периодически крутят, Рязанова крутят, Гайдая, Бондарчука, Ростюцкого,

Михалкова, “Семнадцать мгновений весны” могут по серии в неделю пустить, про войну часто, Шерлока Холмса тоже по сериям, “Белое солнце пустыни” – смешной, из иностранных – Феллини. А могут даже и мультики пустить, тоже советские”.

Илона: “Не так давно еще смотрели...”

Сергей: “Пересматривали...”

Илона: “И мне понравился, “Шумный день” – хороший фильм”.

Сергей: “Сегодня идем на “Время, вперед!”, режиссер Михаил Швейцер, это который “Золотого тельца” снял”.

Илона: “Мы, конечно же, его уже смотрели...”

Сергей: “Пропагандистский такой. Какой фильм будет идти – этого заранее никто не знает, приходишь и смотришь, что показывают, но мой этот знакомый, который билеты организовал, он может узнать, какую пленку готовят к показу”.

Я: “А как уроды смотрят, они понимают что-нибудь, как реагируют?”

Сергей: “Никак. Приходят, садятся, за весь сеанс не пошевеливаются, не оторвутся, вообще без эмоций, где смешно – даже не улыбнутся, потом ровненько встают и уходят”.

Я: “Как обычно то есть”.

Сергей: “Если спросить у них после кино, о чем оно – не скажут, сюжет еще кое-как с пятое на десятое, а по сути – нет. Нафиг ходить тогда, похоже, они тупо сидят, без понимания. Вроде у них там есть обязательство от завода, плановое обязательное мероприятие”.

Идем в кинотеатр. Он находится неподалеку от того здания, храма с крестом, и чем-то смахивает на него, но меньше по размеру и здание старой постройки. Оно прямоугольное, без окон, без украшений, просто бетонное серое здание с небольшой вывеской над входом: “Кинотеатр №17”.

В кинотеатре нас уже ждут остальные. Здравуемся.

Борода: “Вы, ребята, в этот раз фигню спорили: на сухую сюда идти. Знал бы – не пошел”.

Валентина толкает его в бок.

Сергей: “Лучше после. Мы с Илоной приглашаем всех к нам после фильма, посидим”.

Борода: “Это хорошо, тогда может и фильм не нужен?”

Сергей: “Кристоф в кинотеатре у нас первый раз...”

Борода: “Так, может, я тогда не пойду?”

Валюха: “И где ты будешь торчать все это время?”

Борода: “Пока будете смотреть, сообразим на троих”.

Валюха: “С кем это?”

Борода: “Я, Петрович и Борода. Гы-гы-гы-гы”.

Валюха: “Я тебе дам! Сообразит он. Пойдешь смотреть со всеми”.

Костик: “Кристоф, вы видели этот фильм?”

Я: “Я не очень много смотрел советского кино”.

Сергей: “Костик среди нас самый тут большой киноман”.

Костик: “Какой киноман... Фильмов – раз, два и обчелся. Я каждый из них не сосчитать сколько раз уже пересмотрел, наизусть рассказать некоторые могу”.

Я: “А сегодняшний фильм хороший?”

Костик: “Да, хорошо раскрывает эпоху становления Советского Союза, пролетарского движения, коммунистических идеалов”.

Денис: “Пролетарского, коммунистических... Ты в коммунизм не уверовал случайно? Не коммунист ты?”

Костик: “Нет конечно”.

Борода: “Если в коммунизме можно водку пить без меры, то можете меня туда записать. Гы-гы-гы-гы”.

Валюха: “Хи-хи-хи, вот уже где, хи-хи”.

Костик: “Ну а так, в общем и целом, все знают, что такое коммунизм, Советский Союз?”

Маша: “Да, я читала”.

Кирилюк: “Конечно, думаешь такие мы уж тупые, простаки...”

Борода: “Я пошутил, я знаю все отлично. Мои родители даже еще застали Советский Союз”.

Денис: “Тебе что, сто лет? Гы-гы-гы”.

Борода: “Папа тогда совсем маленький был, как он развалился”.

Идем посмотреть фильм. Заходим в зрительный зал, он довольно большой, горит тусклый свет и здесь уже сидят люди, больше половины зала заполнено, то есть их много, но абсолютно тихо. Они сидят и смотрят на экран, хотя он еще темный, еще ничего не показывают. Это уроды, странные люди, ничего не скажешь...

Маша, шепотом: “Ой, как я этих не люблю, страшные какие”.

Борода: “Зря не хряпнули...”

Сергей: “Пятый ряд, вот он, наши места с тринадцатого по двадцать первое”.

Денис: “Я на крайние не сяду, там уроды будут под боком”.

Кирилюк: “А я на тринадцатое не сяду”.

Рассаживаемся, я сажусь на тринадцатое место, по правую руку от меня урод, слева Маша. Урод тарашится в темный экран, на мое появление никак не реагирует.

Костик, шепотом: “Фильм длинный, больше двух часов”.

Борода: “Ох епт твою, я засну!”

Валюха: “Мы же уже смотрели, ты что, не помнишь?”

Борода: “Хер его знает... Я не выдержу, я в туалет захочу”.

Валюха: “Сиди!”.

Гаснет свет. Из динамиков затрещало и на экране появляется дергающаяся, совершенно нерезкая картинка с титрами, но механик быстро поправляет там у себя что-то – резкость становится приемлемой. Смотрим фильм.

Точно не видел этот фильм раньше, поэтому смотрел с интересом и вниманием. Перескажу кратко сюжет. Стройка, строится большой завод. Герои – простые рабочие и руководители невысокого ранга (прорабы). На другой стройке бригада рабочих поставила условный рекорд по замесу цемента (делается это почти вручную) и теперь рабочие на описываемой стройке хотят его побить во что бы то ни стало. Всю стройку охватывает насущная идея превзойти рекорд, разворачивается грандиозное соревнование. Рабочие готовы к соревнованию, их энтузиазму нет предела, но руководители сомневаются, высшее руководство опасается потерь качества за счет количества. Прорабы берут ответственность на себя и соревнование начинается. Тяжелейшим трудом, самоотдачей,

неимоверными усилиями рекорд побит! Также есть неосновные сюжетные линии: о взаимоотношениях людей, о любви, о чести, о доблести, о взаимопомощи, сплоченности коллектива и другие. Основная идея фильма – бескорыстное самопожертвование ради общей идеи. Мне фильм понравился. Несмотря на то, что он длился два с половиной часа, я не почувствовал усталости или хоть малейшей скуки, время пролетело совершенно незаметно. Запомнилась мелодия в начале и конце фильма, кажется, я ее слышал ранее.

После фильма собрались у Сергея, очередное застолье. Хочется обсудить фильм, мне видятся в нем актуальные для Лабрума и вообще вопросы.

Выпиваем, кушаем, разговариваем, выпиваем, закусьваем, спорим.

Я: “Как кому сегодняшней фильм? Я скажу честно: мне он очень понравился. И я не согласен с тобой, Сергей, что ты обозначил его сегодня перед просмотром, как пропагандистский”.

Сергей: “Ну я не знаю, может неправильно выразился. Фильм этот мне тоже нравится, он динамичный, два часа легко пролетают, хорошие актеры”.

Илона: “Мне нравится эта актриса, которая художницу играет”.

Сергей: “Чем-то на тебя похожа”.

Валюха: “Ой, а впрямь похожа, да”.

Маша: “Что-то есть...”

Костик: “Михаил Швейцер снял этот фильм в тысяча девятьсот шестьдесят пятом или шестьдесят шестом, перед тем как снять “Золотого теленка”, снял он его совместно со своей женой Софией Милькиной”.

Денис: “Разбираешься в ихнем кино, я смотрю”.

Костик: “Ну так другого же нет...”

Денис: “Мне нахрен кино не надо, ни это, ни другое, оно только и служит, чтоб народ агитировать и голову запудривать”.

Я: “Нет, Денис, просто здесь в зоне вы видели совсем мало фильмов”.

Костик: “Я считаю, что этот фильм, хоть и очень мотивирующий, но не агитационный, я думаю, он честный, то есть режиссер честно высказался”.

Я: “Абсолютно согласен”.

Денис: “Херня! Бесполезный фильм”.

Борода: “Мне там герои нравятся, я бы с ними за один стол сел. Мося интересный такой, быстрый, шутник. Ну и Маргулис – мужик что надо, человек слова и дела. Даже Загиров этот, и то хороший парень, просто поддался, как говорится, плохой компании”.

Кириллюк: “Я, конечно, понимаю, что это просто кино, но не могу никак понять, ради чего они так все стараются, из кожи лезут. Зачем лично каждому побить этот рекорд?”

Костик: “Они верят в идею, присутствует соревновательный дух, идея братства”.

Кириллюк: “Понятно, но каждому-то что до этого? Понятно руководителям, а рабочим зачем?”

Костик: “Ну сплоченно они, коллективом работают”.

Я: “Двигаются к общей светлой цели. К общему светлому будущему”.

Кириллюк: “Ха-ха! А почему это они так уверены, что оно наступит? В смысле, что будущее будет счастливым”.

Я: “Они к этому стремятся. Все вместе”.

Кириллюк: “Такого не бывает...”

Я: “Бывает или не бывает – это другой вопрос, фильм просто высказывает эту идею”.

Костик: “Живя здесь, в зоне, ты, конечно, не поверишь ни в какое светлое будущее, никогда, как тебя не агитируй. Да и я тоже, откровенно говоря...”

Кириллук: “Зачем такой фильм, который говорит неправду? Ну зачем?”

Я: “Это же искусство...”

Кириллук: “Зачем такое искусство?”

Сергей: “Кириллук, ты слишком рационален, я тебе сто раз говорил: подумай о вечном, гы-гы-гы”.

Борода: “Люди честно работают для своей же пользы”.

Денис: “Так они же себе животы надорвут, калеками потом будут, инвалидами, руководство пользуется ими и все. Я бы в Советском Союзе не жил, уехал бы”.

Сергей: “Хрен бы ты уехал, там режим был, как у нас, за границу не выпускали”.

Денис: “Вот страна! И что вы мне пытаетесь еще доказать?! Те же яйца, тока вид в профиль, та же зона наша. Я бы там застрелился!”

Борода: “Чего тут не застрелишься?”

Денис: “Ружье дай – застрелюсь”.

Борода: “Если надо – достану. Гы-гы-гы, раз такое дело, гы-гы”.

Я: “Не будем говорить о Советском Союзе, будем о людях, они же не знали, как все будет, это же где-то начало строительства Союза”.

Костик: “Ориентировочно, тридцатые годы”.

Кириллук: “Человеку можно чем хочешь голову хорошенько запудрить и он в это поверит”.

Денис: “Точно! Яркий пример – наши уроды. Они же тоже вкалывают, что ошалелые, по сути, они только и вкалывают, вся жизнь их в этом. Они верят в светлое будущее?”

Я: “Тут другое дело. Уроды вряд ли могут мыслить подобными категориями”.

Денис: “Так и герои недалеко от уродов”.

Костик: “Нет!”

Я: “Определенно нет, герои – это обычные рабочие, уроды – мутанты”.

Маша: “Кристоф, вы видели, как они в зале сидели? Я каждый раз этого боюсь”.

Я: “Как статуи”.

Маша: “Ага”.

Борода: “Я, помню, раз пошли мы тоже в кинотеатр, выпивши хорошенько, я сидел рядом с уродом, фильм был неинтересный, дык я от нечего делать сидел и пальцем его тыкал. Толкаю, толкаю – он не реагирует, я уже со всей силы тычу ему в бок, аж палец заболел, а он только: “Тише, тише, нельзя шуметь”. Придурки, гы-гы-гы-гы”.

Кириллук: “Фильм не полностью раскрывает, какое было общество в Советском Союзе. Например, про руководство, главное руководство страны – ни слова”.

Сергей: “Тебе бы только узнать, где и кто руководство, чтоб поближе пристроиться”.

Кириллук: “Ой, не надо вот опять...”

Костик: “Ленин у них был в руководстве, как должность называлась – я не помню”.

Я: “Там была одна партия, социалистическая, она и руководила, а Ленин – руководитель непосредственно партии”.

Денис: “И весь народ верил одному только Ленину этому? Он с короной ходил?!”

Костик: “Он как бы выбран народом во время революции”.

Борода: “Про Ленина я знаю, небось, алкаш был”.

Я: “Почему?”

Борода: “Все они алкаши... Гы-гы-гы-гы”.

Я: “Все-таки то общество, которое описывается в фильме, все эти рабочие, товарищи, как они друг друга называют, пусть они и идеализированы, может быть, но, как по мне, могут служить примером, целью для нынешнего общества. Я бы хотел жить в таком обществе”.

Кириллук: “В смысле строителем быть?”

Я: “В равноправном обществе жить!”

Костик: “Понимаете, большой вопрос, было ли равноправие в Советском Союзе”.

Я: “Ну неважно как было, я имею в виду саму идею”.

Сергей: “А у нас в зоне общество равноправное! Смотри, если не брать в расчет урогов и руководство, то мы все, местные, равны: денег нет, зарплаты нет, продукты берешь какие надо, какие хочешь, одежда одинаковая, машин и подобных ценных материальных накоплений нет, живем в одинаковых квартирах, в сущности, все – обычные рабочие. Во! Вот равноправие, это ж коммунизм. И чего раньше мне эта мысль в голову не приходила...”

Денис: “Мы свое руководство не выбираем, мы его даже не знаем. Один только Кириллук видит своего председателя, да и то не уверен, что одного и того же”.

Я: “В Лабруме, в зоне, надо полагать, равноправие вынужденное. То есть не вы, жители, к нему стремитесь, а вам его навязали, у вас не было другого выбора”.

Костик: “Вопрос, не было ли точно так же в Советском Союзе?”

Я: “Возможно...”

Сергей: “Кристоф, мы вот, помнишь, пару дней назад говорили про гуманизм. В фильме гуманизм?”

Я: “Абсолютно! Каждый из них ценен, личность, а вместе они стремятся принести большее благо всему человечеству”.

Илона: “И дело каждого там важно. Даже художница важна”.

Маша: “А у художницы и этого начальника взаимная любовь?”

Илона: “Получается, что да”.

Маша: “Семья будет, дети... Хорошо!”

Борода: “Сидим сегодня, триндим без домино. Пустое!”

Сергей: “Петр Петрович, надоело твое домино просто-таки смертельно”.

Борода: “А фильмы тебе эти не надоело по кругу смотреть?”

Сергей: “Надоело тоже. Я бы не пошел, просто Кристофу хотел показать кинотеатр”.

Денис: “Единственное, что наше руководство нам подкинуло для отдохнуть. Скоты!”

Маша: “А в фильме, кстати, цирк был, где животные, клоуны, акробаты”.

Денис: “Ага, им – цирк, нам – кино. Говорю я: одно и то же, что у них, что у нас тут. Зона!”

Костик: “Если представить, что нашего руководства не стало, то смогли бы мы, так же как в фильме, организовать, чтобы построить достойную, сильную новую страну?”

Борода: “Никогда!”

Сергей: “Нет. Жить-то мы, может, и жили бы, как сейчас, вместе, но откуда продукты брать, электричество, кто снабжать будет...”

Денис: “Поэтому и сидим тут в клетке – лентяи все”.

Борода: “Ой, заткнись ты, знаешь ты, начинаешь. Ты сам-то, сам чего молчишь, как трезвый? Потому что все устраивает. А как выпьет, дык свободу ему подавай. Лентяи... Ты хоть день на КНС-ке моей посиди, понюхай говна этого”.

Денис: “Ну, знаешь, я тоже не отдыхаю, наколотишься в этом бульдозере...”

Борода: “Тогда чего выступаешь?!”

Костик: “Не ругайтесь. Скажу за себя: я фильму верю и хотел бы тоже вот так с этими ребятами на стройке поработать для общего блага”.

Денис: “Ты бы на стройке сдох”.

Борода: “Денис, заткнись! Надоел уже, счас домой выгоню”.

Илона: “И я бы пошла на такую строку”.

Маша: “Я бы тоже, только ненадолго, не навсегда”.

Сергей: “Я за Илонкой, куда ж я без нее”.

Борода: “Если по вечерам там можно пропустить стаканчик-другой, то записывайте и нас с Валюхой. Гы-гы-гы-гы”.

Кириллук: “Я б только если прорабом. Гы-гы-гы”.

Я: “Обычным рабочим – с радостью, хотя им и журналисты тоже нужны, гы-гы”.

Денис надулся и молчит.

Борода: “Чего молчишь придурок?”

Сергей: “Не трогай его Петр Петрович – он воздержался. Гы-гы-гы-гы”.

Все смеются, Денис тоже улыбается.

Борода: “Выпьем за дружбу и равноправие!”

Сыграли еще несколько раз в карты и разошлись. Хороший фильм...

55.

Сергей так и не дал мне до сих пор ключ от своего хранилища, от библиотеки. Сегодня за день я прочел то, что у меня было, и пришлось вечером идти к нему домой, потому что хочется новых книг.

В Лабруме я чувствую какое-то влияние на мою умственную и психологическую активность, точнее влияние уже произошло. Раньше я не имел такой тяги к новым знаниям, к получению информации, то есть, как у любого современного образованного человека, она, разумеется, присутствовала, но не в такой гипертрофированной степени. Сначала я не придавал этому значения, так как подобного поведения мозга стоит ожидать в процессе журналистского расследования, сбора информации, кроме того, к этому располагают и сложившиеся жизненные обстоятельства (живу один, много свободного времени, голова не забита насущными, бытовыми вопросами, работой), но все же эта тяга имеет другую форму, это нечто ближе к зависимости. Также заметил некоторое улучшение памяти, что в моем возрасте само по себе за такой короткий промежуток времени произойти не могло, стал быстрее читать, понимать, а логические связи, выводы не требуют длительного размышления – все происходит на ходу. Если бы раньше мне надо было написать статью, критический материал хотя бы на одну из тех философских книг, что я прочел за последнее время, то осмысление, понимание заняло бы не меньше месяца, сейчас же, дочитав до последней страницы, мне все ясно сразу, дополнительно думать и анализировать не надо, или, скорее, не хочется, нужна уже следующая книга.

Например, когда я был у Сергея на КНС и просматривал там книгу Жиль Делеза “Эмпиризм и субъективность”, то мне она показалась невероятно сложной и непонятной, тем не менее когда в спокойной обстановке стал читать дома с самого начала, то легко проглотил ее и у меня не возникло вопросов, только захотелось прочесть следующие работы автора. При всем при том я сомневаюсь, что становлюсь умнее, что прочитанное полностью усваивается, что если я прочту сто, двести, триста философских книг из библиотеки Сергея, то стану профессором. Мозг, разум требует постоянного пополнения информацией, но сам от этого не получает явного развития, существенного прогресса. Стоит отметить, что нечто подобное можно заметить и у других жителей Лабрума, например, у Сергея, у Константина.

Понимаю, что звучит это несколько нелепо, фантастично и не исключаю, что я могу преувеличивать, утрировать, что все это – излишняя мнительность, и просто стал по-другому воспринимать окружающее, из-за резко изменившейся обстановки.

По-прежнему не выбрасываю из головы теорию о разумности тумана, хотя бы просто ради интереса. Мои наблюдения вполне органично можно в нее вписать. Если туман имеет связь с нашим мозгом, то через него он может получать информацию, а мы выступаем посредниками. Безумно фантастическая теория...

Сергей согласился дать мне дубликат ключа от библиотеки, но настоятельно рекомендовал всегда носить с собой и ни в коем случае никому больше его не передавать. Выходя от Сергея, встретил у подъезда Андрея. Он предложил мне вместе с ним и его женой поехать завтра в детский лагерь, если это мне интересно. Конечно интересно, я, естественно, согласился.

56.

К Андрею я пришел очень рано, в шесть утра, в семь – автобус в центр. Андрей представил мне свою жену, Аню, точнее он ее представил как Аннушку. Она стройная, красивая, с очень гармоничными чертами лица, голубыми глазами и веснушками на щеках, русые волосы собраны в длинную косу почти до пояса, у нее тонкий голос и она стесняется меня, прячет взгляд. Аннушка покормит младшую, Веронику (ей десять месяцев), потом ее доверят на сегодня Илоне – и мы поедem.

Квартира Андрея отличается особым интерьером, здесь, по всей видимости, большинство вещей сделано вручную, самостоятельно. Шкафчики, тумбочки, столы, стулья – все ручной работы, из дерева и сделано очень аккуратно. Кровать Вероники, тоже сделана вручную, на ней вырезаны различные узоры, животные, птицы.

Андрей: “Это я вот все сам делал. И заняться есть чем, и красиво, свое. Я вот книги, так, как Сергей, постоянно читать не люблю, надоедает, больше люблю, чтоб мне их рассказывали, бывает, с Сергеем целый день сидим, он мне рассказывает или вслух читает, а вот руками сделать что – тянет аж не могу, так и чешутся они. Все ж сам придумываю, конструирую, бывает, ночью проснусь – в голове мысль, как чертеж, утром уже пилю, строгаю. Жаль железа тут сложно достать, почти все делаю из дерева и из мусорного пластика еще”.

Аня: “Андрей даже велосипед из дерева сделал, он сам едет”.

Андрей: “Ну не совсем сам. Там, в общем, маятник такой придумал, что если оттолкнуться хорошенько, то будешь долго ехать по прямой или если с горы набрать

скорость – потом долго катишься по инерции. Он трехколесный, да и не велосипед, а скорее повозка. Мне Сергей давал книги по физике, я там заинтересовался. Основа – инерционный маятник собственной разработки. Хочется, понимаешь, всему этому детей учить, вот показать, рассказать. Знаешь, сели бы так кружком, мастерили, придумывали. Так их в лагерь сдавай, забирают, а в восемнадцать им мои маятники уже не интересны будут, уже взрослая жизнь, другие интересы и заботы”.

Я: “На время домой детей вообще никогда не пускают?”

Андрей: “Нет”.

Аня: “Говорят, что нельзя, что для их же пользы”.

Андрей: “Оно может и так, сам же видишь, этот туман, это все влияние. Мы-то пьянствуем попросту, а детей же с пеленок поить не будешь... Скажи мне, могли ли представить все эти ученые, а также предсказатели, что будет такая нация, у которых пьянство как необходимость?”

Я: “И сейчас не каждый поверит в это”.

Андрей: “Я думаю, есть и другой способ справиться с этим влиянием, детям же что-то там делают. Это просто один какой-нибудь умелец, типа нашего Бороды, опытным путем попробовал и получилось – решил надо пить, раз так. И пошло в моду. Пьют же все до единого, и женщины, все”.

Аня: “И на здоровье влияет...”

Андрей: “Конечно влияет!”

Аня: “И на детей...”

Андрей: “И на детей тоже. Вымрем мы”.

Я: “Одно могу сказать, что здесь на меня алкоголь действует меньше и гораздо менее пагубно. У меня не самое крепкое здоровье и раньше я никогда не смог бы столько пить, тем более продолжительное время”.

Андрей: “Это просто привычка, это быстро...”

Я: “Может и так. А что детям делают?”

Андрей: “Процедуры какие-то и облучают вроде”.

Аня: “Такие вот условия жизни”.

Андрей: “Да мне-то что, я-то что – плевать уже на меня, с детьми что будет...”

Аня: “За детей мы ужасно волнуемся”.

Андрей: “Мне на это все, что так сейчас, такая жизнь, если честно – наплевать, за детей волнуюсь, только за них”.

Собрались, спустились к Илоне. Аня, вручая ей Веронику, долго объясняла и повторяла по нескольку раз, что и как делать, когда покормить, когда ей надо спать... В итоге до остановки пришлось пробежаться – опаздывали.

До центра ехали вместе с уродами, которые на работу, в центре теперь час ждать следующего маршрута в лагерь, он ходит только сегодня, в день посещения, в субботу. Лагерь находится в противоположной от нашего района части города, в районе номер два (ранее это было “Уручье”).

Андрей: “В зоне детей не так и много, не все пары имеют детей. Это сейчас уже больше решаются заводить, а раньше, как еще не знали, то боялись, мало ли генетический урод получится, мутант. Так-то повально инвалидов не рождается, есть, но, наверное, в

процентах не больше чем до катастрофы было. Большинство рожденных инвалидов – дауны”.

Я: “У нас, в Германии, да и в других странах есть такая же проблема: из года в год количество детей с синдромом Дауна увеличивается. Это связывают с экологией в официальной точке зрения, есть и неофициальное мнение, что это из-за сильного вмешательства медицины в генетику”.

Андрей: “У нас с экологией ситуация хуже некуда, однако, как и говорю, в процентах инвалидности от рождения не очень много, поэтому как оно и что – не могу тебе сказать. И больных у нас увозят из зоны”.

Я: “Куда?”

Андрей: “На восток, наверно”.

Я: “А родители их как?”

Аня: “А что сделаешь, если так случилось...”

Андрей: “Детей здесь в самом деле относительно немного. Это мы с Аннушкой рекордсмены такие, а так, если на одного решились – и то хорошо. Немало людей вовсе по одному живут, даже без пары. Илона с Сергеем – вряд ли уже детей рожать будут”.

Аня: “Илоночка любит детей”.

Андрей: “Любить-то любит, а чего своего до сих пор не завели?”

Аня: “Ну...”

Андрей: “Ну и ну... Если рожать перестанут, так со временем одни уроды в зоне и останутся, выйдешь на улицу – поздороваться не с кем будет. Ау!”

Аня: “Все детей любят и понимают про то, что ты говоришь”.

Андрей: “Но не рожают”.

Аня: “Не рожают...”

Я: “Как люди отнеслись к тому, что детей переместили в лагерь?”

Андрей: “Лагерь организовали практически сразу. Сначала он был типа оздоровительный, дети были дома, а жили там всего неделю раз в три месяца. Закрытым интернатом лагерь стал позже, когда опустился плотный туман. Люди, понятное дело, протестовали, не отдавали детей, возмущались, дошло даже до какого-никакого бунта: заблокировали лагерь и протестовали несколько дней. Тогда уже появились уроды и пошли слухи, что и из детей в лагере тоже таких сделают. Но все же вопрос уладили, при этом общественность выдвинула условия, чтобы детей воспитывали только местные, чтобы в лагере не было ни одного уроды. Так что в лагере персонал из местных, учителя тоже, образование дети получают, я бы сказал, неплохое, классическое, по старым еще учебникам и программам”.

Аня: “И хорошо, мы же выучились по ним”.

Андрей: “Им, правда, этой программы уже мало, уровень у них не тот”.

Я: “В смысле?”

Андрей: “Понимаешь, дети здесь необычные, они все умственно очень развиты, очень быстро развиваются. По сравнению с нами сильно отличаются. Вот мы учились: разные были, кто больше соображал, кто не очень учился, не давалось, кто-то больше в математике, кто-то в гуманитарных предметах – а теперь они поголовно отличники, учеба им всем дается легко. Бывает такое, что не учитель им на уроке объясняет, а они ему, бывает в пятом классе еще, а уже учителю в эрудиции может фору дать”.

Я: “И прямо все так?”

Аня: “Все”.

Андрей: “В школе они всем обеспечены, есть какая-никакая библиотека, единственная библиотека в зоне, доступ туда открыт любому ребенку, вот у них в свободное время любимое занятие – в библиотеку. Им учиться легко, схватывают на лету, всю школу, что мы за одиннадцать лет проходили, с ними можно пройти и за пять”.

Я: “Ведь это отлично!”

Андрей: “Да, вундеркинды, раньше так называли, только тогда таких единицы были, а сейчас – все”.

Аня: “Может быть, по вашим меркам наши дети и не вундеркинды нисколечко, обычные, все-таки они не имеют доступа к новейшим знаниям, наукам, много чего не знают, что ваши учат”.

Я: “Я бы не сказал, что за последние десятилетия интеллектуальный уровень детей у нас и в мире как-то сильно изменился – нет. А по поводу нового, то гораздо важнее получить хорошую основу”.

Андрей: “Наши соображают как! Им дай материал, книги необходимые дай – вмиг догонят и обгонят”.

Я: “После лагеря они куда, на обычную работу идут?”

Андрей: “После лагеря, если родители подадут официальное заявление, прошение, то ребенка увезут из зоны, в Россию, очевидно, на восток увозят, но общаться с ним тогда не сможешь, потеряешь связь навсегда. Что там, какая жизнь у них будет – мы же не знаем, поэтому редко, кто подает прошение. Выходят на работу, начинают, как и мы, пьянствовать, обычная жизнь, рутина, книг нету, стремление пропадает, весь интеллект коту под хвост, надобности в нем нет”.

Я: “Но книги же есть”.

Андрей: “Только у таких фанатов, как Сергей, искать надо. Они потом привыкают и на почве всеобщего алкоголизма успокаиваются”.

Я: “Так может лучше увозить из зоны?”

Андрей: “А что там? Если б я знал, если б я был уверен...”

Аня: “Мы с Андреем, признаться, думаем об этом”.

Андрей: “Нет, я уже не думаю. Пусть лучше тут будут, уж как есть, так есть, тут хоть знаешь, что их ждет”.

Район номер два нежилой, все дома здесь пустующие. Детский лагерь довольно большой, по периметру огорожен трехметровым забором, он ярко окрашен и разрисован разными картинками детской тематики.

Андрей: “Это мы сами все красили-рисовали. Потому что было похоже на тюрьму, а так хоть красиво”.

В лагерь пускают по паспорту, меня пропускают, как друга семьи.

Большая территория. Первое, на что обращаешь внимание, здесь есть растительность: трава, цветы, клумбы, деревья, кустарники – это придает лагерю живой вид. Территория делится на сектора, в одной части – трехэтажные длинные жилые корпуса, в другой – одноэтажные здания, это школы и детские сады (школ несколько, по возрасту), в третьей – хозяйственная часть, дальше есть большая зеленая зона (парк), игровая площадка, стадион. Так как площадь всей территории немалая, то для передвижения здесь есть даже

свой транспорт – небольшие автобусы. По словам Андрея, не все жилые корпуса заселены, сделано с запасом. Мы идем к жилому корпусу номер семь, все четверо детей Андрея и Ани живут в одном здании (но в разных комнатах, так же – по возрасту). Сегодня здесь много других родителей и заметно явное оживление: взволнованные родители и галдящие дети. Вообще, мне очень приятно тут находится, живой оазис с веселым писком и гамом, разительное отличие с остальной зоной. По первому впечатлению дети самые обычные: бегают, веселятся, смеются. У всех одинаковая форма делового стиля: брюки, рубашка, пиджак – у мальчиков, юбка до колен, блузка, пиджак – у девочек, рубашки и блузки белые, остальное – темно синее. Самые обычные дети, ничего сверхъестественного, после рассказов Андрея, я почему-то готовился увидеть что-то нетривиальное. Стены зданий, как и забор, раскрашены яркими цветами, картинками, узорами, по дороге встречаются скульптуры детской и научной тематики. Здесь внутри все очень сильно разнится с тем, что за забором, не представляю, как дети переживают переход во взрослую жизнь и переселяются в зону...

Андрей: “Видишь, какая тут идиллия, им тут хорошо. Лучше пусть тут, не понимаю я некоторых, кто детей скрывает”.

Я: “Есть такие?”

Андрей: “Есть, мало, но некоторые скрывают, чтоб в лагерь не забрали, прячут по пустующим домам”.

Я: “Да, здесь, конечно, все отличается от зоны”.

Андрей: “Мы всего добились! Я ж тебе говорю: аж до бунта дошло”.

Подходим к седьмому корпусу, у Ани появляются на глазах слезы и она шмыгает носом.

Андрей: “Ох, мы сейчас реветь начнем, слезы лить, ты не обращай внимания”.

Дети ждали все вчетвером у входа, очень обрадовались, когда увидели родителей и побежали навстречу обниматься. Шмыгать носом стал даже я...

У Андрея и Ани здесь три мальчика (пять, семь, двенадцать лет) и девочка (девять лет). Обнимаются и радуются.

Андрей: “Дети, познакомьтесь, это дядя Кристоф, наш с мамой друг”.

Дети, хором: “Здравствуйте дядя Кристоф!”

Андрей: “Это Вася, он самый младший, это Витя, это Миша, он старший, а это Тонечка”.

Мальчики как один похожи на Андрея, Тоня – на Аню.

Витя: “Дядя Кристоф, а вы кем работаете?”

Андрей: “Готовься сразу – будет много вопросов, гы-гы. Дядя Кристоф работает дворником”.

Вася: “А кто главнее дворник или сантехник?”

Андрей: “Ну ты же знаешь, что все важно”.

Миша: “Папа, папа, нам вчера по физике объясняли, что скорость света – величина постоянная, а мы всем классом не верим”.

Андрей: “Почему?”

Миша: “Потому что все давно уже читали про это, давно знают, про строение вещества, ну про элементарные частицы, про рождение Вселенной, знаешь. И скорость

света уже давно подвергли сомнению, что она постоянна. А учитель говорит, что пока надо принимать ее постоянной величиной, чтобы изучать физику”.

Андрей: “Слыхал, Кристоф, какие у нас дети... Что скажешь по поводу скорости света?”

Я: “Ну, Миша вообще-то прав.

Миша с надеждой посмотрел на меня, потом на Андрея.

Андрей: “Слушай учителя, сначала выучи то, что он говорит”.

Миша опустил голову и насунился, Аня гладит его по голове, смотрит на него с умилением.

Тоня: “А мы, папочка, изучали птиц. А почему здесь птиц нет? А там есть?”

Андрей: “Тоже нет”.

Тоня: “А почему?”

Андрей, мне: “Вот как мне отвечать каждый раз на такие допросы, я и ответить толком не могу”.

Андрей, глядя Тоню по спине: “Точно не знаю Тонечка, вам учитель потом объяснит. По-моему какие-то маленькие птички бывают там”.

Витя: “Мама, мама, не плачь, сейчас будем веселиться. Папа, как дела на работе?”

Андрей: “Хорошо, Витенька, все нормально”.

Мы сидим на лавочке у входа в корпус, дети задают Андрею с Аней разные другие вопросы. Я чуть в стороне, с краю лавки, ко мне подошел Миша и все еще с опущенной головой пробубнил: “Так вы думаете, что скорость света может быть непостоянной, непредельной?”

Я: “В целом скорость света в вакууме считают фундаментальной постоянной величиной, но в других средах она будет меньше, а при определенных условиях возникают скорости больше ее значения, например, при рождении нашей Вселенной”.

Миша: “Я понимаю, я знаю, просто зачем тогда учитель говорит, что надо считать только постоянной?”

Я: “Ну, наверное, сейчас вы изучаете те физические процессы, где надо считать такой”.

Миша: “Все равно это неправильно. Так потом можно много чего не понять...”

Я: “Пожалуй, ты и прав”.

Миша: “Мне в школе уже скучно”.

Если ему скучно здесь, то как же он свыкнется с той однообразной жизнью среднестатистического жителя Лабрума... Пока Андрей с Аней любят детей, обнимают их, целуют, гладят, те безостановочно сыплют вопросами: как, что, почему, зачем, как ты думаешь, вопрос за вопросом, наперебой. И вся эта пылливость, все это стремление, жажда знаний будут затоптаны, заглушены в восемнадцать лет.

Дневников с оценками у детей в школе нет, есть дневник по поведению и обязательный дневник мыслей. Андрей нашел у Вити запись о неудовлетворительном поведении во вторник: “Поджег информационный стенд”.

Андрей: “Витя, и что это значит?!”

Витя: “Ну папа, это просто был спор. Я спорил с Колей, что стенды противопожарной безопасности должны быть обязательно несгораемыми, а он говорил, что они обычные, картонные. Если стенды показывают, как вести себя при пожаре, то во время пожара

людям же надо будет узнать, что делать, а если они сгорят, то какой с них смысл, какой толк...”

Андрей: “Так”.

Витя: “Коля где-то раздобыл спички, и мы вечером после уроков решили это проверить”.

Андрей: “Так”.

Витя: “Коля поджег, но очень слабо, краешек. Я сказал, что они долго гореть не будут, потухнут, поэтому мы ждали. Но они сгорели...”

Андрей: “Понятно. Хулиганство!”

Я: “Гы-гы-гы, вполне себе обыкновенные дети, гы-гы”.

Аня: “Витенька, это же опасно, представь, если бы получился пожар”.

Витя: “Ничего бы не получился. Во-первых, там кроме стендов, больше нечему гореть, а во-вторых, у нас есть противопожарная система тушения, если бы сильно загорелось – мы бы нажали кнопку и все затопило бы водой”.

Андрей: “Ты с мамой не спорь, она права. Я тебя по-хорошему прошу, не надо больше таких экспериментов!”

Аня: “Представь, как ты подвел Ренату Станиславовну, как она за тебя получила”.

Все дети разделены на группы по десять человек (в группе дети одного возраста), за каждой группой закреплен ответственный-воспитатель, в лагере для них он и отец, и мать. Рената Станиславовна – воспитатель в группе Вити. Воспитатели живут вместе с детьми в лагере, лишь в день посещений они могут выйти в город.

Мы разговаривали часа полтора, потом прогуливались, затем пошли в столовую и пили чай с печеньем и вкуснейшим сливовым повидлом. После этого, немного отдохнув, играли на стадионе в футбол, дети переоделись в одинаковую голубую спортивную форму, а мы так – в чем приехали, собралась команда детей и команда взрослых, меня поставили на ворота. Проиграв в футбол, команда взрослых попросила реванш в шахматы, моим соперником был мальчик лет десяти, представился Маратом, я подчистую сдул ему все три партии.

Потом детей нашего корпуса повели на “медицинские процедуры”.

Андрей: “Это вот что я тебе говорил. Каждый день у них в одно и то же время процедуры. Там сначала общий осмотр, дальше всякие оздоровительные ванны, души, солярии, ингаляции, прогревания и так далее, после таблетки дают (вроде витамины), а потом час спят (спать не обязательно, некоторые просто лежат). Лежат и, как говорит Миша, воздух пахнет электричеством. Облучают, судя по всему, или что-то подобное делают. Что именно – мы не знаем, воспитатели тоже, но это необходимо. Если не делать, то будет аналогично как и у нас, сам знаешь уже”.

Я: “А может, это эксперименты, опыты? Может быть, от этого у них так мозг работает?”

Андрей: “Возможно, только без этого никак...”

Аня: “Ох, отдаем детей сами не знаем на что...”

Пока дети “лечатся”, мы отдыхаем в парке, сидим под деревом прямо на траве. Все ж таки хорошо, что детей не заковали в бетон, как весь город, они хотя бы могут посидеть вот так на зеленой траве. Тоня оставила мне свой дневник мыслей, предложила прочесть вчерашнюю запись. Читаю вслух Андрею и Ане.

Я, читаю: “О птицах. Вчера на биологии мы опять изучали птиц. В этот раз мы изучали строение птиц. По теме урока я все поняла, поэтому вопросов не задавала. Но совсем не понятно, почему птиц нет в лагере. Так как это вопрос не по теме, то я задала его учителю после урока. Он ответил, что здесь они не могут жить. Воспитатель ответила то же самое, и добавила, что птиц скорее всего нет и в нашей стране, правда она была не уверена”.

Андрей: “Понял! Им надо уверенно отвечать, гы-гы”.

Я, продолжаю читать: “Даже если птицы есть в стране, то в лагере их быть не может, потому что они к нам не залетят, папа говорил, что в городе нет деревьев, им негде там сесть и спрятаться, к тому же здесь нет насекомых”.

Аня: “Про что детям думать надо... В девять лет”.

Я, продолжаю читать: “Больше непонятно почему птиц может совсем не быть в нашей стране. Наземные животные не могут прийти из других стран, понятно почему их нет, но ведь птицы могут перелететь стену, а их здесь нет”.

Андрей: “Мы про зону не врем, говорим как есть. Нет животных – так и говорим, что их нет, что стена, что нельзя, не пускают их”.

Я, продолжаю читать: “Я думаю, что птицам, как и животным, здесь жить нельзя, а те, которые прилетают, не могут выжить. На птиц влияет наш рыжий туман. Некоторые говорят, что мы умные из-за тумана”.

Андрей: “О, видишь, все им уже известно, лучше нас про все знают”.

До сих пор мне не приходила в голову такая мысль, что туман может влиять на интеллект детей, хотя в последнее время я первым делом пытаюсь все вписать в теорию разумного тумана. Раз уж сами дети в это верят, то, может, так и есть?

Я, продолжаю читать: “Наверно, туман способен влиять и на мозг птиц, потому что принцип нашего и их мозга одинаков (но они имеют разное строение). У всех животных основную роль для того, чтобы думать, для инстинктов и рефлексов выполняют большие полушария мозга. У человека большие полушария занимают основную часть, у птиц тоже, но в меньшей степени. У птиц для полета гораздо сильнее развит мозжечок, он большой, а для зрения – средний мозг, от тоже большой”.

Аня: “В девять лет, это в девять лет они уже такое знают, я сама такого не помню”.

Я, продолжаю читать: “Если туман заставляет птиц больше думать, как и нас, то они становятся умнее, значит, у них становятся больше и большие полушария мозга, а мозжечок и средний мозг становятся меньше, потому что все не влезет. Птицы становятся хуже летать и плохо видеть, от этого постепенно погибают. В этом причина, почему они не могут здесь жить”.

Андрей: “Вот такие дети... Что я могу им объяснить, это они мне могут объяснить”.

Что и говорить, логически у Тони все неплохо сложилось.

Когда дети вернулись, мы пошли в зал для концертов и выступлений, послушали стихи и песни. Одно стихотворение я записал, его рассказывал мальчик еще дошкольного возраста:

“Вячеслав Астеров “За краем земных перевалов”.

За краем земных перевалов,
Вдоль млечной широкой реки,
У дальних вселенских причалов

Над бездной горят маяки.
Нам светят с тобою призывно
Огни тех далеких миров.
И чьи-то глаза неотрывно
Пронзают межзвездный покров.
Кому-то, быть может, не спится,
За Солнцем следит чей-то взгляд.
И к жёлтой звезде, словно птицы,
Вибрации мыслей летят...”

После концерта – опять разные игры. Миша три раза подряд выиграл у меня в шахматы, правда, в третий раз я все же ему поддался, просто ему очень хотелось непременно обыграть меня всухую, как бы то ни было, в шахматы я больше ни с кем из детей играть не стал – бессмысленно, даже немного стыдно. Мы решили с ним просто поговорить, больше часа вместе рассуждали о физике, космосе, открытиях (у Миши большой интерес к этой области), но рассуждали не на равных, я быстро осознал, что не ровня ему.

Пробыли в лагере до вечера, мне было приятно там находиться, общение с детьми доставляло огромное удовольствие, они сочетают в себе непосредственность, искренность и открытость обычных детей с потрясающими интеллектуальными способностями, уезжать не хотелось.

Не знаю, что может служить такому быстрому интеллектуальному развитию, дети определенно в этом плане отличаются. И на этот раз я не преувеличиваю, общаясь с ними, ты явно это ощущаешь, и это не только и не столько их эрудиция заставила сделать меня такой вывод. Что нужно для того, чтобы дети полноценно и быстро развивались? Хорошая экология, генетика, умственное развитие родителей, определенная интеллектуальная среда развития – всего этого у них нет. Да, в некотором роде среда присутствует, они могут попросту влиять друг на друга, но нужен скорее пример взрослых, чем сверстников, дело не в этом. Разум, интеллект присутствует у них или сразу, сам по себе, или какие-то процессы являются катализатором развития, однако что это может быть за процесс, какой природы и свойств – пока мне понять не представляется возможным. Кроме как вновь все вписать в теорию разумного тумана...

57.

[...]

[...]

59.

Все больше и больше привыкаю к Лабруму. Туман не замечаю, к серости и бетону привык, уроды почти не пугают, пьянствовать легко вошло в необходимую привычку, ничего не делать, кроме чтения, размышлений и писанины в дневник – так это мне даже нравится. Можно сказать, что определенные плюсы в такой жизни есть. У Сергея большая библиотека, чтения хватит надолго, от философии сейчас перешел еще и к физике, космологии – результат общения с Мишей.

Много думаю, обо всем, в большести, естественно, о Лабруме, но не только. Иногда так задумаешься, что часы пролетают как минуты, и поесть забываешь. При этом не всегда могу определить, надо ли записывать ту или иную мысль в дневник, важна она, актуальна ли или она интересна исключительно мне, в этот момент времени. Все подряд записывать нет смысла, больше того, в этом случае дневник может превратиться в непомерное отвлеченное собрание сочинений, а важны скорее факты, чем мои домыслы и рассуждения. Сергей еще подкинул мне листов писчей бумаги, дневник все объемнее. Но повторюсь: сложно определить что важнее – обычно определяю или интуитивно, или просто выборочно, наугад.

Сегодня к пяти часам собираемся у Петра Петровича Бороды, сегодня у него день рождения. Они с Валентиной приглашают всех на “торжественное празднование столь знаменательного события” (так мне Сергей дословно передал приглашение). Должны все собраться. Спросил у Сергея, что можно подарить – он ответил, что ничего не надо и пояснил, что этой традиции уже не придерживаются, так как дарить что-то из хозяйственного и тем более продовольственного отдела глупо, а с мусорки – еще глупее, “ну можешь открытку какую подарить, своими руками сделай, нарисуй”, рисую я плохо с детства – пойду так.

Читал вчера философа двадцатого века – Жана Бодрийяра. Мне нравится такое его понятие, которое он вводит и описывает, как гиперреальность. Оно неплохо описывает положение вещей в

[...]

Валентина суетится и постоянно бегают на кухню, у нее там может подгореть “мясо по-французски”. Петрович бубнит на нее, что гости пришли, а стол не готов.

Борода: “Выпить люди уже хотят, а ты все носишься. Садимся без мяса!”

Валюха: “Нет, пять минуток еще, пять минуток”.

Я пока рассматриваю квартиру. Она четырехкомнатная, но они живут вдвоем и занимают только одну, в остальных раньше жили дети, у них трое взрослых детей (два сына и дочь, им уже за тридцать, свои семьи). Здесь много всего, слегка даже захламлено, хотя беспорядка нет, просто излишне много мебели и вещей. Шкафы, тумбочки, шкафчики, полочки, столики, статуэтки, вазы, горшки, коврики, мягкие игрушки, светильники, лампы, стулья, кресла, диваны. И все это старое, явно сделанное задолго до катастрофы. На стенах множество различных картинок, плакатов, фотографий, вырезок из глянцевого журналов, газет. Присутствует какой-то старческий запах, точнее запах старых вещей, как пахнет в заброшенном загородном доме. Скорее всего, они постоянно таскают все это со свалки, ведь Валентина там работает, места в квартире уже не хватает, поэтому в общем коридоре стоит еще куча всякой мебели и другого хлама.

Петр Петрович живет через два дома от Сергея, да и вообще все его друзья живут поблизости. Очень радуется, что сегодня опять все собрались, я рад всех видеть, даже Кузю нашли.

Борода: “Сегодня день друзей, завтра второй день праздника – дети придут с женами-мужьями. Но кто хочет, может и завтра тоже приходите, кому мало будет, гы-гы. Все, Валюха, тащи свое французское мясо как есть, хоть сырое, хоть какое, нет мочи ждать. Я жрать хочу! И люди тоже”.

Валюха, с большим подносом: “Готово уже, вот”.

Борода: “О! Садимся, садимся друзья. Все к столу!”

Рассаживаемся. Петр Петрович и Валентина во главе стола, меня посадили рядом с Машей (настояла Илона). Разливаем по рюмкам, очень красивые хрустальные рюмки на ножках.

Валюха: “Ну, наверное, первый тост надо говорить мне. Петя! Поздравляю тебя с днем рождения”.

Борода, перебивая: “С этой знаменательной датой и прочее...”

Валюха: “Сегодня, как и обычно, собралось столько людей, твоих друзей”.

Борода, перебивая: “Они все тебя уважают и прочее...”

Валюха: “Ну что тебе пожелать...”

Борода: “Здоровья и прочее...”

Валюха: “Конечно здоровья, еще долгих лет жизни”.

Борода: “И крепкую печень”.

Валюха: “Хи-хи-хи, балбес”.

Борода: “Ладно, давайте, я, Валюха, и так знаю, как сильно ты меня любишь, гы-гы. За балбеса!”

Валюха: “Хи-хи, ну давайте!”

Чокаемся, хрустальные рюмки звенят, выпиваем, кушаем.

Сергей: “И сколько ж тебе, дорогой ты наш Петр Петрович, стукнуло-то, а?”

Борода: “Такие вопросы мужчине задавать не следует, гы-гы”.

Валюха: “Женщине... Хи-хи-хи”.

Борода: “Валюха меня младше на четыре года, вот у нее узнай и сосчитай, гы-гы-гы”.

Валюха: “Ой, дурень, хи-хи-хи”.

Кириллук: “Ну а все-таки?”

Денис: “Сознавайся, старпер, гы-гы-гы. Сотню разменял?”

Борода: “Мужчина в расцвете сил”.

Денис: “Землей-то уже, поди, пахнешь, мужчина в закате, гы-гы-гы”.

Борода: “Серега знает сколько мне”.

Кириллук: “Ну?”

Сергей: “Шестьдесят три, надо полагать”.

Кириллук: “О-о-о!”

Сергей: “Ну вот, теперь мы знаем, сколько лет Валентине. Гы-гы-гы-гы”.

Валюха, делая вид что смущается, отмахивается: “Хи-хи-хи, ой...”

Борода: “По второй!”

Наливаем. Я наливаю себе, Маше и Костику.

Сергей: “Ну, теперь я скажу. Я познакомился с Петром Петровичем уже очень давно, как пришел работать на КНС. Он научил меня как там и что, помогал по первости, делился опытом, да и сейчас я без него на работе пропаду. В жизни тоже всегда меня поддерживает, очень помог мне в тяжелые мои времена. Именно они с Валентиной познакомили меня с Илоной, спасли меня. И пить тоже именно он научил! Гы-гы-гы”.

Борода: “Это большая наука, побольше чем в твоих книжках! Гы-гы-гы”.

Сергей: “Это точно, так что спас меня Петрович от трезвой смерти, гы-гы. За тебя Петрович! Ура!”

Звеним рюмками, пьем.

Так по очереди все произносят хвалебные, но искренние тосты: Илона, Гебельс, Кириллюк, Зураб, Андрей, Денис, Костик, Маша, я (сказал кратко, что хоть и мало знаю, но уже очень уважаю) и даже Кузя.

Кузя: “Я очень люблю Бороду, он всегда хорошо ко мне относится, они меня кормят, отдают старую одежду. Желаю долго жить”.

Общение за

[...]

Порядком выпили и съели, решили передохнуть, рассаживаемся удобно по комнате. Я уселся в кресло-качалку, оно поскрипывает при движении.

Борода: “Ой ребята, я так рад, что мы вот так все собираемся, так приятно, все поздравили. Даже не знаю, как эти одиночки, уроды, сами по себе тут живут. Я и до катастрофы любил с друзьями собираться, а не дома запереться сидеть, как некоторые. Тогда хотя бы интернет был, телевизор, музыка, радио, куча всего. А сейчас-то чем заняться в свободное время?”

Я: “Книги...”

Борода: “Можно, но лично мне быстро надоедает, и где их наберешься-то интересных, чтоб сюжет был”.

Гебельс: “Уроды на то и уроды, они бессмысленно живут, сами по себе”.

Я: “А как они живут? Приходят домой и что делают?”

Гебельс: “Ничего. Поели и спать”.

Я: “Еще же куча свободного времени должно у них оставаться...”

Гебельс: “В воскресенье в храме своем воют песни”.

Борода: “Зачем эту тему завели, тут у человека день рождения как-никак”.

Гебельс: “А про что еще говорить, какие тут новости, что тут нового может случиться”.

Костик: “Про книги”.

Сергей: “Гы-гы, про критику цинического разума Петера Слотердайка”.

Борода: “Не-не-не, никаких салодрайков. Играем в домино или в карты”.

Сергей: “Не-не-не никакого домино. Ты что, такой праздник, а мы как обычно по столу будем ляпать, не-не-не, гы-гы-гы”.

Борода: “Тогда не знаю. Тогда наливаем побольше и будем просто триндеть”.

Кириллюк: “Музыку надо включить”.

Денис: “У Бороды одно старье”.

Борода: “Кстати, выменял недавно тут одну пластинку. Она старая, но песня там хорошая есть, про клен, мне так прямо душу рвет. Сейчас и послушаем”.

Денис: “Не времен ли коммунизма, как всегда?”

Борода: “Советская, советская...”

Борода подходит к музыкальному проигрывателю, поднимает прозрачную пластиковую крышку, сдувает рыжую пыль с механизмов, вкладывает туда круглую пластинку (виниловая пластинка), включает тумблер – она начинает вращаться, он опускает на нее головку с иглой – и звучит музыка (старая аналоговая технология записи музыки).

Борода, несколько раз переставляет головку: “Сейчас, сейчас. Ага вот! Синяя птица – Там, где клен шумит”.

Играет песня, качество плохое, сильный треск. Борода иногда подпевает, остальные молча слушают.

“Там где клен шумит,
Над речной волной,
Говорили мы,
О любви с тобой,
Опустел тот клен,
В поле бродит мгла,
А любовь как сон,
Стороной прошла.
А любовь как сон,
А любовь как сон,
А любовь как сон,
Стороной прошла.
Сердцу очень жаль,
Что случилось так,
Гонит осень вдаль,
Журавлей косяк,
Четырем ветрам,
Грусть-печаль раздам,
Не вернется вновь,
Это лето к нам.
Не вернется вновь,
Не вернется вновь,
Не вернется вновь,
Это лето к нам.
Ни к чему теперь,
За тобой ходить,
Ни к чему теперь,
Мне цветы дарить,
Ты любви моей,
Не смогла сберечь,
Поросло травой,
Место наших встреч.
Поросло травой,
Поросло травой,
Поросло травой,
Место наших встреч”.

Записал сейчас с диктофона всю песню целиком, сам не знаю зачем, но и выбрасывать лист уже не станешь.

После песни все аплодируют Бороде, он нарочито пафосно кланяется.

Денис: “Борода у нас любитель коммунистической музыки”.

Борода: “У меня дед с бабкой оттуда. А вообще, какая разница – песня-то какая!”

Кириллук: “Трещит же все, что ты там разбираешь?”

Борода: “Ай, ну вас...”

Валюха: “Надо было в лес идти...”

Андрей: “Надоело уже и в лес”.

Зураб: “Все надоело”.

Борода: “Так! Все ясно, наливаем!”

Пьем, закусьваем. Борода все же уговаривает сыграть в домино, с ним играют: Гебельс, Андрей и Сергей. Ко мне подсаживается Кириллук.

Кириллук: “Что вы думаете делать дальше?”

Я: “В каком смысле?”

Кириллук: “Ну вот вы тут сведения собираете, а когда назад?”

Я: “Не знаю”.

Кириллук: “А вы планируете, что после ваших сведений, европейские страны выторгнутся сюда?”

Я: “Почему вы решили, что в этом моя задача?”

Кириллук: “Ну потому что вы же видите, какое тут отношение к людям...”

Он как-то хитро посматривает на меня и улыбается.

Кириллук: “Понимаете, я же здесь на этой должности, я же официально урод. Уродов, наверное, будут лечить. Мне просто надо заранее знать...”

Я: “Ах вот в чем дело. Не волнуйтесь, я вас предупрежу, если что, гы-гы. Но пока вам ничего не грозит. Скорее всего, правительство Европейского союза давно в курсе дел в Лабруме, думаю, с самого начала они в курсе. Так что, если до сих пор не начали вас отвоевывать и освободить, то и не будут этого делать”.

Надо сказать, что в этой своей мысли я не уверен на сто процентов, ответил ему так, чтобы он в самом деле зря не волновался и не задавал лишних вопросов.

Кириллук: “Может и так, может и так...”

Я: “А вы же в доме с уродами живете?”

Кириллук: “Да, приходится. Скажу вам честно: я уже и не рад, что провернул эту аферу. Думал, что так надежнее будет, спокойнее, ну и чего греха таить, боялся, что коренных будут репрессировать”.

Я: “Это как?”

Кириллук: “Пошли слухи, что местных будут облучать сильным излучением, чтобы превратить в уродов, кто выдержит – станет уродом, пойдет на завод работать, кто нет – закопают. Сейчас назад официально сделаться местным не могу. Во-первых, слишком высокая должность, приметная, если бы на заводе каком, то, может, и не обратили бы внимания, во-вторых, того человека, что делал мне документы, нет”.

Я: “Умер?”

Кириллук: “Пропал... А революцию, восстание не собираетесь проводить?”

Я: “По-вашему это возможно? Вы меня считаете или спецагентом, или шпионом каким-то. Я – обычный человек, журналист, здесь в большей степени по своему собственному желанию”.

Кириллук: “Ну не знаю... Бунт можно устроить. Вы знаете, людям все надоело, нечем заняться. Вы не смотрите, что инициативы нет, их можно подготовить”.

Я: “По-моему, только Денис об этом говорил, у остальных я не заметил стремления к переменам”.

Кириллюк: “Всех можно подготовить... Если хотите, я помогу”.

Я: “Извиняюсь конечно, но сейчас вы на шпиона смахиваете, на провокатора, гы-гы”.

Кириллюк: “Гы-гы-гы-гы. Скажите тоже!”

Я: “Как вы относитесь к уродам, как живете с ними?”

Кириллюк: “Как все, не замечаю просто”.

Я: “Так они же ваши соседи”.

Кириллюк: “Там я делаю вид, притворяюсь уродом”.

Он вытянулся, выпучил глаза, застыл – притворился уродом. И вправду похож, только красное лицо не вписывается, выдает.

Кириллюк: “Не поверите, но я ни разу не был в квартире урода. Они же между собой практически не общаются, такого как у местных у них и подавно нет. Что они там дома делают после работы – сам лично не видел”.

Я: “Кто-нибудь был в их квартирах?”

Кириллюк: “Были. Кто обслуживает по электричеству или водопроводу. Костя был, Андрей был”.

Я поискал глазами Костика: он медленно, задумчиво ходит вдоль стен и рассматривает картинки.

Я: “Давайте у Кости и спросим”.

Кириллюк: “Костя, эй Костя, иди сюда”.

Костик немного пугается, оглядывается по сторонам, щурится, пытается определить, кто его зовет. Кириллюк машет ему рукой, Костик подходит.

Костик: “Да?”

Кириллюк: “Знаешь что, Костик, мы тебя спросить хотим, точнее вот Кристоф интересуется”.

Костик: “Да-да”.

Кириллюк: “Ты же был у уродов в квартирах?”

Костик: “Конечно, был по вызовам”.

Кириллюк: “Так расскажи, как они живут”.

Костик: “Вы же сами знаете”.

Кириллюк: “Да нет, мне не надо рассказывать, ты Кристофу расскажи, он интересуется”.

Костик: “Ничего особенного у них там нет, очень бедно живут. Нет, не бедно, это не то слово, оно здесь неуместно – живут аскетично. Им, по всей видимости, совсем ничего не надо. Стены окрашены в серый цвет или точнее они вовсе не крашены, просто ровно замазаны цементным раствором. Кровать, несколько стульев, стол, на кухне один-два шкафчика, электрическая плитка, холодильник. Все, нечего описывать даже”.

Я: “То есть только самое необходимое”.

Кириллюк: “А живут как, что делают?”

Костик: “Весь распорядок я не знаю. Когда прихожу, они просто сидят и ждут, пока сделаю. Я в основном хожу перегоревшие лампочки менять, потому что они в жизни никогда не полезут сами выкручивать – боятся, по электроплитам тоже вызывают, или розетку заменить, или провода оплавятся – проводка старая.

Кириллюк: “А кресты у них там...”

Костик: “А, да, в углу в главной комнате, кажется, это северный угол получается, стоит, как бы сказать, такое дерево из крестов. Большой крест с метр высотой и на него на веревочках нацелены крестики поменьше, он ими обвешивается. Я обратил внимание: чем старше хозяин или семья, тем больше обвешан крест”.

Я: “Угу, интересно”.

Кириллук: “Это вера такая”.

Я: “Хочу их понять. Вот они утром встают, насколько я помню, их будит радио, едут на работу, работают до гудка, едут назад, ужинают, чем-то занимаются, ложатся спать. Так чем они занимаются, после того как приходят с работы?”

Костик: “Наверное ничем...”

Я: “Как, совершенно ничем? Просто сидят и все?”

Костик: “Ну перед сном они еще какие-то песни тихо поют у креста. А бывает еще у них вроде ступора такого: ходят, например, из угла в угол или по кругу, или из одной комнаты в другую”.

Я: “Странное времяпровождение...”

Костик: “В кинотеатр ходят”.

Кириллук: “И по радио...”

Костик: “А, точно, по радио музыку, может, слушают, радиопостановки”.

Я: “Местные жители практически не проявляют интереса к вопросам, касающимся непосредственно жизни в зоне – меня это все время удивляет”.

Костик: “Понимаете, это все однообразно, уже давно, мы к этому привыкли и не придаем значения”.

Я: “Беспрекословное подчинение есть как со стороны уродов, более явно, так и у местных”.

Костик: “Что я могу сделать, мы ничего не можем сделать...”

Я: “Или просто не хотите”.

Костик: “Скорее даже так”.

Я замечаю, что Маша осталась одна и грустит. Покидаю Костика и Кириллука, подхожу к ней.

Я: “Как дела?”

Маша: “Все хорошо”.

Я: “По-моему, вы грустите”.

Маша: “Нет, здесь весело, чего грустить”.

Я: “А где делись Илона с Валентиной?”

Маша: “Валя позвала Илону что-то ей показать, там в другой комнате”.

Я: “Как на работе?”

Маша: “Ой, работы хватает, все растет, природа берет свое”.

Я: “У Валентины получилось отличное мясо сегодня, как его...”

Маша: “По-французски, это одно из ее коронных блюд. Валентина прекрасно готовит”.

Я: “А вы любите готовить?”

Маша: “Ну если какое-то особенное настроение, то могу что-нибудь необычное сделать. Мне Сергей подарил книгу с рецептами, большая, двести страниц, там много чего”.

Я: “А я вот ленюсь, дома последнее время ем всухомятку. Так что сегодня надо хорошенько покушать, впрок, гы-гы-гы”.

Маша: “Хи-хи-хи, да...”

Илона, из соседней комнаты: “Маш, иди посмотри, какие у Валечки есть бриллианты. Обалдеть!”

Маша: “Ой, зовут, я сейчас...”

Маша уходит в другую комнату. Я подсаживаюсь к игрокам, наблюдаю за игрой, но им скоро надоедает.

Сергей: “Все, хватит, больше не будем, надоело это домино, смотреть не могу уже”.

Борода: “Ну так ясно: дуешь всю дорогу”.

Сергей: “Оно у тебя, небось, помечено как-то...”

Борода: “Да ты что, чего наговариваешь. Я честно сражаюсь! Гы-гы-гы. Тогда чем займемся?”

Сергей: “Поговорим”.

Борода: “О чем?”

Сергей: “О чем хочешь...”

Борода: “Давай тему, раз не хочешь играть, только чур не про философию”.

Сергей: “Хм... Ну ладно, давайте так. Вот вам предложили переселиться на другую планету, так, и надо взять с собой одну свою личную вещь, что бы вы взяли?”

Борода: “Я б нахер отказался переселяться”.

Сергей: “Не, тогда не так, пусть не предложили, а насильно переселяют”.

Борода: “Узурпаторы”.

Сергей: “Что взяли бы?”

Борода: “Валюху”.

Сергей: “Гы-гы-гы-гы. Валюха – не вещь, она же личность, она и сама полетит”.

Гебельс: “Вы поглядите, какая у него любовь, аж до гроба, ничего ему кроме Валюхи не надо... Гы-гы-гы”.

Андрей: “Я бы, наверно, нож взял”.

Сергей: “Рационально”.

Гебельс: “Резиновые сапоги”.

Сергей: “Почему сапоги?”

Гебельс: “Потому же, почему и нож”.

Борода: “Я возьму наши семейные фотографии из альбома”.

Андрей: “А ты, Сергей, что?”

Сергей: “Сначала думал, что книгу, а Петрович про фотографии сказал, так сейчас думаю, что взял бы фотографии отца”.

Гебельс заметил, что я слушаю их разговор.

Гебельс, мне: “Он тебе эти фотографии уже показывал?”

Я: “Да”.

Гебельс: “Он нам раньше часто мозги выносил этими фотографиями. Посмотрите да посмотрите, почувствуйте... Прямо с ума сошел с ними”.

Борода: “Это все от философии. Я ж ему всю дорогу говорю: не читай ты этой философии на ночь, а особенно перед едой не читай. Гы-гы, несварение в желудке будет! Гы-гы-гы-гы”.

Мы смеемся, Сергей тоже.

Сергей: “Кристоф, а что бы ты взял с собой?”

Я: “Даже не знаю...”

Гебельс: “Зажигалку, зажигалку бери. Нож есть, сапоги есть, зажигалка будет – проживем, гы-гы”.

Борода: “Подсказываю: бери книгу”.

Я: “Книгу – это хорошо, но какую?”

Борода: “У Сереги спроси”.

Я: “А ты, Сергей, если б не фотографии, то какую бы книгу взял?”

Сергей задумался, все ждут, действительно интересно какую.

Сергей: “Библию...”

Небольшая пауза, все обдумывают его несколько неожиданный ответ.

Гебельс: “А ты что, верующий стал?”

Сергей: “Сложно объяснить, но если кратко, то я верю, по крайней мере в Библию”.

Гебельс: “Хм...”

Борода: “Ну, Кристофу точно надо огонь брать, уже и бумага есть, гы-гы-гы”.

Я: “Вероятно, я возьму учебник по новейшей истории”.

Андрей, Гебельс: “Зачем?”

Я: “Чтобы будущие поколения не совершали тех же ошибок и помнили о наших”.

Борода: “Эх, мудро!”

Гебельс: “Наплевать им будет. Лучше б зажигалку взял. Одно слово – гуманист...”

Некоторое время молчим, каждый думает о своем.

Сергей: “Сейчас читаю русского философа двадцатого века – Бердяева. Заставило задуматься вот что: “Философия, то есть раскрытие разумной вселенской истины, не может быть ни только индивидуальным, ни только человеческим делом, она должна быть делом сверхиндивидуальным и сверхчеловеческим”. Глубокая мысль”.

Борода: “Серега, я тебе сто раз повторяю, я от твоей философии много думаю и потом в голове зудит, не надо”.

Гебельс: “Так у тебя же всегда противоядие найдется. Стаканчик хлоп – и все... Гы-гы-гы”.

Я: “Я об этом философе никогда не слышал, но мысль интересная”.

Сергей: “Был такой. У него еще много о религии, о православии. Так я вот все думаю, насколько широки понятия сверхиндивидуальный и сверхчеловеческий”.

Гебельс: “Понятно откуда у тебя про Библию...”

Сергей: “Нет, отнюдь не из-за него...”

Гебельс: “А вот в том, что ты сказал, все просто: не можешь ты сам себе в голове придумать что-нибудь, теорию какую-нибудь, оно в любом случае будет связано с мыслями других людей и в последующем повлияет на третьих. Типа такая должна быть философия...”

Борода: “Меняем тему!”

Сергей: “Давайте про зону, Кристофу про это интереснее будет”.

Я: “Мне Костик и Кирилук кое-что рассказывали про уродов, как они живут”.

Сергей: “Уроды – сложная тема. Если пытаться их понять, то сначала надо определиться, кем их считать”.

Борода: "От же ж, поменяли тему..."

Сергей: "Считать человеком или больше животным с зачатками разума".

Гебельс: "Если ты мне научно докажешь, что урод – это человек, то я тебе выдам медаль".

Борода: "Деревянную, гы-гы-гы".

Гебельс: "Где ты видел среди них людей?"

Андрей: "Они, может быть, про нас так же думают".

Около нас топтался Костик, тоже включается в разговор.

Костик: "Для животных они имеют слишком уж развитую систему мышления. Тут вот какой вопрос интереснее: те куски сознания, разума, что им нужны для жизни, отдельно никак не могли бы сформироваться сами, для этого надо постепенное развитие мозга, множество цепочек, взаимосвязанных ступеней интеллектуального развития".

Только что Костик убеждал меня, что ему все равно, неохотно рассказывал об уродах, но как только наметился спор, нечто вроде интеллектуального штурма – сразу включился, и неважно какая тема, ему приятен сам процесс мышления, выстраивания логики. Все же эти местные – парадоксальные люди.

Костик: "Если в плане умственного развития они ближе к животным, то должна в таком случае быть некая внешняя сила, запихнувшая им в мозг необходимые блоки информации".

Сергей: "Что ж, такой вариант вполне возможен".

Борода: "Счас скажу, счас скажу – возможен ге-по-те-ти-чес-ки".

Сергей: "Гипотетически, да, гы-гы".

Борода: "Я так скажу: мяса от уродов я бы не кушал, все-таки это как-никак человечина будет".

Гебельс: "Это всего лишь организм, он похож на наш, но я бы, конечно, их тоже не ел".

Костик: "Странное умозаключение. Получается, вы бы не прочь скушать человека, у которого умер мозг, ну например, он ударился головой, а тело поддерживается медиками, живет рефлексам".

Гебельс: "Не надо из меня делать каннибала".

Борода: "Это точно... Тьфу, аж во рту паскудно стало".

Андрей: "Я лично думаю, что без уродов было бы лучше, вот если б их тут вообще не было".

Я: "А чем конкретно они мешают?"

Борода: "Знаете что! Я уже трезвый стал, сидим тут философию философствуем. За стол!"

Громко созывает всех к столу, завет и женщин из соседней комнаты.

Борода: "За стол друзья, пора бы и добавить. И вы, Валюха, идите, что вы там шушукаетесь сидите".

Рассаживаемся, наливаем, пьем, едим.

Маша: "Петр Петрович вы поразительно молодо выглядите. Я желаю вам всегда оставаться таким же и долгих лет жизни!"

Валюха: "Поразительно молодо – это ты, Машенька, слегка перегнула, хи-хи-хи".

Маша: "Главное ведь оставаться молодым в душе!"

Борода: “Ох, как я молод, как я молод в душе! Гы-гы-гы-гы”.

Пьянствуем, еще несколько тостов. Гебельс сидит напротив меня, и я продолжаю с ним тему об уродках.

Я: “Если бы уродков не было, то так было бы лучше?”

Гебельс: “Естественно! Еще спрашивает... Какой нам от них смысл, зачем они нужны?”

Гебельс, всем: “Кто как считает, если бы уродки пропали вовсе, то стала бы жизнь лучше?”

Костик: “Вряд ли, ничего бы не изменилось, наша жизнь не изменилась бы кардинально”.

Гебельс: “Ладно, не жизнь лучше, а вообще бы лучше?”

Борода: “Мне, кажись, без разницы”.

Валюха: “Мне тоже”.

Маша: “Они страшные, я их иногда боюсь, поэтому мне без них лучше”.

Зураб: “Лучше!”

Андрей: “Лучше, тогда, скорее всего, в целом все было бы по-другому”.

Денис: “Если б они все разом сдохли – я бы не расстроился, гы-гы-гы”.

Кириллук: “Могло бы стать хуже. Тогда бы наша зона стала не нужна, мы бы стали не нужны”.

Гебельс: “Помалкивай, прихвостень, гы-гы”.

Кириллук: “Причем тут, сам подумай: мы же по сути дела обслуживаем уродков и зону, нам за это – питание и все остальное”.

Костик: “Может и так...”

Сергей: “Раньше они меня раздражали сильно, теперь привык уже, мы их не замечаем. А доля правды в словах Кириллука, видимо, есть. Одно скажу: сам я их отселением, а тем более уничтожением заниматься не буду”.

Илона: “Согласна. Не вешать же их...”

Гебельс: “С вами кашу не сварить. Я их численность сократил бы разика в два хотя бы”.

Борода: “На мыло их? Гы-гы”.

Гебельс: “На удобрения, гы-гы-гы-гы”.

Кузя молчит весь вечер, сейчас тем более. На него никто не обращает внимания.

Костик: “А ведь если поразмыслить... Мы и вправду формально получаемся для обслуживания уродков: ни один местный не работает и никогда не работал на этих заводах, появились уродки – заработали заводы, мы работаем в сферах обслуживания, по большей части в коммунальном хозяйстве”.

Борода: “Кириллук у власти”.

Кириллук: “Опять подколки, сдалась мне ваша власть...”

Костик: “Уродков сейчас по численности уже больше, чем нас и становится все больше. На заводах производят что-то важное и секретное, не зря нас туда не пускают и такие заборы. Зону сделали под них, взять хотя бы город – он забетонирован по их желанию”.

Гебельс: “Ну не по нашему же... Вовремя их гнать надо было, мочить”.

Костик: “Надо полагать, они нужнее руководству, чем мы”.

Денис: “Они русским нужнее, они русские, а мы – белорусские недобитки”.

Гебельс: “Мочить!”

Борода: “Гебельс, Мишенька, потише, спокойнее. Тебе может пару тостов надо пропустить?”

Андрей: “А может, есть какой-нибудь способ их превратить в нормальных людей?”

Сергей: “Как Кузя...”

Все обратили внимание на Кузю.

Гебельс: “Не надо обобщать, не все тут его считают нормальным человеком”.

Илона: “Обезьяна не сразу стала человеком”.

Гебельс: “Ага, обезьяна и есть”.

Кузя смущается от всеобщего внимания, опускает голову, втягивает ее в плечи.

Костик: “Этот вариант интересен, наверное, это можно как-то сделать, особенно если придерживаться теории, что разум они получили извне. Тогда надо узнать, как действовала сторонняя сила, и применить этот способ. Только зачем?”

Андрей: “Как зачем, они будут такими же нормальными людьми, как и мы”.

Костик: “Они будут условно нормальными для нас, но не будут такими же как мы. Не исключено, что нам захочется наделить их определенными способностями и использовать для своих целей”.

Денис: “Я больше согласен с Гебельсом”.

Костик: “Мы не имеем права возвращаться в рабовладельческий строй, использовать рабство. Неважно по отношению к кому”.

Петр Петрович ни с того ни с сего начинает петь (видно, ему страшно надоел этот разговор про уродов), поет ту же песню “Там, где клен шумит”, Валентина ему подпекает.

Потом опять были разговоры, о разном, но уже не самые интересные, играли в карты и шахматы. Выпили очень много, Борода составлял бутылки в угол комнаты, я попытался их сосчитать, но после пятнадцати сбился – много. Когда стали расходиться, я обнаружил, что вообще-то слабо держусь на ногах, в очередной раз перебрал. Гебельс взялся провести меня домой, с нами пошли еще Кирилюк и Денис, им было по пути. Не знаю сколько тогда было времени, но явно поздно, ночь. И вот по дороге произошло интересное событие.

Улицы были пустынные, никого не видно, тихо и безлюдно, в домах редко увидишь светящиеся окна. Вдруг Кирилюк замечает кого-то вдалеке.

Кирилюк: “И кто это так поздно шляется кроме нас”.

Кто-то ходит у подъезда одного из домов (скорее всего, он нежилой, нет мусорных баков и не светятся окна) из одного конца в другой, туда-сюда, безостановочно.

Гебельс: “Урод! Смотрите – завис!”

Денис: “Ага, похоже, в коматозе этом”.

Гебельс: “Пошли, подойдем”.

Кирилюк: “Да ну брось ты, зачем он тебе сдался, чего ввязываться”.

Гебельс: “Заткнись, бздун!”

Кирилюк: “Давайте не будем ввязываться, ребята, прошу вас”.

Денис: “Не дрейфь, мы тока посмотрим”.

Подходим ближе, наблюдаем. Это мужчина лет тридцати пяти, ходит взад-перед, его путь составляет около десяти метров в одну сторону. Доходит до одного конца – как будто

что-то вспоминает, разворачивается на месте и идет назад, доходит до второго – опять разворачивается, так и ходит с одного конца в другой.

Денис: “От дебил!”

Гебельс: “Завис, я ж говорю”.

Кирилюк: “Слушайте, мне надо домой идти”.

Гебельс: “Кирилюк, не зли меня, ты же вроде нормальный мужик...”

Денис: “Мы ему помочь только хотим, гы-гы”.

Гебельс: “Он же так и будет ходить, надо его перезапустить, перезапуск программы сделать, гы-гы”.

Я: “Это как?”

Гебельс: “Если у тебя какой-нибудь механизм барахлит, часы например, ты что делаешь первым делом?”

Я: “Что?”

Гебельс: “Стукнуть его надо! Залепить ему оплеуху – перезагрузка будет. Гы-гы-гы”.

Денис: “Можно я?!”

Кирилюк: “Ох и угораздило меня с вами пойти...”

Денис подбегает к уроду сзади и, хорошенько размахнувшись, бьет его ладонью по затылку. Видимо, удар получился сильный, потому что урод споткнулся и упал на колени, еле успел подставить руки, чтобы не влететь носом в асфальт. Стоит так на четвереньках. К нему подбегает Гебельс, мы с Кирилюком, который стал пригибаться и озираться по сторонам, пока не подходим, наблюдаем со стороны.

Гебельс: “Ты кто, ты чего тут делаешь?”

Урод: “Я – Иван Степанович Ширин. Я иду домой”.

Гебельс: “Иван Степанович Ширин, уже ночь и ты тут завис, ты нас, конечно, извини, но мы тебя перезагрузили, гы-гы. Где твой дом?”

Гебельс махнул нам с Кирилюком, чтоб мы подошли ближе. Мы подошли. Урод несколько раз осмотрелся по сторонам, часто моргая, выпучив глаза, и показал на дом неподалеку.

Урод: “Вон там”.

Интересно, как им удастся запоминать свой дом, ведь с виду они все абсолютно одинаковые, а номеров и указателей никаких нет, их можно находить только по расположению.

Гебельс: “Вставай придурок!”

Но урод так и стоит на четвереньках. Денис, опять же хорошенько размахнувшись, ногой бьет его под зад.

Денис: “Вставай дебил!”

Кирилюк: “Тихо, тихо, ребята...”

Урод еще быстрее заморгал, стал крутить головой.

Урод: “Извините, извините. Я шел домой, я сейчас пойду. Извините”.

Гебельс поднимает его за шиворот, урод встает.

Гебельс: “Ну вот, давай соображай, включайся”.

Денис: “Вали домой обезьяна русская”.

Гебельс, мне, тихо: “Хочешь дома у него посмотреть?”

Я: “У кого?”

Гебельс: “У него, у урода, Ширина этого”.

Я вроде как против насильственных действий, но интерес преобладает...

Я: “Да”.

Гебельс: “Иван Степанович, ты один живешь? Мы тебя проводим”.

Кириллюк: “Все, я домой, пока”.

Гебельс: “Иди, а то ненароком еще в штаны наложишь с перепугу, гы-гы”.

Кириллюк: “Поймите меня правильно, я могу быть под контролем...”

Гебельс: “Иди”.

Кириллюк уходит быстрым шагом, озираясь и оборачиваясь.

Гебельс: “Так один ты живешь или как, а, Ширин?”

Урод: “В квартире я один, сейчас пойду домой”.

Гебельс: “Мы с тобой, пошли!”

Денис: “Слышь, Гебельс, не опасно это? Вдруг кто увидит, мало ли что...”

Гебельс: “Не будь Кириллюком. Ширин, веди”.

Мы идем за уродом. У него ободраны руки, течет кровь и он стал мелко дрожать.

Гебельс, мне, тихо: “Ты не волнуйся, дебил никому ничего не скажет, он к утру ничего не будет помнить”.

Урод периодически замедляет шаг, почти останавливается, Денис в эти моменты толкает его в спину. Этот урод больше всего похож на запрограммированного человека, его состояние похоже на то, что называют гипнозом, что-то подобное.

Заходим в подъезд, видно, что здесь живут, но обстановка совершенно не такая как в домах местных, все очень строго, стерильно, выровненные, оштукатуренные серые стены, квартиры под номерами (в домах Сергея и Бороды номеров квартир не было), номер содержит две цифры и одну букву русского алфавита, номера идут не по порядку. Поднимаемся на третий этаж, урод приводит к квартире “72ж”. Он двигается наподобие робота, словно бы обдумывает каждое действие: вот он засовывает руку в карман, пауза, вот достает ключи, пауза, вставляет в замок, пауза, поворачивает ключ, длинная пауза, толкает дверь. Денис заглядывает в квартиру, проверяет, нет ли там кого-нибудь еще.

Денис: “Вроде он один тут”.

Заходим. Квартира такая, как описывал Костик: серые стены, минимум мебели и интерьера, крест в углу, она полупустая. Не знаю, как можно жить в такой угнетающей пустоте и серости, у меня за непродолжительное время, сколько живу в Лабруме, и то накопилось больше вещей.

Гебельс: “Во, видал, как живут, монахи какие-то, аскеты херовы. Вон, эхо в квартире: э, э-э-э”.

Денис, уроду: “Мы можно посмотрим?”

Урод: “Хорошо, но я сейчас буду ложиться спать”.

Гебельс, уроду, показывая на крест: “Это что?”

Урод: “Это для молитвы, пока вы здесь я не буду молиться”.

Гебельс, мне: “У них у всех такие кресты, своя вера какая-то, храмы видел их?”

Я: “Да, видел. Во что верят?”

Гебельс: “Не вдавался в подробности, в бога верят”.

Денис: “Песни поют”.

Гебельс, уроду: “Ты по своей вере во что веришь, кому молишься, придурок?”

Урод: “Молитвы поются Одному Справедливому Богу”.

Гебельс: “Зачем?”

Урод: “Чтобы он нам помогал”.

Я осматриваю квартиру: две комнаты, в одной урод живет, здесь кровать, два стула, тумбочка, крест, в коридоре – вешалка с одеждой, один стул, вторая комната полностью пустая, на кухне – один шкафчик, холодильник, два стула, стол, на нем электрическая плитка, в шкафчике – две кастрюли, чайник, дуршлаг, сковорода, две чашки, две тарелки, две вилки, две ложки, в холодильнике минимальный запас еды.

Урод уселся на кровать и как бы ждет, когда мы уйдем.

Денис: “Гляньте на его: спать уже приготовился – очень негостеприимно это, гы-гы”.

Я: “Чем же они тут занимаются в свободное время, пустота...”

Гебельс, склонившись над уродом: “Ты чем дома занимаешься, когда не спишь?”

Урод молчит, смотрит перед собой и молчит.

Гебельс: “Я тебя спрашиваю, Иван Степанович, что делаешь дома?! Ширин!”

Урод продолжает молчать.

Гебельс: “Ты чего, опять завис? Ну-ка, Денис, повтори перезагрузку”.

Денис: “Ладно, Гебельс, пошли...”

Гебельс сам бьет урода по уху. Урод сгибается, становится очень жалким с виду, кажется, что сейчас разрыдается.

Урод: “Мне надо спать, мне завтра работать, мне надо спать, мне скажут, что я плохо работаю, пожалуйста уходите”.

Денис: “Не ной ты, работать, работать... На тебе по второму уху для симметрии, это тебе за Беларусь!”

Денис тоже бьет его. Урод согнулся вперед, закрыл руками уши и зажмурился.

Урод, повысив голос: “Пожалуйста уходите!”

Гебельс: “Ладно, пошли”.

Денис: “Давай этой обезьяне радио сломаем, чтоб завтра на работу проспал, гы-гы”.

Денис выдергивает провод из розетки и отрывает от радиоприемника. Гебельс тем временем выглядывает из квартиры – все тихо. Уходим.

61.

Вчера проснулся в двенадцать, немного очухался и опять пошел к Петру Петровичу, он сказал приходить к обеду. Поэтому не успел переписать запись с диктофона в дневник, сделал это только сегодня, а так как места на кассете оставалось совсем мало, то и не брал его с собой.

Собрались все те же и еще приехали его сыновья с женами и дочь с мужем, так что народу было много, благо квартира большая. Праздник продолжился, в этот раз было много музыки, пели, пили, закусывали, танцевали.

Гебельс с Денисом, пока были трезвы, извинялись передо мной за вчерашнее, списывали все на алкоголь, Кирилл же сделал вид, будто ничего и не было. Однако когда они оба вновь изрядно набрались (впрочем как и я), то стали придумывать еще какое-нибудь “интересное дело” и, посоветовавшись, решили, что можно проникнуть на один из заводов, посмотреть. Я согласился.

Сделаю записи в дневнике и лягу спать пораньше – устал, надо отлежаться.

Признаться, на трезвую голову несколько жалею о позавчерашних событиях, действиях по отношению к тому уроду. Мне сейчас жалко его, вдруг он действительно проспал на работу, его, должно быть, накажут, а работа, насколько я понимаю, это то единственное главное, что у них есть в жизни. На данный момент уроды представляются мне слаборазвитыми загипнотизированными рабами, не верю в гипноз, но только такое определение приходит на ум. Они имеют узкое, специализированное развитие, их сознание дает избирательные, точечные команды, то есть функционирует дозировано, у них напрочь отсутствуют собственные цели в жизни, такое ощущение, что сознание и вовсе приходит к ним извне. Людьми их, безусловно, назвать можно, у нас бы им, вероятно, поставили диагноз “аутизм” или что-то в этом роде. Но, в отличие от уродов, наши психические инвалиды не работают на ответственной работе (за редким исключением), на серьезных производствах и заводах. Сейчас уроды меня скорее пугают, как и Машу, чем раздражают, пугают именно отстраненностью, отделенностью что ли своего сознания.

62.

Спал до обеда, проспал со вчерашнего дня целых двадцать часов. Принял холодный душ у себя в подвальчике, пообедал и решил, что нечего дома валяться, надо пройтись по округе.

Неспешно прогуливаюсь. Проходил мимо дома того урода. Интересно, как у него там сложилось, может, уже выгнали с работы, выслали обратно, в дурдом какой-нибудь... Для цивилизованного человека и жизнь местных – дикость, первобытность, такие же и они туземцы, так что по сути уроды имеют не меньшее право на жизнь, чем коренные. Жизнь уродов ограничена, однообразна, для стороннего взгляда – бессмысленна, но они все-таки люди... Жизнь местных в общем-то тоже бессмысленна, но это же не значит, что в таком случае они недостойны жить. И во всем мире люди разные, немало тех, кто бесцельно проживает свою жизнь. На протяжении всей истории, одни народы притесняли другие, одни верующие нападали на других верующих, хоть верили в одинакового бога. Напрямую уроды никак не вредят местным, не нападают, не притесняют, не угнетают, поэтому, наверное, надо просто стараться мирно сосуществовать, что в принципе и есть в Лабруме. Местные в основном, судя по друзьям Сергея, лояльно относятся к уродам, то есть они им не нравятся, но и уничтожать их цели не возникает, даже те же Гебельс и Денис, когда трезвые, с большего снисходительно к ним относятся.

Отошел от своего двора довольно далеко, иду в направлении бывшего района Сухарево (по-моему, он так назывался). Местность, как и во всем городе, однообразна. Дома глазами окон будто наблюдают за тобой и при удобном моменте начнут хлопать ртами подъездов, пытаясь тебя сожрать. Прогуливаться по городу – не самое приятное занятие, ничего, кроме подавленности, депрессивности и одиночества не ощущаешь.

Уже развернулся идти обратно, как вдруг заметил в пустом дворе одинокую фигуру человека, он не идет, стоит. Подхожу ближе – это женщина, держит в руках папку и вроде что-то там пишет, иду еще ближе. Так это же Маша! Так и есть, она: невысокая, худенькая, слегка сгорбившись – что-то записывает. На меня она пока не обращает внимания, сосредоточена на своих бумагах.

Я: “Маша, привет! Вот так встреча!”

От неожиданности она вздрагивает, оборачивается немного испуганно.

Маша: “Ой, Кристоф, здравствуйте, вы меня напугали”.

Я: “Что-то в последнее время люди пугаются, когда я их приветствую, гы-гы”.

Маша, хоть и имеет слегка нездоровый вид: потрескавшиеся сухие губы, бледноватое лицо, худоба, неухоженные волосы, в целом замученный такой вид – но по-своему красива, мне кажется, раньше она была очень симпатичной, возможно, повлияла какая-нибудь болезнь.

Маша: “А вы что тут делаете? Гуляете?”

Я: “Маша, не называй меня на вы, а то я себя чувствую дедушкой, гы-гы”.

Маша: “Хорошо, не буду, хи-хи”.

Маша очень красиво улыбается, от ее улыбки всегда становится приятно и как-то спокойнее на душе.

Я: “Что пишешь?”

Маша: “На работе. Вот, видите, ой, видишь: заявили, вон деревце проросло у дома”.

Тоненький, извилистый прутик пробился у самой стены дома из трещины в бетоне. Похоже на березу, на ней совсем мало листиков, хотя высотой она уже с метр, тяжело ей тут приходилось.

Маша: “Тут неприметно, сядой не ходят, поэтому вон какое вымахало, метр”.

Я: “Уроды заявили?”

Маша: “Ну конечно они, здесь все дома в округе их”.

Я: “Чем же им так мешают деревья, зелень?”

Маша: “Мешают, отвлекают, пугают”.

Я: “Ты будешь сейчас вырывать его?”

Маша: “Нет. Я записываю где точно, адрес, рисую план и что необходимо сделать. Приедет бригада с инструментом и все сделают. Вот, например, здесь надо его выкорчевать, выдуть компрессором всю землю из трещины и забетонировать ее”.

Я: “Не жалко дерево?”

Маша: “Жалко. Сначала всех их очень жалко было, только ничего не поделаешь, работа... Но вообще, в лесу ведь много деревьев, природа там свое возьмет, этим себя успокаиваю. По первому времени, как стала работать контролером, представь себе, пересаживала все в лес: траву, цветы, деревца эти. Сейчас понимаю, что это лишнее, природа в лесу, а город для нас забетонирован”.

Я: “Для уродов...”

Маша: “Ну да, для уродов точнее”.

Я: “Не страшно одной так ходить по районам? Я вот прошелся – страшно, аж дома чудящими стали казаться, дико”.

Маша: “Привыкла. И одной не страшно, страшнее в том же продовольственном, когда уродов много собирается, а одной чего бояться...”

Я: “Ты как, одна в зоне живешь?”

Маша: “Сейчас одна, раньше с родителями, они живут в другом районе. Меня назначили контролером по близлежащим районам, поэтому я переехала сюда. Из родственников еще в зоне у меня тетя. Но знаешь, здесь, особенно в последние годы, местные все друг другу почти как родственники, ну то есть такие отношения. Нас становится меньше, детей меньше рождается, стараемся поэтому вместе жить, помогать

друг другу. Заметил, замков ведь в дверях нет! А у уродов квартиры заперты, у каждого, непонятно, кого они боятся, что у них там красть”.

Я: “Видимо местных боятся, кого же еще”.

Маша: “Никто их не трогает...”

Я: “Слушай, я тебя не отвлекаю случайно?”

Маша: “Нет, не отвлекаешь, что ты, не такая уж и ответственная работа”.

Я: “Пойдем тогда пройдемся, а то торчат тут около их домов...”

Маша: “Пошли тогда я еще одно заявление проверю, тут недалеко. А потом можно зайти к Сергею с Илоной, мне надо передать ей пуговицы, вот эти”.

Достаёт из кармана пуговицы, показывает мне на ладони. У нее немного подрагивают пальцы.

Маша: “Илона же отлично шьет, хочу себе кое-что заказать”.

Я: “Хорошо, пойдем, к Сергею я всегда рад зайти. Это в хозяйственном такие красивые пуговицы есть?”

Маша: “Н-е-е-т, там только обычные, черные, да и то отдельно редко бывают. Материалы, чтобы что-нибудь себе сшить, надо в Центральном заказывать, но могут и не привезти. Именно эти пуговицы мне дала Валентина, они, извиняюсь, со свалки. Она ведь сортировщицей там – незаменимый человек в знакомстве, тем более она на старой свалке, где старый мусор, еще с тех времен”.

Я: “Понятно, буду знать, к кому обращаться, гы-гы. Маш, а тебе из зоны не хочется выбраться?”

Маша: “Я про это уже не думаю, потому что нет возможности. Сразу хотелось уехать, но тогда родители наотрез отказались, сейчас уж и не хочется”.

Я: “А туман, этот цементный город, изоляция, как?”

Маша: “Тебе на это любой скажет: мы привыкли”.

Я: “Человек, он такое существо – привыкает. Я и сам начинаю, кажется, привыкать”.

Маша: “Вот видишь...”

Я: “Но опасность здесь есть, влияние на жителей есть, и туман, и экология... Вот все пьют поголовно”.

Маша: “Я тебе еще раз говорю – привыкли. Свыклись и успокоились”.

Я: “Как родители живут?”

Маша: “Неплохо, они уже не работают, старенькие совсем”.

Я: “Здоровье не подводит?”

Маша: “Как у всех стариков: там болит, здесь болит, тут уже не лечится, в целом терпимо. У меня еще есть старший брат, но он уехал сразу после катастрофы, на восток, к русским. А я не смогла родителей оставить, ну и боялась тоже без них ехать. Может, он там хорошо живет, не то что мы...”

Я: “А может и нет”.

Маша: “Да, неизвестно, совсем не знаем, как он там”.

Пришли в обозначенное место. Здесь прямо на тротуаре выросла небольшая колючка, чертополох и даже собирается зацвести. Осматриваем его. В это время как раз мимо проходят два урода, один, через пять метров другой, и вот приближаясь к чертополоху, они оба приостанавливаются и обходят его, сойдя с тротуара.

Маша: “Боятся”.

Я: “Странные они”.

Маша: “Эта заявка давно висит, все никак не могла добраться. Посмотри, как укоренился в ямке, тут и земли совсем мало, а видишь: растет, борется и даже цвести хочет. А хочешь – бери его себе, у тебя дома зелень есть? Это чертополох, он в горшке хорошо расти будет”.

Я: “Не знаю, можно, пожалуй”.

Маша: “У меня есть с собой пакет, сейчас мы его аккуратно туда положим вместе с землей, придешь – посадишь. Горшок есть?”

Я: “Найду что-нибудь, в крайнем случае в кастрюлю посажу, гы-гы”.

Маша бережно, чтобы не повредить корней, вынимает колючку из выбоины, засовывает в пакет.

Маша: “У меня дома так целая оранжерея, натаскала вот так разных. Илона говорит, ко мне можно ходить воздухом дышать. И небольшие растения всякие, цветы, и деревья в ведрах, много разного. У меня же, кстати, одно время жила птичка, представляешь! Тебе Илона не рассказывала?”

Я: “Нет. Интересно”.

Маша: “Я ее подобрала в лесу, когда раз ходили на пикник. Небольшая такая, серенькая, Сергей сказал, что это был дрозд. Летать не мог, сидел у меня в клетке. Правда, болеть стал, слабый был, плохо ему было. Он сначала хотя бы прыгал, на жердочке мог сидеть, а потом вниз спустился и все сидел, нахохлившись, наклонив набок голову, дальше вконец слег, просто лежал, умирал. Две недели пожил у меня и умер”.

Я: “Жалко... В городе я птиц пока ни разу не встречал, видел мелких только в самом начале зоны”.

Маша: “Очень-очень редко они сейчас встречаются”.

Я: “Выловили?”

Маша: “Ловили, но они и сами жить не могут – болеют”.

Я: “Такой вот город: ни цветочка не увидишь, ни птички, ни даже мошки какой...”

Маша: “Знаешь что, заходи ко мне в гости как-нибудь, посмотришь оранжерею”.

Я: “Конечно зайду, с радостью”.

Чертополох благополучно упакован, подарен мне, и мы направились к дому Сергея. По дороге Маша рассказывала о растениях, которые в основном появляются в городе, о растениях, которые есть у нее дома, о тумане, как она его боится над озером, о том, что она хорошо умеет печь разные пироги, печенье, булочки, о земляном вале, который, оказывается, служит для обнаружения возможного появления диких животных, при этом за последние десять лет не было ни одного случая (ее тетя работает контролером пересечения границы города) и о многом другом. Она оказалась довольно разговорчивой, хотя во время застолий была все время молчалива.

В доме Сергея на первом этаже за столом у лестницы сидят Гебельс и Денис, играют в шахматы (белыми – Гебельс, черными – Денис) и выпивают.

Гебельс: “Привет Машуня. Слон цэ-один”.

Денис: “Здорово Леонид! Пешка бэ-пять”.

Я: “Маш, ты иди, я сейчас подойду”.

Маша: “Хорошо”.

Гебельс: “Скажи, пусть Серега спустится. Пешка эф-четыре”.

Маша уходит, я отдал ей пакет с колючкой, пусть пока полежит у Сергея.

Денис: “Пешка е-дэ-четыре. У тебя шуры-муры с нашей Машей что ли, а?”

Я: “С чего ты взял, просто встретил по пути...”

Денис: “А чего она так лыбится?”

Гебельс: “Конь дэ-четыре. Слышь, Кристоф-Леонид, мы тут подумываем над этой темой”.

Денис: “Слон жэ-четыре”.

Я: “Какой, не понял”.

Гебельс: “Какой, какой... Ладья дэ-е-один. Такой, что я тебе предложил – на завод залезть!”

Я: “Я думал, может вы передумали”.

Гебельс: “Думали-думали, передумали”.

Денис: “Ничего мы не передумали. Ферзь цэ-пять”.

Гебельс: “Король аш-один. Смотри какое дело, я сегодня утром шарился кругами там около одного завода, но вообще не нашел, где получилось бы залезть”.

Денис: “Пешка а-пять. Потом мы подумали, что можно Кузю привлечь. Чтобы он прошел и где-нибудь оставил нам открытую дверь или сделал лаз, дыру какую”.

Я: “Его, скорее всего, словят сразу”.

Гебельс: “Да, словят, мы и сам поняли, эту идею уже не рассматриваем. Пешка аш-три”.

Денис: “Слон дэ-семь. Так что надо самим искать залаз какой-то. И полезем в выходной, в воскресенье”.

Я: “О последствиях думали, что будет вам, если поймают?”

Гебельс: “Не вам, а нам. Пешка а-четыре. Просто пропадем и дело с концом”.

Я: “В смысле, это как?”

Денис: “Пешка бэ-а-четыре”.

Гебельс: “Тут бывает, люди просто так исчезают, раз – и нету. Слон а-два”.

Денис: “Был и пропал... Слон е-восемь”.

Я: “Тогда зачем вам рисковать, зачем вам это, если дело может быть опасным?”

Денис: “За идею! Ты глянь, он что, нас отговаривает?”

Я: “Я не отговариваю, это дело ваше”.

Гебельс: “Пешка е-пять. По слухам, там военное производство, на всех наших заводах производят военную технику, но хочется же, в конце концов, самому убедиться. А ты потом расскажешь общественности там у себя, что у нас происходит. И я понимаю, что трезвый туда хрен полезет, так что поддать надо будет по-любому”.

Денис: “Гы-гы-гы, без допинга он никак, гы-гы”.

Гебельс: “Чего ржешь!”

Денис: “Идейности в тебе нет, гы-гы. Конь бэ-шесть”.

Гебельс: “Ох, нашелся мне идейный. Сам без водки тише воды, ниже травы. Пешка эф-пять”.

Я: “Втроем полезем?”

Денис: “Конь дэ-пять”.

Гебельс: “Слон дэ-два. Мы как раз думаем, хотим Сереге предложить. Чего он не идет... Кристоф, если не лень, сходи позови. Ой, забыл предложить: сто грамм будешь?”

Я: “Потом”.

Иду за Сергеем. Я в любом случае согласен на эту их операцию, однако не хочется погореть на ровном месте, необходимо все хорошенько обдумать, и плохо, что полезут они, да вероятнее всего и я, нетрезвыми.

Захожу в квартиру, дверь, как всегда, не заперта, слышу голоса в большой комнате – иду туда.

Я, приоткрыв дверь в комнату: “Привет хозяйева!”

Заглянул и вижу: Илона примеряет что-то на Машу, та по пояс голая, без лифчика. Маша замечает меня, закрывается руками.

Маша: “Ой!”

Илона: “Стучаться надо! Балда! Хи-хи-хи-хи”.

Я разворачиваюсь и вылетаю в коридор. Из спальни ко мне выходит Сергей.

Сергей: “Они там меряют, я тут пока, заходи”.

Я: “Вот угораздило... Пошли под лестницу спустимся, там Гебельс с Денисом ждут”.

Сергей: “Сейчас, фотографии соберу. Я тут пытался их отсортировать по времени, хронологически”.

В спальне на полу были разложены отцовские фотографии, те, что он мне показывал, под ними маленькие листочки с пометками, стрелками, датами.

Сергей: “Зря папа их не подписывал, не ставил даты и места на обороте”.

Собирает фотографии в коробку.

Сергей: “Как дела?”

Я: “Нормально”.

Сергей: “Читал сегодня испанского философа Ортега-и-Гассета. Пока очень много в чем не согласен, и у него встречаются нелогичные мысли, но вот одна цитата подтолкнула к размышлениям: “Неприкаянная, невостребованная жизнь – больший антипод жизни, чем сама смерть. Жизнь – это обязательство что-то совершить, исполнение долга, и, уклоняясь от него, мы отрекаемся от жизни”. Что получается, значит мы, местные, массово тут отреклись от жизни, значит мы наподобие живых мертвецов, а уроды напротив, как раз живее всех живых, хотя нам-то кажется совсем наоборот...”

Я: “Ты же с ним во многом не согласен”.

Сергей: “Да, но ты знаешь, с этой цитатой мне хочется все-таки согласиться...”

Я: “Ладно, пойдем”.

Выходим, я прохожу спиной к большой комнате, громко извиняюсь, девчонки в ответ хихикают. Спустившись вниз, застаем ругань Гебельса и Дениса.

Гебельс: “Куда пешку мою вот отсюда дел?! Сученок!”

Денис: “Да я ее побил пару ходов назад”.

Гебельс: “Не бил ты ее, умыкнул гад, я что – не помню, я что – вообще?! Что это за игра такая, мухлеж...”

Денис: “Ты просто проигрывать не любишь”.

Гебельс: “Иди ты! Я с тобой больше играть не сяду”.

Сергей: “Привет, шахматисты!”

Гебельс: “Этот сученок у меня пешку умыкнул с жэ-два. Спер и делает вид, что типа так и было. Каков шулер!”

Денис: “Это у него просто старческое, не обращайтесь внимания, гы-гы”.

Гебельс: “Дать бы тебе в глаз, старческое... Собирай шахматы недоросток! Серега, наливай”.

Денис: “У нас закуски мало”.

Гебельс: “Ты у меня сейчас пешками и вот этим ферзем закусишь!”

Сергей: “Хватит, я много не буду”.

Гебельс достает дополнительные два стакана, Сергей разливает, выпиваем.

Гебельс: “Ху! Кхе-кхе-кхе, аж подавился со злости, кхе-кхе. Серега, есть дело”.

Сергей: “Ну?”

Гебельс: “Решили мы тут с ребятами повернуть незаконное мероприятие или лучше сказать операцию”.

Денис: “Ы, операцию Ы. Гы-гы-гы-гы. Как в кино, гы-гы-гы”.

Сергей: “Чтобы никто не догадался, гы-гы. Ну, что за мероприятие?”

Гебельс, тише: “Хотим залезть на какой-нибудь завод, посмотреть”.

Сергей: “И зачем это?”

Денис: “Чтоб самим увидеть, что они там производят, гады”.

Гебельс: “Все только предполагают, а мы хотим убедиться”.

Сергей: “Откуда такая необходимость узнать?”

Денис: “Мы, хотим, знать!”

Сергей: “Мы – это вы втроем?”

Денис: “Пока да”.

Сергей: “Точно решили?”

Денис: “Тебе же говорят”.

Гебельс: “Тебя хотим тоже...”

Сергей: “Я могу понять интерес забугорного журналиста, но вам нафиг сто лет сдалось? Не спяну случайно?”

Денис: “Ой, все ясно, боишься – так и скажи”.

Сергей: “Не ребята, я-то не боюсь, но не пойду. Лишние проблемы наживать, да и интереса у меня вообще никакого нет”.

Денис: “Вот так вот, как рабы...”

Гебельс: “Смолкни, шулер шахматный, его дело, не хочет и не хочет. Ты только подумай хорошо, Серега, может там книги какие будут...”

Сергей: “Вряд ли, а если что и будет, то только техническое, узкоспециализированное”.

Гебельс: “Подскажи хоть, как залезть можно?”

Сергей: “Не знаю, никогда не думал про это”.

Гебельс: “Кого еще можно взять?”

Денис: “У Костика можно не спрашивать, у Бороды тоже, Кирилюк забздит”.

Гебельс: “Поднимись к Зурабу и Андрею, пусть тоже спустятся, спросим у них”.

Денис уходит.

Сергей: “А если словят?”

Гебельс: “Хрен с ним, у меня ни детей, ни жены нет – некому плакать”.

Сергей: “У Андрея есть”.

Гебельс, после паузы: “Да, Андрея лучше не брать”.

Сергей: “Ну увидишь ты, что там, узнаешь, дальше-то что, неужели от этого твоя жизнь прям сразу изменится?”

Гебельс: “Наверное нет”.

Сергей: “Сам осознаешь, зачем в таком случае лезть?”

Гебельс: “Понимаешь Серега, чего-то невыносимо тошно стало на душе, что мы тут вот как в зоопарке, а они там за стеной даже не в курсе, есть ли мы или нет, и что тут у нас происходит. Не приехал бы Кристоф, я б скорее всего не полез, это он меня разбередил”.

Я: “Мне важно узнать, военное ли производство”.

Сергей: “Ну лезьте тогда, только не знаю, как вам это удастся. Такие заборы!”

Пришли Денис с Андреем.

Андрей: “Здорово, чего хотели?”

Денис: “Зураб тоже сейчас идет, он там не один был, одевается, гы-гы”.

Гебельс: “Садись Андрюха. Выпьешь?”

Андрей: “Ну давай...”

Гебельс: “Серега, разливай”.

Сергей разливает, выпиваем, закусываем.

Гебельс: “Кхе-кхе-кхе. Да что ж такое сегодня, кхе-кхе. Денис, это ты, а ну не смотри сюда, прямо в глотку смотрит, сглазил. Отвернись!”

Денис: “Я-то что... По старости своей уже разваливаешься”.

Гебельс: “Мы тебе, Андрюха, хотели предложить поучаствовать в одной афере, но передумали. Потому как дело опасное, а у тебя дети”.

Андрей: “А что за афера?”

Денис: “На завод залезть посмотреть, что там за забором”.

Андрей: “О не, я нет, мне еще детей дожидаться из лагеря, дожидаться пока вырастут. Не ребята, без меня”.

Гебельс: “Заставлять, разумеется, не будем”.

Денис: “Такие уже все сцыкливые...”

Гебельс: “Замолкни”.

Денис: “Вынес бы там себе устройство какое, инструмент, молоток крутой”.

Андрей: “Не...”

Гебельс: “У тебя лом или фомка хорошие найдутся? Ножовка по металлу?”

Андрей: “Найдутся”.

Гебельс: “Одолжишь?”

Андрей: “Берите, конечно. Но вы лучше еще раз подумайте, подумайте трезво”.

Денис: “Мы смелые!”

Сергей: “Когда пьяные. Трезвые они не полезут”.

Гебельс: “Нарезаться перед делом не сложно, гы-гы-гы”.

Спустился Зураб, на ходу застегивает рубашку.

Зураб: “Что надо, только быстро”.

Гебельс: “Выпьешь?”

Зураб: “Ради этого звали?!”

Гебельс: “Не только, еще есть дело одно, садись”.

Гебельс достает еще один стакан (помнится раньше тут было лишь четыре стакана), Сергей наливает всем. Гебельс грозит пальцем Денису, тот выпивает, отвернувшись в сторону.

Зураб: “Сразу к делу давайте”.

Гебельс: “На завод с нами полезешь?”

Денис: “Посмотреть”.

Зураб: “Туда, внутрь?”

Денис: “Нет, снаружи наружу полезем. Конечно, внутрь!”

Зураб: “Нет. Не полезу”.

Денис: “Почему?”

Зураб, после паузы: “Я скоро жениться собираюсь!”

Зураб встает и уходит, мы все смеемся.

Денис: “Ну вас! Втроем залезем”.

Гебельс: “Втроем так втроем. Полезем, короче, на завод, который этот, ближе всего к нам, где длинная труба торчит. Там совсем рядом, вплотную начинается следующий завод, и заборы у них примыкают, там между ними метров пять всего, как тоннель, не приметно будет”.

Я: “Сколько забор высотой?”

Гебельс: “Метров под десять”.

Я: “Ого!”

Денис: “И сверху колючая проволока”.

Я: “Как же мы перелезем?”

Гебельс: “Что мы, дураки через верх лезть, в жизни не перелезешь. Будем искать дырку, щель, запасной выход или, может, пробьем отверстие. Андрей, кувалда есть?”

Андрей: “Есть”.

Сергей: “Кувалдой вы наделаете грохота – аж здесь будет слышно”.

Гебельс: “Придумаем что-нибудь, должно быть решение. Завтра пойдем искать, планировать. Завтра как раз суббота, утром в центр будет ехать много местных, в лагерь, мы тоже с ними поедem. Пока вдвоем, я и Денис, ты, Кристоф, дома сиди”.

Я: “Почему?”

Гебельс: “Нечего тебе раньше времени рисковать. И как ни крути, ты отличаешься от местных. Завтра посмотрим, спланируем, если все нормально – лезем в воскресенье, в воскресенье у них выходной. Счас допиваем эти остатки и расходимся”.

Сергей: “Вы как эти, как это называется... Как террористы, гы-гы-гы-гы”.

Андрей: “Будьте аккуратнее и не переборщите со спиртным”.

Денис: “По нам некому горевать. Тока ты, Леня, Машу-то предупреди”.

Сергей: “А что у них?”

Денис: “Явно шуры-муры, начинающиеся отношения”.

Сергей: “А! Ясно. Он ее еще и в неглиже сегодня видел, гы-гы-гы”.

Гебельс: “О! Зураб бы сказал, что обязан теперь жениться! Гы-гы-гы-гы”.

Я: “Да ну чего вы... Гы-гы”.

Все смеются, Сергей разливает остатки поровну. Выпиваем, закуски уже нет, Гебельс прячет стаканы за батарею, расходимся. Я зашел к Сергею, забрать у Маши свой чертополох, еще раз извинился за сегодняшнюю свою оплошность.

Не мог долго заснуть, все же волнуюсь...

63.

Рано утром сходил в лес за землей, посадил свое первое комнатное растение, занял одну из кастрюль. После ждал Гебельса с Денисом, вчера я подробно объяснил им, где искать мою квартиру.

Они пришли вечером, имеют явно довольный вид.

Гебельс: “Накрывай на стол, хорошие новости”.

Денис достал из-за пазухи начатую бутылку водки. Я по-быстрому набросал прикусить, сели, разлили, выпили.

Гебельс: “Ху-х. Короче, все получится”.

Денис: “Выгорит дельце!”

Гебельс: “Там в том тоннеле, что я говорил, где заборы вплотную, есть ворота. Между заводами идет железная дорога, рельсы, и по обе стороны в заборе есть большие ворота. Они железные”.

Денис: “Листовое железо”.

Гебельс: “Не самое твердое железо там, как нам показалось, попробуем его снизу подогнуть ломом. Сначала фомкой сделаем загиб, чтоб лом влез, а потом поднатужимся и должно получиться”.

Денис: “Голова пройдет – все пройдет, гы-гы”.

Гебельс: “Нам же много не надо гнуть, лишь бы пролезть самим. Там ворота относительно хиленькие, если сравнивать с забором и центральным входом, они не придали им значения. А тут мы, такие бандиты...”

Я: “Ночью полезем?”

Гебельс: “Зачем ночью, темно ведь, не увидишь ничего. Завтра выходной и будет только охрана. Мне кажется, там слабо вся территория охраняется, думаю, охрана есть только на центральных воротах, на КПП там сидят. Вряд ли охране уделяется очень большое значение, некому лезть: уроды не полезут, случаев с местными я тоже не слышал”.

Я: “Может надо придумать, что говорить, если словят?”

Денис: “Боится все-таки. Не дрейфь!”

Гебельс: “Что говорить... Из интереса залезли, да и все, хотели посмотреть. Со скуки!”

Денис: “От нехер делать!”

Гебельс: “А ты, если че, говори: не помню ничего, где работаю, где живу, ничего не знаю, про себя не помню...”

Денис: “Его тогда в уроды запишут и переквалифицируют. Гы-гы-гы-гы”.

Гебельс: “Он с ними уживется, он гуманист, гы-гы-гы. Ладно, шутки в сторону. Полезем ближе к вечеру, в шесть часов, до заката успеем посмотреть, а как стемнеет, пойдем назад. Только уже придется идти пешком, с инструментом”.

Я: “А доставить инструмент как?”

Денис: “Уже все там, припрятано неподалеку”.

Гебельс: “Наливай, Деня, для куражу, еще по одной и хватит”.

Выдвигаемся завтра в четыре часа (шестнадцать ноль ноль), они зайдут за мной. Потом час будем там осматриваться, все подготавливать и в шесть полезем. Волнуюсь...

64.

Гебельс и Денис пришли без пяти четыре, я был уже готов, ждал их. Сегодня, возможно, я узнаю нечто важное, или, в случае неудачи, моя экспедиция в Лабрум закончится.

Гебельс: “Ну что, террорист, готов?”

Я: “Вроде да”.

Денис: “Морально готов?”

Я: “Да”.

Гебельс: “Хорошо”.

Денис: “Подзаправимся”.

Достает из сумки бутылку водки.

Гебельс: “Ох, я уже девятый день не просыхаю...”

Денис: “Я больше”.

Гебельс: “Много не будем, и так уже с тобой неплохо похмелились”.

Денис наливает, выпиваем, наливает еще раз, опять выпиваем.

Гебельс: “Все, выдвигаемся”.

Поднимаемся из-за стола.

Гебельс: “Не, садимся, посидим на дорожку”.

Опять садимся.

Гебельс, спустя десять секунд: “Все, пошли”.

До завода доехали вместе на автобусе, потом разошлись, чтобы не кучей, и ходим осматриваемся, стараемся не привлекать внимания. Сейчас в центре практически никого нет, редкие местные, все уроды на окраинах – в пять у них вечерняя служба в храмах, Гебельс все неплохо подрасчитал. Огромнейший бетонный забор, зачем-то еще и колючая проволока сверху, неужто они думают, кому-то удастся залезть наверх... Вообще, из-за безлюдности мы тут наоборот можем привлечь внимание: шляются у завода трое. Не могу понять, почему Гебельс сказал, что я отличаюсь от местных, по-моему, я точно такой же обычный человек, а что касается внешнего вида, то их одежду ношу уже давно и алкогольный вид тоже успел приобрести, скорее всего, он имел в виду некоторые особенности поведения. Хожу у забора, мне стало казаться, что со стороны я дико подозрителен, хорошо нет никого поблизости, только редкие фигуры в удалении, нето бы этим волнением я себя выдал.

Гебельс, подкравшись сзади: “Оп! Ну как, шпион, врагов не видно на горизонте?”

Я, испугавшись, с дрожью в голосе: “Зачем же так пугать...”

Гебельс: “Адреналин играет, да? Гы-гы-гы”.

Я: “Есть немного”.

Гебельс: “Пойдем, тут все тихо. Даже слишком тихо, может надо было вчера отогнуть, а то сегодня любой шорох эхом разлетается. Пошли, Денис уже ковыряется там”.

Идем по коридору меж заборов, два высоченных забора по бокам, получается почти тоннель, в сочетании с колючей проволокой сверху это несколько даже давит на психику, у меня возникает некая боязнь заключения, тюрьмы. Вот весь Лабрум – такая тюрьма...

Проход не по прямой, а с заворотом, по окружности, поэтому в начале не видно, что происходит дальше, получается очень укромно. Замечаю Дениса, он ковыряет фомкой щель между листами железа на воротах. Они высокие, больше чем до половины забора, весьма массивные, из толстого листового железа. Между заборами от одних до других ворот идут рельсы с бетонными шпалами. Разговариваем вполголоса.

Денис: “Очень плотно...”

Гебельс: “Ты не сбоку ковыряй, а вот эту щель, горизонтальную, снизу”.

Денис: “Ага, хорошо. Там все тихо?”

Гебельс: “Тихо”.

Я: “Как же мы их сломаем, железо такое толстое...”

Гебельс: “Мы еще раздобыли домкрат. Выпросили с большими сложностями у Кирилюка”.

Денис: “Жлоб поганый. Зачем вам, зачем вам...”

Гебельс: “Сейчас надо хоть немного тут отогнуть, тогда упрям домкрат сюда и сюда, вот в эту шпалу и потихоньку будем гнуть”.

Денис: “О, схватился, ну-ка помогите, ну-ка подналяжем!”

Гебельс: “Тише ты, не кричи, дуралей. погоди, я лучше лом подсуну, тогда упрямся, фомка эта твоя согнется”.

Гебельс вставляет лом одним концом в щель, мы втроем упираемся и что есть мочи жмем.

Гебельс: “Еще, еще немного. Пошла, пошла родимая. Говорил я, что хиленькие воротца-то, вид только один”.

Удалось слегка подогнуть нижний лист железа, теперь Гебельс ставит домкрат под углом к воротам, упирая одним концом в шпалу, другим – в этот лист, и принимается работать рычагом.

Гебельс: “Сейчас мы их!”

Лист начинает гнуться, раздается скрип и треск, оттого что он трется о соседние листы и отрывается от креплений, шпала тоже начинает крошиться.

Денис: “Хоть бы не треснула она, надо было под домкрат подложить что-нибудь, доску какую, а то раскрошим...”

Гебельс: “Ничего не треснет, это же шпала, тут бетон усиленный”.

Денис, проявляя нетерпение: “Дай я, у тебя сил не хватает”.

Гебельс: “На, если тебе так хочется, покачай”.

Денис: “Ну-ка, ну-ка”.

Гебельс: “Ты, Кристоф, возьми пока пройдишь в одну, потом в другую сторону, глянь”.

Иду посмотреть. Серьезная у нас, конечно, затея, бандитская, шпионская, и причина сегодняшних событий во мне, что в определенном роде добавляет ответственности. Все тихо, со стороны откуда входили, на улице совсем никого не видно, сидят все по домам, выходной все-таки, а до конца забора со второй стороны я так и не дошел, через сто метров там наш забор переходит в другой, такой же бетонный, но несколько ниже и без колючей проволоки, может быть, это другой завод. Шума от нашей работы метрах в двадцати – тридцати уже почти не слышно, это хорошо, видимо звук сразу гасится о высокое препятствие. Мне, как и Денису, невтерпеж конечно, посмотреть что там за забором. Возвращаюсь.

Лист уже хорошенько отогнули.

Я: “Заглянуть уже можно?”

Гебельс: “Погляди, только аккуратно, чтоб домкрат не соскочил”.

Заглядываю, щель размером с голову, можно посмотреть, но там ничего не видно – темнота.

Я: “Темно. Там, наверное, еще одна стена, ничего ведь не видно”.

Гебельс: “Не, это вход в ангар какой-то или склад, вон, глянь там сверху – на окна похоже”.

Присмотрелся: так и есть, темный ангар с небольшими окнами или люками.

Гебельс: “Так, домкрат уже все, вылез на максимум, переставляем на следующую шпалу. Кристоф, не стой, будь на стреме, иди за обстановкой посматривай”.

Иду “стоять на стреме”. Получается так, что я нарушаю спокойствие Лабрума, Денис с Гебельсом раньше и не подумали бы лезть на этот завод, именно я, мое появление спровоцировало это. Сейчас Лабрум, при определенном взгляде, видится мне самостоятельным организмом, сложной системой, которая не требует вмешательства. Это как с природой: она вполне может существовать сама по себе, точнее для нее так даже лучше, естественнее, а человек вмешивается, нарушает ее, заставляет жить по установленным им законам, существовать в определенных местах и определенным образом, он изменяет под себя ландшафты, внедряется в экосистемы, воздействует на климат наконец. Природа страдает, терпит, страдает и в конце концов начинает умирать, только тогда до человека доходит и он спешно принимает меры для ее восстановления, потому что без нее ему тоже не жить. А надо было всего лишь не трогать ее, не надо пытаться ее приручить... Болит голова, мало выпил...

Когда вернулся к воротам, уже было почти готово, ребенок уже бы пролез в такое отверстие.

Гебельс: “Еще немного и полезем. Эх, террористы! Гы-гы-гы”.

Денис: “С собой надо взять фомку и молоток, мало ли что...”

Гебельс: “Отбиваться будешь? Гы-гы. Смотри, забьешь кого, тогда уж точно в урода переделают, будешь цветов бояться, гы-гы-гы”.

Денис: “Оп, оп, оп, э-э-э, готово! Я уже пролезу”.

Гебельс: “Пробуй”.

Денис снимает домкрат и пробует залезть. Смело лезет внутрь, но цепляется за острый угол загнутого листа штанами и дальше двигаться не может, кроме того, штаны рвутся.

Денис: “Епт, штаны порвал на жопе!”

Гебельс, отцепляя его штаны: “Тише, тише ты придурок. Оглядишь там. Что там есть?”

Денис скрылся в темноте, слышно как он там встал и, крадучись, ходит.

Гебельс, в дыру: “Ну что там?”

Денис, выглянув из дыры: “Нормально, можете лезть. Это большой ангар какой-то, он вроде пустой. Леонид, смотри штаны не порви, гы-гы”.

Сначала лезет Гебельс, потом, оглянувшись в обе стороны прохода и прислушавшись, влезаю я. Привыкнув к темноте, рассматриваю, куда мы попали. Узкий длинный ангар примыкает к воротам, по высоте он равен забору или чуть выше, сверху, под крышей есть небольшие окошки, но света сквозь них поступает крайне мало, они затемнены.

Денис, указывая вглубь ангара, куда-то в темноту: “Смотрите, это что за паровоз?”

Присматриваюсь, не могу разглядеть, вижу лишь прямоугольный силуэт на колесах.

Гебельс: “Это поезд, тягач. Понятно, этот ангар для поездов”.

Действительно, там дальше на рельсах стоит огромный локомотив. Не двигаемся и молча рассматриваем его вдалеке, не решаясь приблизиться.

Я, шепотом: “Тут точно никого нет?”

Денис, тоже шепотом: “Как будто никого”.

Идем ближе к локомотиву. Он огромен, в длину не менее двадцати метров, в ширину – около шести и столько же где-то в высоту, не представляю, сколько же вагонов он сможет потянуть разом... Рассмотреть его хорошо не удастся, потому что темно, я пощупал корпус рукой: шершавое холодное железо.

Гебельс: “Давайте искать дверь, выход”.

Денис: “Надо идти по рельсам, с той стороны тоже должны ворота быть”.

Гебельс: “Логично, пошли”.

Идем по рельсам, Денис первый, я последний. Шпалы достаточно высокие, в темноте неудобно их перешагивать. Мы уже здесь, проникли, спокойствие нарушено. Как ни старался, но все равно цепляюсь ногой за шпалу, а так как задумался, то не успеваю вовремя среагировать и падаю на рельсы, еще чуть – и врезался бы прямо лбом.

Гебельс: “Аккуратно ты, а то рельсы им тут сломаешь, гы-гы-гы”.

В конце ангара, как и предполагалось – такие же ворота, скорее всего, выход на территорию завода.

Денис: “И эти ломать будем?”

Гебельс: “Сразу тебе ломать... Вон дверь сбоку есть, роллетная”.

Денис: “Где, какая?”

Гебельс: “Вон, справа, роллетная, она гармошкой складывается вверх”.

Подходим, Гебельс осматривает ее, поддевает снизу фомкой и пытается поднять. Она начала двигаться, но очень скрипит, тогда он поднимает ее очень медленно, по чуть-чуть, снизу появляется щель, оттуда бьет дневной свет. Денис лег и смотрит наружу.

Денис: “Никого, кажись, не вижу, чисто”.

Гебельс: “Что там?”

Денис: “Территория, здания, пусто”.

Гебельс: “Я тогда до конца открываю”.

Денис: “Давай”.

Гебельс со скрипом и скрежетанием поднимает дверь. Выглядываем наружу. Слева и справа два длинных здания, таких же ангара или, может, склады, между ними проход, шириной, как наш ангар, около двадцати метров, он уходит в глубину территории завода, рельсы идут по нему дальше. Выходим, прислушиваемся. Тихо.

Гебельс: “Ну что, пойдём дальше?”

Денис: “Пошли”.

Гебельс: “Кристоф, ты головой там не ударился, чего молчишь?”

Я: “Вперед, раз пришли”.

Гебельс: “Идем вдоль стены, смотрите во все глаза и слушайте, чуть что – ложимся на землю, спрятаться тут негде”.

Крадемся, пригнувшись, вдоль стены правого здания.

Я: “Это, наверное, склады”.

Денис: “Наверняка”.

Гебельс: “Пока ничего интересного нет...”

Метров через сто пятьдесят впереди оказался поворот направо, промежуток между зданиями шириной в несколько метров, здание не сплошное, как нам показалось сначала. Повернув туда, сильно пригибаясь, проходим до конца здания, отсюда мы уже увидели основную территорию завода: большая асфальтированная площадка, морские контейнеры, подъемный кран на четырех ногах, грузовые автомобили в ряду, штук пятнадцать, какой-то металлолом в куче, что-то накрытое зеленым брезентом, похоже это техника, может быть тоже машины, а может какие-нибудь орудия, вдалеке виднеется главный вход и КПП, вроде как там есть движение, кто-то ходит.

Гебельс, шепотом, очень тихо: “На это открытое пространство пока не пойдем, пусть стемнеет, давайте пока в эти залезем, в склады”.

Возвращаемся в проход между зданиями. В них каждые несколько десятков метров есть либо ворота, либо двери, либо что-то наподобие люков. Гебельс выбирает одну из дверей, той же роллетной конструкции и потихоньку поднимает ее. Подняв до половины, он заглядывает внутрь.

Гебельс: “Ага, все ясно, это танки”.

Денис слегка отталкивает Гебельса, и мы с ним тоже смотрим, что же это за танки.

Денис: “Я таких никогда не видел, даже и на картинках”.

Я ничего подобного тоже никогда не видел. Этот склад существенно светлее ангара, отсюда эти огромные плоские машины в самом деле более всего похожи на танки. Несколько забыв об осторожности, входим и идем смотреть ближе.

Судя по тому, что есть элементы похожие на башню и пушку – это танк. Точнее танки, их тут много, больше сотни, одинаковые. Они поражают размерами, необычностью своей формы и конструкции. Танк очень широкий, длинный, но при этом низкий. Ширина – около семи метров, длина – около десяти, а высота не больше трех (это с башней, корпус и вовсе кажется плоским). Скругленные края и плавно скошенные вплотную к земле борта делают его похожим на огромную перевернутую тарелку или тазик. От земли до корпуса не больше десяти сантиметров, опустился на колени и заглянул снизу: две гусеницы метровой ширины по бокам. Поверхность корпуса и башни гладкая, блестит, можно даже сказать, что она идеально гладкая, до зеркального блеска, темно-серого цвета, составные части неразличимы, корпус словно выдавлен из одного сплошного листа железа, башня прикреплена с минимальным зазором, снизу его и не видно, пожалуй, там всего несколько миллиметров. На башне длинная тонкая пушка, длиной около шести метров, а толщиной не больше десяти сантиметров, по сравнению с габаритами самого танка, она выглядит как игла, думаю, стреляет не снарядами. По окружности башни, сверху идет нечто напоминающее паутину из тонких натянутых струн, они переплетены и прикрепляются к основанию ствола. Непонятно, где вход, корпус полностью гладкий, может быть, где-то на башне или снизу, под корпусом. И еще удивляет полное отсутствие пыли на корпусе, ведь он металлический...

Гебельс: “Обалдеть!”

Денис: “Вот это да! Технология... Машина...”

Я: “Где ж у него вход?”

Я пытаюсь залезть наверх, найти дверь, люк, но у меня не получается, соскальзываю.

Денис: “Давай подсажу”.

Он подтолкнул меня – и я кое-как заползаю выше. Люк есть, круглый, если это вообще люк, круг заподлицо с поверхностью, а зазор, обозначающий его край, практически незаметен: тоненькая полосочка, ручек и ничего такого нет, заметил только едва различимое углубление, размером с палец, у края круга.

Гебельс: “Ну что, есть дверь?”

Я: “Вот это, должно быть, но как открыть – непонятно”.

Гебельс: “Закрывается?”

Я: “Да”.

Денис: “Хочется, само собой, внутрь попасть. Надо в других посмотреть, может в других будет открыто”.

Денис идет к соседнему танку, карабкается на него.

Денис: “Э, подсадите, а то как по стеклу...”

Гебельс помогает ему.

Денис: “Не, тут тоже закрыто. И тут так плотно, может это и не дверь совсем”.

Я слез и осматриваю танк вокруг. Сказать, что я потрясен увиденным – ничего не сказать.

Денис проверяет еще несколько танков – безрезультатно.

Денис: “Бесполезно, не влезем. Жалко, интересно, как там внутри, какое оборудование. Охереть какая техника!”

Гебельс: “Военные заводы, военные, как и говорили... Вот и не верь слухам после этого”.

Денис: “Под низ не подлезть?”

Я: “Нет, слишком узко”.

Гебельс: “Скажите-ка мне, а где пыль? Танк-то явно железный... Где ж эта рыжая пыль от тумана?”

Денис: “Точно... Нет”.

Я: “Убирают, вероятно”.

Гебельс: “Ты ее не уберешь, это надо стоять и без остановки стряхивать”.

Денис: “А может, метал такой, специальный, необычный? К нему она не липнет”.

Гебельс: “Блестит знатно, ума не приложу, как можно так отполировать эдакую громадину”.

Я: “Полагаю, здесь, на складах есть какая-нибудь специальная система очистки, которая электризует, отталкивает пыль, что-то такое”.

Денис: “Не, наверное, это такой металл...”

Гебельс: “Пошли дальше, в другие склады, раз открыть люк не сможем – нечего задерживаться”.

Идем к выходу.

Я: “Пока ясно одно: это танковый завод”.

Денис: “Клепают наши уродики тут танчики”.

Гебельс: “Пушка какая, видали!”

Денис: “Слишком уж тонкая...”

Я: “Это какой-то другой принцип, по типу лазера или чего-то подобного”.

Гебельс: “Вряд ли для снарядов, слишком тонкая, при такой массе такие снарядики – нет, это другое”.

Денис: “Бластер, гы-гы, как в детстве”.

Я: “Можно фантазировать: плазма, нанопушка, энергетические заряды. Струны эти на башне ведь не зря”.

Выходим из склада, Гебельс закрывает дверь обратно, чтобы не оставлять следов.

Денис: “От ты, Леня, у себя там такого не увидел бы, что у нас есть. А еще говоришь страна отсталая...”

Идем по проходу вдоль стены уже левого здания. Гебельс пробует несколько дверей – ни одна пока не поддается.

Денис: “Спереть бы что-нибудь”.

Гебельс: “Танк сопри, гы-гы”.

Денис: “А между прочим, если таких парочку или штучек пять умыкнуть, то можно легким образом захватить в зоне власть, сделать вооруженный переворот”.

Гебельс: “Водить-то ты его сможешь, террорист?”

Денис: “Не дурные, разберемся”.

Гебельс, поддев фомкой очередную дверь: “Ага, вот эта должна пойти”.

Дверь поддается, он открывает ее до половины. Денис, не дожидаясь пока откроется полностью и не осмотревшись, сразу протискивается туда между нами.

Гебельс: “Ну подожди же ты, уже сунется сразу, осмелел. Проверь, что там!”

Денис останавливается, он еще не успел пролезть полностью, вглядывается и слушает.

Денис: “Тоже склад, тоже танки, только другие. Можно лезть”.

Гебельс открывает дверь до конца, мы входим. Склад приблизительно такого же размера, что и предыдущий, здесь также в ряд стоят танки, но другие, совершенно иной конструкции. Не плоские и круглые, а наоборот прямоугольные, шириной около четырех метров, высотой около трех и длиной где-то семь, по бокам с каждой стороны по три ленты гусениц, натянутых треугольником, поверхность корпуса не блестящая, а ребристая, состоящая как будто из небольших железных чешуек черного цвета. Башни нет, сверху расположено массивное дуло, метр в диаметре, оно наглухо прикреплено посередине и идет по всей длине корпуса, чуть выступая спереди, и немного поднято вверх, а что самое интересное: оно полая, то есть, если встать сзади, то сквозь него можно посмотреть; середину дула оплетает паутина из натянутой проволоки, концы которой прикреплены в начале и конце дула. Здесь тоже на танках нет рыжей пыли.

Денис: “Охо-хо! Ну и штуки у них тут”.

Гебельс: “Да уж... У этих калибр побольше”.

Я: “Как они вообще могут стрелять при полой дуле?”

Гебельс: “Как и те – не снарядами...”

Я: “Я думаю, это серьезное оружие, большой мощи”.

Гебельс: “Да уж конечно, с таким-то стволом”.

Денис: “А где тут у этого вход?”

Гебельс: “Поглядите, какая оболочка, по типу чешуи...”

Денис осматривает ближайший к нам танк, ищет вход.

Я: “Какая-то супер броня, видимо”.

Денис: “Во, похоже это вход”.

Сзади, на скошенном под углом борту, расположен довольно большой прямоугольный люк, и на нем с двух сторон есть ручки, слегка утопленные в корпус.

Денис: “Я попробую?”

Гебельс: “Давай!”

Денис, немного опасаясь, подходит и дергает за одну из ручек. К нашему удивлению, люк приоткрывается с одной стороны. Тогда он дергает за вторую ручку – люк приоткрывается и с другой стороны.

Гебельс: “Поднимай его теперь”.

Денис тянет за обе ручки сразу – люк открывается вверх.

Денис: “О!”

Гебельс: “Аккуратно, смотри, чтоб назад не упал, да не прибило”.

Люк при всей своей массивности открылся очень плавно, без малейшего скрипа, Денис не прилагал больших усилий.

Денис: “Готово, полезли устройство его изучать!”

Заходим внутрь, именно заходим, потому что проход высокий, стоит лишь слегка пригнуться. Внутри довольно просторно, стою почти во весь рост, кабина размером два на четыре метра, тут одно вращающееся кресло и много разных элементов управления: два больших монитора, джойстики, тумблеры, кнопки, микрофоны, табло, клавиатуры, индикаторы и подобное.

Денис: “Ну что, заводим и поперли, гы-гы”.

Гебельс: “Не трогай ничего!”

Денис: “А я вот на эту кнопку хочу нажать, во видишь, красная, под крышечкой, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Не смей трогать!”

Я: “Думаю, его не удастся завести, ведь тут куча электроники, она сразу же выйдет из строя из-за тумана”.

Денис: “Может, она специальная, как и металл...”

Я: “Скорее всего, их не заводят в зоне, а метал, судя по всему, обычный, просто должна быть система очистки воздуха. Обратите внимание, туман внутри склада гораздо менее плотный”.

Денис: “Ну ты ж пойми, техника должна быть специальной, как же она здесь будет работать?”

Я: “Не обязательно, что ее планируется использовать на территории зоны”.

Гебельс: “Целый танк мы один хрен брать не будем, гы-гы-гы, так что не спорьте”.

Я разглядываю пульт управления, нельзя сказать, что здесь суперсовременное оборудование, судя по механическим кнопкам, тумблерам, индикаторам, все это устаревшее, нет сенсоров, сканеров...

Денис уселся в кресло.

Гебельс: “Куда ты полез, идиот! Вылезай!”

Денис: “Чего ты, дай посидеть, почувствовать себя танкистом, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Мало ли что, вдруг что-нибудь сейчас включится, автоматика. Слазь!”

Денис: “Я аккуратно”.

Гебельс: “Слазь! И вообще, пошли отсюда, посмотрели – пошли дальше”.

Денис: “А изучить?”

Гебельс: “Что тебе изучать, что тебе понятно, ты разве разберешься тут? Пошли, а то потом стемнеет...”

Покидаем танк, Денис так же плавно закрывает дверь, в конце она не хлопает, а мягко возвращается на место, заподлицо с корпусом. Выходим из склада.

Денис: “Куда пойдём?”

Гебельс: “Дальше туда нет смысла идти, тут два этих здоровенных склада, а в конце вон виднеется тупик. Пошли назад, выйдем тогда там между зданий, во двор”.

Мы с Денисом поддержали план Гебельса.

Внимательно осмотрев территорию двора, перебегаем к ближайшему укрытию – сложенные деревянные ящики. Осматриваемся, отсюда все хорошо видно: прямо, вдалеке – КПП, там ходят охранники; слева – пять зданий в ряд, такие же склады как те, в которых мы были, но не настолько длинные; справа – большое здание, по форме оно как и склады, но больше и несколько выше, возле него припаркованы погрузчики, вплотную к нему подходят рельсы подъемного крана; и еще есть одно четырехэтажное здание – левее КПП.

Гебельс: “По двору мы, конечно, бегать не будем, там слева, наверное, тоже склады, надо двигаться вот к тому зданию справа, это смахивает на какой-то цех. Только спокойно, без лишних движений и шума – короткими перебежками, чтоб эти с КПП не заметили”.

Пробираемся к намеченной цели. У Дениса получается довольно ловко, я стараюсь тоже не отставать от него, а вот Гебельс сильно запыхивается и в перерывах никак не может отдышаться.

Денис, шепотом: “Старый больной алкоголик, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Хух-х-у-у-х, ух, х-у-у-х. Иди ты, х-у-у-х”.

Добежали до площадки, где брезентом накрыта какая-то техника. Денис задирает брезент и заглядывает под него.

Денис: “Тоже танки. Маленькие, на обычные похожи”.

Гебельс: “Ой, х-у-у-у-х, пф-ф-ф, ху-у. Посидим немного”.

Я приподнимаю брезент, чтобы посмотреть – он неожиданно оказывается очень тяжелым, сложно поднять его высоко, он не просто пластиковый или резиновый, а, по-видимому, с железным наполнением, металлизирован, похоже на толстую фольгу с текстильной оболочкой. Различаю танк с гусеницами, башней и пушкой, среднего размера, где-то три на пять на два метра, такое ощущение, что он не новый, уже использовался.

Из последнего укрытия выбираем ворота в здании, которые будем открывать, на них не видно замка, только засов, и делаем решающий рывок.

Денис, первым добрав до ворот, почему-то растерялся и просто стоит. Подбегает Гебельс и, запыхиваясь, пытается поднять засов, но ему не хватает сил. Тогда Денис спохватился и бросается ему помогать. Вместе им удается поднять засов, однако удержать они его уже не смогли – он падает и по инерции ударяется в створ ворот, удар получается звонкий, с эхом. Мы с Гебельсом приседаем на корточки, а Денис ложится лицом вниз и накрывает голову руками.

Гебельс: “Счас спалимся к ебням...”

Не вставая, он толкает массивную дверь (ворота раздвижные) – она немного сдвигается. Тогда я тоже упираюсь, и она, поскрипывая, сдвигается еще. Гебельс

заглядывает внутрь, потом машет мне рукой, что можно входить. Денис все также лежит лицом вниз.

Гебельс: “Эй, дебил, вставай, тебя что, контузило?!”

Он встает и забегает к нам, Гебельс тут же закрывает за ним ворота.

Гебельс: “Че ты там разлегся, гы-гы-гы”.

Денис: “Я подумал, нас заметили...”

Гебельс: “Заметили – так надо лежать? Каб заметили, то надо было бы бежать, гы-гы”.

Осматриваемся. Это похоже на огромный сборочный цех. Здесь много деталей, механизмов, составных частей танков разной конструкции: корпуса, башни, стволы, ходовые части, гусеницы. Повсюду лебедки, погрузчики, станки, различный инструмент. В отличие от складов пыль на металлических частях тут присутствует, правда слой тонкий, совсем мало. Также замечаю на столах электронную начинку, узлы, модули, но все они герметично запакованы прозрачной пленкой.

Гебельс: “Вот тут они их собирают”.

Денис: “Вкалывают уроды наши”.

Я: “Мне кажется, это завод по сборке. Там – все склады, вот тут – цеха по сборке, а литейного производства не видно”.

Денис: “Русские танки?”

Я: “Очевидно, да”.

Гебельс: “Чьи же еще...”

Денис: “Тут-то я определенно что-нибудь стяну”.

Идем по цеху, Денис присматривается, что бы ему стащить.

Денис: “Так, это тяжелое, не донесу, так, ключи мне без надобности, отвертки тоже, так, электроинструмент... Пила не надо, шуруповерт не надо, о, дрель возьму, пожалуй”.

Гебельс: “Тяжелая, не допрешь и без сумки нести неудобно будет”.

Денис: “Что тут нести, донесу”.

Гебельс: “Ну смотри. Не знаю только, зачем она тебе сдалась, в Центральном ведь дрели привозят, если закажешь”.

Денис: “Это не такая, это посмотри какая крутая, такую тебе не привезут”.

Гебельс: “Возьми ты лучше вот этот болт, просто на память и все, гы-гы-гы”.

Денис: “Ничего себе болтик, да он небось больше этой дрели весит, гы-гы”.

Гебельс: “О, гляньте, а это что за пистолет?”

На одном из железных столов лежит среди прочего некий электроинструмент, размером с Денисову дрель, и похож он тоже на дрель или шуруповерт, но вместо сверла у него железная трубка длиной десять сантиметров, у основания которой паутина из натянутой тонкой проволоки, так же как на дулах тех танков, только в меньшем масштабе.

Я: “Как на дулах тех двух танков...”

Гебельс: “Это бластер, как в кино, гы-гы-гы”.

Денис: “Ну-ка, дайте-ка я посмотрю”.

Гебельс: “Аккуратно, а то еще взорвется, гы-гы”.

Денис берет инструмент в руки, рассматривает, тянет за провод питания – вилка отключена.

Денис: “Надо попробовать включить”.

Гебельс: “Уверен? Не хватало, чтоб ты еще тут этим застрелился...”

Денис: “Вот розетка”.

Он включает штепсель в розетку, направляет “бластер” в сторону, жмет курок – ничего.

Денис: “Не работает...”

Гебельс: “Может электричества нет”.

Денис берет свою дрель, включает в соседнюю розетку, жмет курок – ничего.

Денис: “Да, нет. Надо рубильник искать”.

Гебельс: “Бери домой, там и проверишь”.

Денис: “И правда, зафиг та дрель, возьму лучше эту штуку”.

Ходим по цеху, рассматриваем. Замечаю еще несколько таких же “бластеров”, но других необычных устройств вроде не видно, все самое простое, остальной электроинструмент простейших конструкций.

Я: “Вы заметили, что нигде нет ни одной надписи, таблички или указателя?”

Денис: “Как и во всем городе. Много ты указателей в городе видел?”

Гебельс: “Над главным входом завода есть шильда, там просто указан номер, больше ничего”.

Я: “Какой номер?”

Гебельс: “Не помню, то ли тридцать восемь, то ли тридцать шесть, или там три с буквами. Не помню”.

Денис: “Какая разница...”

Гебельс: “Зря водки не взяли с собой, я чего-то начинаю уже выдыхаться”.

Денис: “Старый больной еврей, гы-гы”.

Гебельс: “Где ты тут еврея видишь, идиот!”

Денис: “Алкаш...”

Гебельс: “Я тебе сейчас вот этим ключом на тридцать два как засандалю!”

Денис: “Тише, тише, у меня тут рядом лежит побольше, на пятьдесят, гы-гы”.

Побродив по цеху, выходим. Очень жаль, что нет фото- или видеотехники, сложно описать словами все увиденное, кое-что крайне необходимо было бы запечатлеть.

Денис: “Куда дальше? В следующий цех?”

Гебельс: “Чего туда лезть, он, верно, такой же будет”.

Денис: “Тогда в те склады”.

Гебельс: “Не. Надо вон то здание проверить, видишь, левее КПП, ближе к складам, как жилое, четырехэтажное”.

Денис: “Угу, вижу. А что там будет? И оно довольно близко к охране...”

Гебельс: “Думаю, контора у них там, офис”.

Денис: “Далеко отсюда”.

Гебельс: “Пойдем по кругу. Вернемся так же, как пришли сюда, потом там налево к складам, потом перебежками, а от последнего склада стартанем что есть духу до здания”.

До последнего склада добирались долго, получился большой круг, и постоянно приходилось ждать Гебельса, он всю дорогу отставал. До здания остался последний рывок, это где-то пятьдесят метров открытого пространства. Плохо то, что КПП отсюда хорошо просматривается, соответственно и мы будем как на ладони.

Гебельс: “Х-у-у-у-х, кхе-кхе-кхе. Видите, кхе-кхе-кхе на КПП они по очереди выходят и прохаживаются туда-сюда у ворот. Так вот когда, кхе-кхе-кхе, они будут меняться, один зашел, а второй еще не вышел – бежим пулей к зданию”.

Денис: “Добежишь хоть?”

Гебельс: “Добегу, не боись. Кристоф, готов?”

Я: “Да”.

Выжидаем момент. Вот вышел один из них, дошел до ворот, идет в конец. Разворачивается, идет назад. Дошел, стал, стоит.

Гебельс: “Счас еще раз туда-назад, и вернется в сторожку”.

Когда он опять дошел до конца ворот и развернулся, получился к нам спиной – мы стартуем. Пока он дойдет до сторожки и сменится со вторым – должны успеть.

Мы с Денисом вырвались вперед, Гебельс отстает. Я бегу со всех ног, смотрю на охранника, он еще не зашел внутрь, стоит ему обернуться и он тут же нас заметит. Сердце бешено колотится, но стараюсь не дышать громко, поэтому не хватает воздуха, задыхаюсь, ничего, надо потерпеть, выжимаю все силы. Вот уже охранник скоро войдет, будут меняться, но я почти у цели, бегу первым, не оборачиваюсь. Я успею, однако позади еще Денис с Гебельсом. Добежал, страшно запыхался, давит в груди. Жму ручку двери, она, к счастью, не заперта, приоткрываю и слушаю. С топотом и сопением подбегает Денис.

Денис, шепотом, задыхаясь: “Ну что, никого?”

Я, задыхаясь еще больше: “Не знаю”.

Слушаем вместе, потом Денис открывает дверь и заглядывает.

Денис: “Пошли”.

Входим. Вспоминаю про Гебельса, оборачиваюсь: он еще бежит. Ему тяжело даются последние метры, видно, что силы совсем на исходе. Выглядываю в сторону охраны: никого нет, значит, первый вошел и они меняются, вот-вот выйдет второй.

Денис: “Ну давай, давай, старпер ты гребаный”.

У Гебельса начинают заплетаться ноги, хоть бы не упал.

Денис: “Ну, ну. Сейчас же второй выйдет...”

Гебельс забегает внутрь и тут же падает на пол, тяжело дышит, сопит, кашляет.

Гебельс: “Ху-ху-ху-хе-хе-хе. Кхе-э-э-э-кхе-э-э-э-кхе. Я счас сдохну!”

Денис, шепотом: “Тише, не сопи как паровоз, мы ж еще не знаем, может тут кто есть”.

Закрывая дверь, я замечаю, что как раз вышел второй постовой, Гебельс еле успел... Пока он лежит на спине и пытается отдышаться, мы отправляемся проверять здание.

Денис: “Заметил вывеску над входом?”

Я: “Нет”.

Денис: “Танковый завод номер три сб”.

Идем от входа по длинному, узкому коридору. Он выводит нас в большое помещение с серой кафельной плиткой на полу. Скорее всего, это гардероб, потому что тут рядами стоят шкафчики и лавочки.

Денис: “Ясно, это они тут переодеваются. А вон там – типа душ. Пошли на второй этаж. Где тут лестница?”

Находим лестницу, поднимаемся выше. На втором этаже точно такой же гардероб, не меньше полусотни шкафчиков. Поднимаемся на третий – и тут гардероб.

Денис: “Ну-ка я проверю, можа они не запирают их”.

Пробует открыть несколько шкафчиков – они заперты.

Денис: “От козлы, ханурики, бояться, чтоб трусы ихние не сперли”.

Я ощутил сильную слабость в ногах, видимо, перестал действовать адреналин и меня разморило, присаживаюсь на лавочку.

Я: “Отдохнем”.

Денис тоже садится.

Денис: “Ничего здесь интересного, только если шкафчик взломать, хотя и там ничего толкового не будет, кроме вонючих носков и труселей ихних”.

И тут вдруг я слышу шаркающие шаги по лестнице. Даю знак Денису, мне кажется, что идут сверху. Что делать, прятаться?

Денис, шепотом: “Это ж Гебельс, наверно”.

Я: “Вроде сверху...”

Мы прячемся за шкафчики и замираем.

Голос Гебельса: “Э, вы где тут делись? Ху-ху-кхе-кхе”.

Денис: “Тьфу ты, напугал нас!”

Гебельс: “Напугал... Сами кинули меня там, сами и пугаются”.

Денис: “Мы думали, ты сдох, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Слушай, ты у меня дошутишься, я тебе голову откручу за такие шутки!”

Я: “Тише, еще ведь один этаж есть”.

Гебельс: “Что у них здесь, раздевалки?”

Я: “Похоже”.

Гебельс: “Идем на четвертый”.

Поднимаемся на четвертый. Гебельс идет первым, не опасаясь, смело, шаркает ногами, то ли ему все надоело, то ли от усталости на все стало наплевать.

А вот на четвертом уже не гардеробы, здесь, должно быть, кабинеты.

Гебельс: “Это офис, вишь, кабинеты”.

На дверях никаких табличек или номеров нет. Денис пробует открыть несколько из них – заперто.

Денис: “Ломаем?”

Гебельс: “Ломай!”

Денис пытается вышибить одну из дверей плечом – не получается, бьет несколько раз ногой по замку – ничего.

Гебельс: “Головой, головой давай!”

Денис: “Твоей могу, гы-гы”.

Денис разбегается и сильно бьет ногой в дверь, еще раз разгоняется и еще раз бьет, еще раз – и дверь распаивается.

Гебельс: “Могешь!”

Входим. Это действительно кабинет, по всей видимости, какого-то начальника или инженера. По центру – длинный стол, на нем всякие бумаги, проекты, чертежи, линейки, циркули, карандаши, у стен – стеллажи с папками, огромное количество папок разных цветов с надписями и номерами. Одна из стен свободна и на ней висит большой чертеж – схема, конструкция танка в разрезе.

Гебельс: “Инженер... Кристоф, погляди бумаги, может разберешься”.

Просматриваю бумаги, это чисто технические документы: расчеты, отчеты, спецификации, пояснения, заключения и тому подобное. На чертежах – детали, механизмы, составные части танков.

Денис: “О, глянь, книга есть”.

Денис берет со стола книгу, листает ее.

Денис: “Э-э, по-иностранному, на английском. Леонид, ты по-английски должен понимать”.

Книга тоже техническая, пробегаю глазами: что-то об убойной силе и дальности стрельбы, формулы, графики, таблицы, как проводить расчеты.

Я: “Техническая, про орудия танков”.

Денис роется на полках, листает другие книги.

Денис: “Все про технику, формулы, формулы, схемы. Сереге бы какую книженцию взять, но такие ему сто лет не надо”.

Гебельс: “Я, пожалуй, возьму один чертежник, на память, гы-гы”.

Денис: “Интересно, а этот инженер – тоже урод?”

Гебельс: “Вряд ли, они на такой умственный труд не способны”.

Я: “Скорее всего, тут ничего не проектируется, приходят готовые чертежи и инструкции с указаниями. Вот видите, возьмите любой документ, схему: каждое действие подробно расписано, по пунктам, очень развернуто”.

Денис: “Конечно, надо расписывать, они ж дурные”.

Гебельс, листая документы: “Сборка...”

Денис: “Еще будем вскрывать кабинеты?”

Гебельс: “Оно-то и интересно, но и не хочется полный кавардак оставлять, чтоб потом панику они не подняли, тревогу...”

Денис: “Да ладно, хер на них!”

Гебельс: “Давай еще в один – и все”.

Выходим. Денис наугад выбирает одну из дверей и ломает тем же способом. Смотрим, в кабинете практически то же самое: документы, схемы, стеллажи, на стене тоже большой чертеж танка, но конструкция явно другая.

Гебельс: “Все, в остальных такое же будет, хватит, можно уходить. Пора рвать отсюда когти”.

Денис: “Может, еще пару шкафчиков в раздевалках вскроем?”

Гебельс: “Ну что там кроме уродского шмотья будет? Все, даем деру”.

Спускаемся. Я согласен с Гебельсом, что пора бы уже и уходить, основное видели, досконально тут все равно не изучишь и не запомнишь, а задержимся – мало ли у охраны в определенное время будет обход... На первом этаже, в коридоре, уже по пути к выходу, Денис машинально жмет ручку двери (широкая распашная дверь, единственная в коридоре), на которую мы сразу не обратили внимания, и она оказывается не запертой. Он толкает ее – обе половины распахиваются. Мы видим большое, просторное помещение с высокими потолками, здесь стоят ряды складных кресел, есть сцена с занавесом, общий вид интерьера несколько торжественный.

Гебельс: “Актный зал. Видишь: украшено, ленточки-фонарики”.

Денис: “Концерты, поди, тут устраивают сами себе, поют и выступают, придурки”.

Входим и сразу обращаем внимание на заднюю стену. На ней в три ряда нарисованы огромные портреты с подписью (имя, фамилия, отчество), они занимают всю ее высоту и почти всю ширину, люди изображены по пояс, высота портрета – с человеческий рост.

Денис: “Ого! Как это называлось, это, как его?”

Гебельс: “Доска почета, выдающиеся работники”.

Денис: “Да, точно. Лучшие уроды среди уродов, гы-гы-гы”.

Вероятно, на портретах работники завода, уроды, мужчины и женщины.

Рассматриваю их. Никто не улыбается, у всех строгий серьезный вид, каменное выражение лица. Портреты написаны прямо на стене, краской и кистью, не очень талантливым художником, заметно, что некоторые портреты закрывают другие, то есть новые нарисованы поверх старых. Вдруг мой взгляд цепляется за одно из этих одинаковых лиц. Мужчина на портрете мне кажется знакомым, пытаюсь вспомнить, где я мог его видеть.

Денис: “Ну и женщины у них страшные, аж передергивает, тьфу”.

Гебельс: “Зато работающие, гы-гы. Вот взял бы себе одну такую в жены – горя бы не знал, подумай! Гы-гы-гы-гы”.

Я: “А вот тот мужчина мне кого-то напоминает, как будто я его знаю...”

Денис: “Какой?”

Я: “Вон тот, средний ряд, четвертый справа”.

Денис: “Не, не знаю. А ты что, с уродами тоже дружбу водишь?”

Я: “Просто лицо кажется знакомым”.

Денис: “Уроды – они все на одно лицо, дебилы всегда между собой похожи”.

Я думаю, вспоминаю ситуации, когда я сталкивался с уродами.

Денис: “Не могу я глядеть на эти портреты – противно”.

Кажется, я вспомнил...

Я: “А это не тот урод, который тогда “завис”, вы его отлупили, и мы потом к нему домой ходили?”

Гебельс с Денисом смотрят на портрет.

Гебельс: “Четвертый справа?”

Я: “Да, средний ряд”.

Денис: “Нет, вроде не тот”.

Гебельс: “Я хорошо не помню...”

Денис: “Они ж одинаковые, это все равно что одну обезьяну от второй отличить”.

Я: “Как его звали, он же представился. Э-э-э, ши-, ши-, Ширин, его фамилия была Ширин, точно. Смотрите – и этот Ширин!”

Гебельс: “Кажись, Ширин тот был”.

Я: “И звали его, по-моему, Иван Степанович”.

Денис: “Гхм...”

Гебельс: “Иван Степанович...”

Я: “Точно, это он!”

Гебельс: “Наверно и правда он”.

Денис: “Ну и что, какая разница, он или не он”.

Гебельс: “Ты смотри, в почете, а у самого башка глючит”.

Я: “Интересное совпадение”.

Испытываю чувство, сходное с тем, когда встречаешь родственника или друга после длительного расставания, не знаю, почему оно возникло, ведь он всего лишь один из множества уродов. Получается, его не выгнали с работы, это тоже меня отчего-то радует.

Денис: “Что интересного в этом? Урод и урод... Вот давайте ему портрет грязью замажем или, скажем, говном, вот тогда будет интересно, гы-гы-гы, будет сюжет, чтоб его поперли с треском и он повесился после этого”.

Гебельс: “Говном замажем, гы-гы-гы, во дает... Ты, Денис, выбирай выражения, а то можешь оскорбить гуманистические чувства Кристофа, гы-гы-гы-гы”.

Я: “Просто совпадение...”

Гебельс: “Хорош, поглядели – пошли, пора”.

Денис: “Знаете что, мы сегодня тут им никакого паскудства не сделали. Надо что-нибудь уделать им, вред нанести этим скотам”.

Гебельс: “Ну ладно, уговорил: сри да мажь! Гы-гы-гы-гы”.

Денис: “Не, надо что-нибудь утворить. Поджечь кабинет один...”

Гебельс: “Ну и придурок же ты, точно такой же дебил, как эти на портретах. Я твержу, что не надо следов оставлять, чтоб кипеша сильного не было, а он кабинет предлагает поджечь”.

Денис: “Как узнают, что это мы? Никак они нас не найдут”.

Гебельс: “Все, не хочешь срать – пошли, гы-гы-гы”.

Я: “Думаю, будет разбирательство и из-за сломанных дверей”.

Денис: “Можем по ложному следу пустить. Например, взять и этого твоего Ширина обвести кругом или вот к этой тетке стрелку нарисовать – пусть думают, расследуют”.

Гебельс: “Ты, Шерлок Холмс хренов. Давайте, короче все, уходим по-тихому, пока нас не зажопили тут. Ты если такой диверсант – придешь сам и можешь тогда хоть ломать, хоть жечь, хоть на стены гадить, что хочешь”.

Денис: “Все ясно с вами...”

Уходим. Так же спринтерски бежим до складов, долго ждем, пока Гебельс отдышится. Потом перебежками, потом по проходу до ангара, периодически останавливаясь для передышки. Гебельс за сегодня очень устал, у него кружится голова и ему становится плохо, в ангаре в этот раз он зацепился за шпалу и упал, разодрав руки до крови. Железо на воротах пригнуть обратно не получилось, так как лист загнут внутрь, поэтому домкратом или ломом это не сделаешь, а руками – не хватило сил. Домой уходим по одному, выждав по десять минут, Денис первый, я второй, Гебельс последний. Дошел до квартиры я только к полпервому ночи, уже совсем не осталось сил обдумывать увиденное.

65.

Записал события вчерашнего похода, операции на лучшую бумагу, что у меня была.

Слухи, которые ходили среди местных, подтвердились – завод военный. И что-то мне подсказывает, что в отношении остальных заводов догадки тоже подтвердятся, вероятнее всего, все они военного назначения.

Мы увидели на складах завода современное, новое, технологичное вооружение. Производится оно тут, надо полагать, русским военным руководством, все документы и чертежи были по-русски. Таким образом, Объединенная Русь нарушает достигнутые ранее в мире договоренности о прекращении наращивания вооружения и военной мощи. На

вооружении западных стран нет современного оружия, все то, что используется, по уровню технологий соответствует началу двадцать первого века и предназначается только для обороны. Могу почти уверенно сказать, что Германия соблюдает эти соглашения в полной мере, поскольку данная проблема была темой моей диссертации, при этом не исключаю, что в других странах могут проводиться какие-то разработки, присутствовать нарушения, однако не настолько, не в таких масштабах, как это делает ОР. Даже одного такого завода хватило бы для предъявления ультиматума, а здесь, по-видимому, создан целый военно-промышленный комплекс. Правительство ОР вероломно воспользовалось ситуацией, объявление территории Лабрума закрытой зоной отчуждения сыграло им на руку, потому что над зоной не ведется контроля, не производится разведка (очевидно, из-за тумана).

К чему это может привести? К разрушительному противостоянию, тем же событиям, которые не так давно в очередной раз поставили мир на грань всеобщей ядерной войны, едва не вылились в конец земного существования человечества. Тогда не хватило всего полшага, одного неосторожного действия, и хорошо, что все же удалось договориться, проявить здравый смысл, одуматься. Вот уже много лет политические конфликты решались исключительно в сфере экономики, что, конечно, тоже приносило различные потрясения, но не было столь опасным.

Повторюсь, на складах хранится современное оружие, эти танки представляют собой новые разработки, ничего подобного я ранее не видел, для стрельбы в них используются не снаряды, а гораздо более совершенные и, вероятно, более мощные источники энергии.

Неясным остается тот факт, почему на территории Лабрума отсутствует серьезный контроль. При наличии здесь секретного военного производства, логично было бы видеть жесткую, тотальную систему охраны и контроля. Среди местного населения царит нечто подобное анархии, заводы охраняются плохо, можно сказать, практически не охраняются, нам не составило особого труда туда проникнуть и посмотреть все, что хочется. Хотя, если учесть, что границы Лабрума охраняются очень хорошо, то при утечке информации с завода, она все равно не попадет за пределы зоны, а использовать технику, в случае кражи, местные тоже не смогут. Наверное, ставка сделана на это, посему незачем держать большой штат охраны, ведь чем больше людей, тем больше риск появления предателя.

Кроме того, не могу поверить, что за пределами Лабрума нет никакой информации о том, что здесь происходит, не верю, что только я видел эти танки... Неужели руководство Альянса столь наивно, слепо доверяет и совершенно не допускает мысли о возможном использовании зоны для своих нужд руководством ОР. Абсолютно ясно [...] в совокупности, последствия

[...]

Гебельс: “Здорово, Кристоф, проходи. Мы как обычно пьянствуем тут в закутке”.

Денис: “Ну ты как?”

Я: “В порядке”.

Сергей: “Мне они кое-что уже рассказали”.

Денис: “Что, жалеешь, жалеешь, что с нами не пошел?”

Сергей: “Нет, не в этом дело. Кристоф, что скажешь?”

Я: “Военное производство, современные высокие технологии”.

Денис, шепотом: “Ты словами не разбрасывайся, тише, а то мало ли... Знаешь такую поговорку: и у стен есть уши? Гы-гы. Шучу, не волнуйся Леня, гы-гы-гы”.

Андрей: “Да, ребята, ну вы и дали...”

Денис: “Не знаю как вы, а я собой горжусь!”

Гебельс: “Смотри не тресни от умиления”.

Андрей: “И что теперь?”

Денис: “В смысле?”

Андрей: “Ну что теперь делать?”

Денис: “Не понимаю...”

Гебельс: “Что ты имеешь в виду?”

Андрей: “Ну жить как?”

Сергей: “А что, по-другому надо? Точно так же. Ты ведь слухи эти и сам слышал”.

Гебельс: “Догадывались все”.

Андрей: “Просто для нас, для детей это может быть опасно. Все-таки это оружие!”

Денис: “Живи ты, Андрюха, как жил. Штампуйте вы с Аннушкой детишек дальше, ничего в твоей жизни не поменяется. Тебе-то что?”

Андрей: “Соседство с оружием, тем более суперсовременным – опасно”.

Гебельс: “Кстати, у нас же есть интересная штука!”

Денис: “Точно!”

Гебельс: “Доставай. Это как раз Андрюхе будет интересно”.

Денис роется в сумке, достает сначала бумажный сверток.

Денис: “Так, это вот тебе, Серега”.

Гебельс: “Это от меня, чертеж, я взял, а мне он нафиг не нужен, хочешь – в библиотеку положи, нет – выкинь”.

Сергей: “Спасибо”.

Денис: “А это вот мегабластер!”

Достаёт и демонстрирует устройство, которое взяли вчера на заводе в цеху.

Андрей: “Горелка какая-то?”

Денис: “Сам ты горелка, тебе же говорят – бластер! Гы-гы-гы”.

Андрей: “Дрель?”

Гебельс: “Надо его проверить, Серега, Илонка дома?”

Сергей: “К Маше пошла”.

Гебельс: “Тогда давай к тебе – проверим”.

Сергей: “Пошли”.

Поднялись все вместе к Сергею. Сначала хорошенько рассмотрели конструкцию этого устройства, каждый подержал в руках, потом Гебельс забрал его у Дениса и с опаской, осторожно включил штепсель в розетку. Оно загудело, паутина нитей на дуле слегка как бы накалилась – горит голубым свечением.

Денис: “Жми!”

Гебельс: “Куда жать, сча как бахнет – полдома разворотит! Мы ж не знаем, как оно действует...”

Денис: “В железное что-нибудь надо пальнуть. Серега, железо есть?”

Сергей: “Кастрюля, но алюминиевая”.

Денис: “Давай”.

Гебельс: “Мужики, я боюсь”.

Андрей: “Смотрите, около нее туман сгустился”.

Денис: “Ага, притягивает”.

Гебельс: “Епт, у меня руки трясутся. Денис, вырубай вилку!”

Денис: “Дай сюда! Ему помирать скоро, а он всего боится”.

Забирает у Гебельса устройство.

Денис: “Я жму на курок...”

Мы немного отходим. Он положил кастрюлю на пол, направил в нее дуло и нажал на курок. Мы все ждали выстрела, поэтому сжались и прищурились, но его не последовало, в момент нажатия из дула появилось пламя синего цвета. Даже это не пламя, а как будто что-то такое жидкое, мерцающее, длиной сантиметров десять, острое на конце.

Андрей: “Я же говорил – горелка”.

Сергей: “Это не огонь...”

Андрей: “Плазма”.

Сергей: “И не плазма. Ты вспомни, разве в твоём сварочном аппарате такая плазма?”

Денис опять жмет курок, мы рассматриваем струю.

Денис: “Оно, посмотрите, вроде как жидкое, как переливается”.

Андрей: “Не, плазменная горелка не такая”.

Денис: “А ну-ка”.

Касается струей дна кастрюли – оно тут же прожигается, мгновенно получается дырка.

Денис: “Во!”

Гебельс: “Серьезная штука!”

Денис ведет струей по кастрюле, прорезает ее, это получается очень легко, но никакого шума, шипения или дыма нет, слышно только слабое гудение. Он без труда разрезал кастрюлю на две половины.

Денис: “Как по маслу!”

Гебельс: “Кастрюле хана, гы-гы-гы”.

Денис: “А сюда если?”

Он направляет струю в стену. Чуть усиливается гул – и у нас на глазах появляется ровное отверстие, бетон крошится, отваливается, осыпается песком.

Сергей: “Куда ты, стену испортил, обои...”

Денис убирает “бластер”, мы рассматриваем отверстие. Оно идеально ровное, обугленности или оплавления нет, я трогаю пальцем бетон рядом с ним – холодный.

Сергей, ковыряя пальцем отверстие: “Дыру пропалил в стене, меня Илона прибьет!”

Денис: “Для эксперимента! Не жлобься”.

Гебельс: “Ну что, Кристоф, у вас там такое есть?”

Я: “Ничего подобного и близко не видел”.

Гебельс: “Денис, выключай и прячь его, а то еще чего доброго в голове себе дырку сделаешь, гы-гы. Будет как в том кино: “сделаешь дырочку – потом не запломбируешь”, гы-гы-гы-гы”.

Денис вытягивает штепсель из розетки и сматывает провод.

Андрей: “Классная штука”.

Денис: “Этого не боишься?”

Андрей: “Это ведь не оружие, а инструмент”.

Денис: “А мы тебе говорили с нами идти, прихватил бы и себе такую штучку”.

Гебельс: “Дай-ка я посмотрю поближе”.

Берет у Дениса “бластер”, рассматривает.

Гебельс: “Я вот что думаю, Денис свой бластер подарит Андрею. На, Андрюха, тебе нужнее”.

Отдает инструмент Андрею. Денис схватился за провод и тянет на себя – хочет забрать.

Денис: “Эй, э-э-э, этой мой!”

Гебельс отталкивает его.

Гебельс: “Тебе, такому придурку, дай – натворишь делов, точно с дыркой в башке ходить будешь. Он будет у Андрея, если сильно так уж понадобится, возьмешь потом попользоваться, но счас я тебе его не дам. Андрей, забирай, не смотри”.

Андрей: “Спасибо”.

Гебельс: “Только аккуратно, изучи сначала”.

Денис: “Скотина ты, Гебельс, чмо!”

Гебельс: “Я для тебя же лучше сделал, ты ж дите еще”.

Денис насупился, надулся и молчит – обиделся.

Сергей опять рассматривает и ковыряет отверстие.

Сергей: “Ровненькая, кругленькая...”

Гебельс: “Картину повесишь, гы-гы-гы”.

Сергей: “Низковато для картины будет”.

Гебельс: “Не проблема, хочешь – еще одну пропалим! Гы-гы-гы-гы”.

Сергей: “Нет уж, и так получу. И я врать не буду, скажу как есть”.

Гебельс: “Илонке можно, она своя”.

Я: “Не могу даже предположить, что это за технология...”

Сергей: “Костику надо показать, может он что знает”.

Спускаемся вниз, будем выпивать и играть в карты. Андрей очень доволен приобретением, рассматривает его. Денис ушел домой.

Гебельс: “Я что, не прав?”

Сергей: “Прав, я и сам хотел забрать у него”.

[...]

67.

Сегодня в продовольственном встретил Машу. Завтра иду к ней в гости.

68.

Не знаю, что на меня такое нашло, но сегодня я как-то особенно тщательно собираюсь в гости. Начисто побрился, хорошенько вымылся, насколько это возможно сделать в подвале, вообще конечно, это не мытье: поплюхал, поплюхал, растер, растер и все – хочется уже наконец нормально принять душ, по-человечески, но старался, усиленно тер и драл себя мочалкой. Не помню, видел ли в хозяйственном зубную щетку и пасту, надо посмотреть в следующий раз, а то запустил себя тут в плане гигиены... Почистил одежду, вымыл ботинки, одежда очень пропиталась запахом зоны, этим металлическим оттенком,

вероятно, от тумана. Жаль, не взял в хозяйственном дезодорант, туалетную воду, там было даже несколько, на выбор. Вроде как буду первый раз в доме, надо было бы, может, что-то с собой взять, типа торт или что... Не, что-то я уже слишком даже волнуюсь.

Эта колючка, что тогда нашли с Машей, нормально прижилась, цветет. Я пересадил ее в кувшин, в кастрюле выглядело неэстетично, так как окна у меня полностью закрыты, то на кухне теперь свет совсем не выключаю, надо же ей как-то расти. И в самом деле стало гораздо приятнее зайти на кухню, хоть что-то есть живое.

Договорились, что я приду к Маше в шесть. Она живет чуть дальше дома Сергея, ближе туда к храму уродов. Иду, хорошее настроение, и на туман мне наплевать, и на уродов, и на политику, хм, на все наплевать.

У дома Маши я без пяти шесть, она живет на третьем этаже, поднимаюсь. Дом такой же планировки, как и мой, двенадцатиэтажный, квартира располагается так же, как у меня, значит, будет трехкомнатной. Стучу в дверь.

Я: “Хозяева дома?”

Маша: “Проходи, Кристоф”.

Маша встречает меня в красивом голубом платье, оно легкое и правильно подчеркивает фигуру, очень ей идет.

Я: “Привет! Отлично выглядишь”.

Маша немного смущается, рассматривает свое платье. Вид у нее все тот же, нездоровый, но это несколько не бросается в глаза, сегодня она другая, по-настоящему красивая.

Маша: “Вот с Илоной придумали новое платье. Она его шила себе, но ей не подошло”.

Я: “Классное!”

Маша: “Ты проходи, я сейчас, достану пирог, посмотри пока мою оранжерею”.

Здесь и вправду прямо-таки вся квартира утопает в зелени. Множество горшков, больших и маленьких, на полу, на подоконниках, на столах, на полках. Потрясающее разнообразие растений, от небольших, всяких сорняков и травы, до деревьев в ведрах, вот, например, елка метра полтора высотой, приятно пахнет хвоей, на ней висят небольшие шишечки. По потолку в большой комнате плетутся какие-то лианы, наверно, это плющ. С непривычки жителя этого города, меня, несколько шокирует такое обилие зелени. Скорее всего, тут почти все с улиц или из леса: вот крапива в горшке, вот полынь в ящике, вот колючки, как у меня, ромашки, колокольчики, в углу в спальне царствует высокий разлапистый клен, посаженный в большое ведро, он до потолка, точнее даже был бы выше, если б не уперся в потолок, а так ему пришлось расти в сторону, загибая верхушку. Освещение очень яркое, вкручены мощные лампочки, а окна затянуты плотной материей.

Я: “А чего окна закрыты?”

Маша, из кухни: “Я же свет никогда не выключаю, для растений, а мне Костик принес вот эти яркие лампочки, так я закрыла окна, чтобы ночью они сильно не светились с улицы. Да и что в них увидишь, пейзаж ведь не очень, скучный”.

Все свободное место и даже больше занято растениями, в некоторых местах невозможно свободно пройти, чтоб не зацепить какую-нибудь ветку, побег, листья, цветок. Настоящие джунгли.

Маша, из кухни: “Как бы не рекомендуется иметь дома растения, но у многих местных есть”.

Воздух ощутимо более свежий, влажный, чистый, пахнет зеленью, травой, цветами, то есть природой.

Маша, выйдя из кухни: “У меня даже кактус есть, представляешь! Там, в спальне на подоконнике. Его, не поверишь, Валя нашла на свалке, года два назад, кто-то, видно, из местных сохранил с тех времен, теперь выбросили, а он на свалке выжил”.

Заходим в спальню смотреть кактус. Маша берет в руки горшок с овальным, колючим стеблем, любит его и показывает мне.

Маша: “Жалко он сейчас не цветет, у него очень красивый цветок, большущий такой, лепестки закрученные”.

Я: “Колючий...”

Маша, улыбаясь: “Да, красавец”.

Я: “Не трудно ухаживать за ними всеми?”

Маша: “Нет, наоборот приятно. Это мое хобби. Ты знаешь, я даже квартиру хочу менять на большую, а то, сам видишь, скоро пройти будет нельзя. Я, конечно, не все таскаю, что обнаруживаю в городе, но бывает так захочется, так станет жалко, прямо невозможно, аж плачу – и несу тогда...”

Я: “А деревья, клен вот, осенью сбрасывают листву, желтеют?”

Маша: “Да, красиво получается. Только они некоторые ошибаются. Березки, там в зале, так к середине зимы только желтеют, а потом скоро уже и почки появляются”.

Все-таки Маша необычайно хороша в этом платье, вдобавок сегодня она надела еще и украшения: золотые серьги с переливающимися голубыми камнями, цепочка с кулоном в виде солнца, браслет с жемчужинами – явно готовилась. Платье, украшения, и вот пригласила, и пирог испекла, и улыбается, интересно, это что-то значит или просто гостеприимство?..

Маша: “Самое сложное – это натаскать земли. В городе, сам знаешь, нигде ни капли, бетон, поэтому только из леса можно, таскаю понемногу. А ведь ее периодически и менять им надо, пересаживать”.

Я: “Хорошее хобби”.

Маша: “Хорошо, что у нас хоть лес есть и можно туда пойти, отдохнуть. Слава богу, что нет этой засухи, что была в детстве, помнишь, я еще совсем маленькая была, тогда она была в разгаре. Если бы сейчас такая сушь настала и лес бы засох, то не знаю, как бы мы тут выжили: пустыня кругом и бетон в городе”.

Я: “К счастью, удалось справиться с этой экологической бедой, вовремя опомнились. В Германии до сих пор выделяют и тратятся огромные средства на восстановление”.

Маша: “Ага, да. Пойдем пирог пробовать, чего мы стоим...”

Идем на кухню. На столе очень аппетитный с виду пирог, похоже с клубникой. Растений и здесь много, некие вьющиеся стебли с широкими листьями свисают чуть не на стол.

Маша: “Это с клубникой, рецепт от мамы. Присаживайся”.

Сажусь, прямо над головой с полок свисают эти стебли, приходится немного нагибаться, ну и джунгли...

Маша: “Вот еще есть настойка, на коре дуба и разных травах, это Петр Петрович такую делает. Я им подарила картинку, плакат с певцом каким-то или актером, Валентина

такие любит, так она мне за это дала настойку. Петр Петрович говорит, что лечебная, хи-хи-хи”.

Я: “А тут у вас вся водка как лечебная получается, гы-гы-гы”.

Маша: “Да уж, хи-хи-хи”.

Я нарезаю пирог, Маша рекомендует мне взять кусочек побольше, пьем пока чай, настойку будем пробовать позже.

Я: “Вкусный!”

Маша: “Хороший рецепт...”

Пирог действительно вкусный, и вообще, приятно есть что-то домашнее, а не полуфабрикаты из продовольственного.

Маша: “Вы вот, Кристоф, рассказывали тогда в лесу про вашу жизнь, ну как люди сейчас в мире живут”.

Я, с набитым ртом: “Ты, ты...”

Маша: “Ты рассказывал. А мне не верится, нет, ты, конечно, не врешь, нет, но мне не верится – так привыкла уже к зоне и как будто по-другому невозможно, не бывает”.

Я: “По-разному люди живут, а некоторые по своей же вине, еще хуже вашего”.

Маша: “Нет-нет, я не говорю, что мы хуже, просто по-другому”.

Я: “Есть такие страны, они изолированы, то есть люди из них не могут выехать и туда тоже из иностранцев мало кого пускают, так что вы не одни такие. Они или сами закрываются, или их изолируют за агрессивность политики”.

Маша: “Много таких?”

Я: “Нет. Например, ваша Объединенная Русь”.

Маша: “Мы, наверно, тут сами по себе”.

Я: “Можно и так сказать”.

Маша: “Мне еще показалось, что вы очень самостоятельно, каждый отдельно живете. А мы ведь все вместе, дружно, иногда кажется, как одна семья, хотя такие разные”.

Я: “Да, есть такое”.

Маша: “А тебе не хочется обратно?”

Маша задала очень правильный вопрос, поймал себя на мысли, что не хочу возвращаться к прежней своей жизни.

Я: “Ты знаешь, думаю нет. То есть из Лабрума я, быть может, и хочу уехать, не сейчас, позже, но не обратно, а куда-нибудь еще”.

Маша: “Куда?”

Я: “На другую планету, гы-гы-гы”.

Маша: “К инопланетянам? Хи-хи-хи”.

Я: “Нет, чтоб с людьми, вот с вами всеми, улететь и создавать новую жизнь, новое общество”.

Маша: “Зачем новое?”

Я: “Хочется все изменить. Надо начать с нуля, с детей, с их воспитания”.

Маша: “Ой, да, дети – это, разумеется, самое важное”.

Маша засмушалась, опустила глаза и даже слегка покраснела, не знаю почему, видимо, ее волнует этот вопрос.

Я: “Временами я у себя в голове придумываю это новое общество, каким оно должно быть и как функционировать”.

Я доел свой кусок, Маша положила мне еще один.

Я: “Ой не, я попозже его съем”.

Маша: “Тогда давай пробовать настойку. Петр Петрович сказал, что ее хорошо закусывать шоколадными конфетами”.

Я: “Ну давай попробуем, что он там наколдовал, гы-гы”.

Маша достает конфеты в коробке и красивые рюмки на ножках. Она распаковывает коробку, я разливаю по половине рюмки темную, почти черную жидкость.

Я: “Может, за дружбу выпьем?”

Маша: “Давайте, давай”.

Чокаемся, выпиваем. Настойка очень крепкая, явно крепче водки, горькая и с резковатым запахом. Быстро кидаю в рот конфету, чтобы скорее закусить, очень жжет. Маша выпила совсем чуть-чуть.

Я: “Ху-х! Крепкая, не ожидал!”

Маша: “Вроде ничего...”

Я: “Не распробовал, гы-гы-гы”.

Маша: “Хи-хи-хи. Петр Петрович раньше занимался производством водки, делал для себя самостоятельно, потом бросил это дело. Одно время здесь кто производит стали исчезать, раз – и нет человека. Вот он и бросил, точнее это Валентина настояла”.

Я: “Надо тогда по второй, чтоб распробовать, гы-гы”.

Наливаю, чокаемся без тоста, пьем.

Я: “Ну вот, теперь немножко распробовал. Интересный вкус, богатый, чувствуется рука мастера, гы-гы-гы”.

Закусываю сначала конфетой, потом ем пирог.

Я: “И пирог необыкновенно вкусный. Спасибо большое за угощение!”

Маша: “Возьмешь с собой”.

Я: “Угу, угу, спасибо”.

Маша: “Как твой чертополох, прижился?”

Я: “Да, цветет. Кто знает, может и у меня проснется склонность к ботанике, гы-гы. Есть у Сергея книги по ботанике?”

Маша: “Есть, я брала читать”.

Я: “Ну тогда все, расскажешь мне, почитаю и буду делать оранжерею, гы-гы”.

Маша: “А знаешь, я брала у Сергея такую книгу о растениях, которые раньше росли на этой территории, ну в Беларуси, старая книга, советская еще. Так оказывается, много каких уже здесь не растет, некоторые пропали еще до катастрофы, а после исчезло еще больше. Особенно пропадали полевые, ведь полей совсем мало, один лес почти. Он сам сильно разросся, но и засаживали тоже”.

Я: “Книги читаешь?”

Маша: “Все читают, больше заняться почти нечем”.

Я: “Какие?”

Маша: “Ой, я читаю разные, даже научные и, как Сергей, философские, с большего что-то иногда понимаю, но говорить про них не умею”.

Я: “Ну давай тогда про цветы поговорим”.

Маша: “Ой, я же про этот кактус нашла в одной книге. Это “Матукана”. Они растут или росли в Перу, в горах, это Южная Америка. В естественной среде обитания

вырастают до метра в высоту. Представляешь, какой у них тогда цветок огромный расцветает! Тот, что у меня, скорее всего, уже декоративный вид, один из домашних подвидов. Размножаются детками и семенами, появятся – буду раздавать, Илона очень хочет. Ему не надо сильное тепло, хорошо себя чувствует при комнатной температуре, там в горах тоже не жарко. За ним необходимо следить, чтобы не пересыхала земля, не любит этого, хоть и кактус, но и чтоб не было болота, а то корни сгниют. Цветут они не сразу, лет пять надо ждать, так что мне повезло, он уже был старый, когда его нашла Валентина, практически сразу и зацвел”.

Я: “Интересно. Возьму что-нибудь по биологии у Сергея”.

Маша: “Сергей на книгах помешан. У моих родителей были, они сохранили, так я все отдала ему. И Костик тоже помешан, еще даже и больше. Они как станут, бывает, обсуждать, спорить, так целый день об одном будут говорить”.

Я: “Я раньше в себе не замечал такой тяги к чтению, как сейчас”.

Маша: “Это у всех. Надо голову чем-то занимать, то есть думать, размышлять, читать. Просто так думать долго не будешь, не о чем, а читаешь – голова занята”.

Я: “Да, но от чего это?”

Маша: “Кто его знает, может просто от скуки, а может что-то с головой, с мозгами у нас. Некоторые, кто лениться читать – мечтают, еще некоторые – сильно пьют, до беспамятства”.

Я: “Лучше не будем об этом”.

Маша: “Ага”.

Я: “Как на работе?”

Маша: “Ничего сверхъестественного. Ищу, описываю, искореняю, составляю отчеты, статистику. Сейчас зелени появляется гораздо меньше, работы не много, если честно”.

Я: “Зимой что делаешь?”

Маша: “А у вас что, зима длинная?”

Я: “Как понять?”

Маша: “Снег и морозы долго?”

Я: “Да нет, не больше месяца, в январе”.

Маша: “У нас тоже, снег долго не лежит. Я заполняю в это время всякие бумаги, отчеты, статистику за год. А могу и не ходить на работу вовсе, за нами жесткого контроля нет. Я могу месяц не появляться – и никто волноваться, искать не будет”.

Я: “По-своему неплохо. Ну что, еще настойки?”

Маша: “Давай”.

Наливаю, выпиваем, в этот раз Маша пьет до дна, хрустим шоколадными конфетами с вафель внутри. Чего-то вроде не о чем говорить стало, про книги она не любит, про политику не к месту. Буду тогда есть пирог, хоть уже и не лезет.

Я: “Я еще пирога съем. Отличный пирог, давно такой вкуснятины не ел”.

Маша: “Угу, бери, бери, вон его сколько, еще и с собой хватит”.

Я: “Тут все съем, вкуснотища!”

Ем пирог, Маша за мной наблюдает, становится как-то неловко.

Я: “До катастрофы ты бывала за границей?”

Маша: “Только в России один раз, в Сочи, и все, больше нигде. Ездили отдыхать на море с родителями. А ты много где бывал?”

Я: “Ну в принципе много, да. По работе в основном. В том же Перу был, откуда твой кактус, гы-гы”.

Маша: “Хи-хи-хи. Для меня Перу – то же самое, что до Луны”.

Я: “На всех континентах был, кроме Антарктиды”.

Маша: “Я только на картинках все видела и еще по телевизору до катастрофы”.

Я: “Жил всегда в Германии, а ездил по работе, ненадолго, обычно туда-обратно, поэтому в памяти у меня все эти страны тоже лишь в виде картинок отложились”.

Маша: “Делал репортажи о странах?”

Я: “О политике...”

Молчим, опять кончились темы, еще не очень хорошо знакомы, притом я, кроме того, “чужой”, притом, наверно, хочу понравиться. Опять кладу себе кусок пирога и ем.

Молчим, пауза затягивается.

Маша: “Как ты думаешь, а возможно такое, что в будущем от человека останется только мозг, только его ум”.

Я: “Разум...”

Маша: “Да, то есть тело или будет не нужно, отдельно как-нибудь, или вообще его не будет. Э-э-э, ну, разум будет сам по себе, без ничего, в воздухе”.

Ничего себе вопрос, ни с того ни с сего такие умозаключения, не перестаю удивляться этим людям.

Я: “Это, знаешь, сразу не скажешь, надо подумать”.

Маша: “Наподобие как мы тогда обсуждали, придумали, что туман может быть вот таким мозгом”.

Я: “Тогда вместе мы очень неплохо все объяснили и все у нас сложилось, значит, такое может быть, хотя бы теоретически”.

Маша: “Угу”.

Я: “То есть, логически размышляя, так и должна, очевидно, пойти эволюция: разум становится освобожденным, сам в себе, без биологической составляющей, без связи с материей. Точнее нет, это не эволюция, а как бы наоборот. Есть нечто общее, первоначало всего, оно не может быть никак описано нашими средствами, в первую очередь цифрами, это невозможно. Э-э-э, я не ерунду несу случайно?”

Маша: “Нет-нет, очень интересно”.

Я: “Просто как раз думал недавно про это, читал. Так вот, дальше это общее переходит в нечто такое рациональное, что описывается численно, цифрами и составляет весь наш постигаемый мир, вселенную. Это рациональное есть, как бы сказать, высший разум, Разум Всего, из него уже исходит наш разум и материальный мир тоже. При этом наш разум (тут понимается разум вместе с душой) будет стремиться уйти от раздробленности и вновь стать Разумом Всего, ведь связей они никогда не теряют”.

Маша: “Наш разум – это мозг?”

Я: “Мозг – это лишь материальная оболочка или форма организованной материи, которая позволяет нашему разуму функционировать в материальном мире. Получается так: Общее (неописуемое, непостижимое) – Разум Всего (мир вообще) – Наш разум и материальный мир”.

Маша: “Угу”.

Я: “Есть такое понятие – ноосфера, оно было определено еще в двадцатом веке, сейчас стало актуальным, более осознанным. Наша разумная человеческая деятельность, наше мышление, а также духовная составляющая складываются в общую сферу Земли. Чем дальше, тем более очерченной становится ноосфера, это и есть стремление вверх, к Разуму Всего”.

И зачем только несу эту околесицу, Маша, наверное, думает, что я брежу, бахнул настойки и несет бред... Просто она попала в самую цель, как раз такие мысли крутились в голове последнее время, и к ней есть доверие, ей можно сказать.

Я: “Не скучно?”

Маша: “Нет, интересно следить за логикой. А какая ступень, или лучше сказать уровень, приоритетнее?”

Я: “Безусловно – Общее, Начало”.

Маша: “Но, по сути, это получается как Ничто, его для нас нет, потому что описать его нельзя в принципе”.

Я: “Я бы сказал, что в этом все его Благо”.

Маша: “Можно сказать Общее – это Бог?”

Я: “Да”.

Маша: “Тогда давай посмотрим на твою теорию с позиции религии, веры”.

Я: “Может еще настоечки?”

Маша: “Конечно, давай, да”.

Наливаю, выпиваем, съедаем по конфете.

Я: “С позиции христианства. Общее – Бог, Иисус – есть порождение Общего, то есть Бога, через все ступени вниз”.

Маша: “Сначала надо понять, почему происходит это порождение, м-м-м, снисхождение, почему Общее не остается без изменений, самим собой, почему появляется Иисус. Общее, или Бог, оно же не может мыслить так, как мы, в нашей логике, что надо спасти человечество”.

Я: “Э-э-э, пожалуй, это что-то типа кипения. Когда вода закипает в полной кастрюле, то она проливается. Общее настолько полно, что не может не проливаться. Вот оно периодически и выплескивается, попадает сначала на плиту, а потом на пол”.

Маша: “Угу. Еще получается, что Иисусом мог быть каждый человек, потому что каждый – от Общего”.

Я: “Да, именно так. Любой мог бы быть Иисусом, но то, что это был именно он, обусловлено обстоятельствами материального мира и его собственной тонкой душой”.

Маша: “То есть и сейчас такой может появиться?”

Я: “Легко, но только христианство это уже не воспримет, потому что в его доктринах уже сформировалось толкование того, что отождествляется с понятием Разума Всего. Иисус, воскреснув, стал Разумом Всего”.

Маша: “Кажется понятно”.

Неужели она действительно поняла всю логику этих моих измышлений, я и сам в них путаюсь... Зря развел такие мохнатые рассуждения, лучше б про кино какое рассказал, или хоть анекдоты бы травил, честное слово.

Я: “Маш, ты извини, если я тебе голову запудрил. Это, видно, зона на меня действует или, как ты говоришь, может скука”.

Маша: “Нет, почему, умная беседа, что плохого? Костик с Сергеем и не в такие дебри могут залезть в своих спорах”.

Потом мы еще довольно долго говорили о всяком другом: о космосе, о насекомых, о платьях, о свалке в зоне, о Гебельсе, о пользе творага, о вреде алкоголя, о грибах, опять поговорили о тумане... Но это записывать не буду в силу того, что осталось крайне мало бумаги, не хватит, надо идти к Сергею, попросить еще.

Пили настойку, я и не заметил, как допили всю бутылку. Потом опять была подробная экскурсия по оранжерее, опять разговоры... На прощание только обнялись и я поцеловал Машу в щеку, больше ничего такого. Домой пришел затемно.

69.

Набрал у Сергея книг по теме ноосферы: Вернадский, Лерц, Шарден, Хань Симэн, Шлехтер. И еще он посоветовал античного философа – Плотина (последователь Платона), буду изучать...

Послезавтра намечен пикник в лесу. Идут: Сергей, Илона, Гебельс, Денис, Маша, Костик, Петр Петрович, Валентина и я, конечно, тоже иду.

71.

Пикник был на том же месте, что и первый раз. Валентины не было, она заболела.

Борода: “От умудрилась же летом ангину получить. Тока моя Валюха так может, я ж говорю: она необыкновенная! Гы-гы-гы-гы”.

Отдыхали, выпивали, играли в домино и карты, разговоры о разном, в том числе и “умные” о философии. Я завел спор о ноосфере с Костиком и Сергеем, спорили долго, Маша меня в нем поддерживала. В общем, было как обычно весело, душевно и приятно.

Но записать разговоры и происходящее, к сожалению, не имею возможности, так как все еще нет бумаги. В запасе у Сергея оказалось лишь несколько листов, он пообещал на днях раздобыть побольше, и как назло, в хозяйственном отделе тоже не было хоть сколь-нибудь приемлемой бумаги для письма.

Еще больше сблизился с Машей, вечером мы гуляли вдвоем по лесу и целовались. Но это тем более не стоит описывать, это уже моменты сугубо личной жизни.

Однако один из разговоров обязательно стоит записать. Гебельс с Денисом придумали и разрабатывают новую “операцию”. В разгар застолья позвали меня отойти в сторону и поговорить.

Гебельс: “Ну что, Кристоф, готов к новой операции?”

Я: “Еще один завод хотите посетить?”

Денис: “Э не, бери выше!”

Я: “Переворот делать?”

Гебельс: “Председателя выкрадем и допрашивать будем”.

Я: “Какого?”

Денис: “Какого, какого, по труду! Которого Кирилук возит”.

Я: “Ого! И как собираетесь это сделать?”

Денис: “Кирилук поможет”.

Я: “Мне кажется, его вряд ли удастся уговорить”.

Денис: “Уже...”

Я: “Как?”

Денис: “Гебельс ему мозги прочистил”.

Гебельс: “Поим его уже который день и я постоянно оказываю на него это, как его, психологическое давление оказываю, гы-гы-гы”.

Я: “Уверены, что согласится?”

Гебельс: “Я его дожду. И вообще, я ведь правду говорю, что жизнь-то у него – дерьмо, вот так вот прикидываться уродом, жить с ними в доме, возить этого лысого председателя, постоянно бояться, что раскроют, быть таким вот приспособленцем и крысой... Мы его круглосуточно накачиваем, ходит пьяный на работу, он уже ненавидит этого председателя”.

Денис: “Вот какой у нас Михаил Антонович, который Гебельс, коварный человек, гы-гы-гы-гы”.

Гебельс: “Я таков, да. Гы-гы-гы”.

Денис: “Главное Кирилюку сейчас не давать отрезветь – и он наш, сделает, как скажем”.

Я: “Но это такое дело... Не боитесь? И как потом, что делать с депутатом потом?”

Гебельс: “Денис согласен его прикончить”.

Я: “Тогда я не участвую”.

Гебельс: “Вот гуманист мать твою за ногу! Пошутил я, не будем мы его мочить, отпустим”.

Я: “Так ведь он нас запомнит”.

Денис: “Боишься?!”

Гебельс: “Не запомнит, все продумано”.

Денис: “Согласен или нет?”

У человека из руководства Лабрума можно получить все необходимые сведения, меня интересующие, подлинную информацию, а не гадать и выдвигать теории, поэтому я согласен.

Я: “Согласен, если без смертей”.

Гебельс: “Участвуем вчетвером, больше никого брать не будем, слишком серьезное дело”.

Денис: “А они и не захотят, забздят как обычно”.

Гебельс: “Это все ты, Кристоф, виноват, свалился тут, было все тихо... Видишь, до чего додумались: председателя в плен взять!”

Денис: “Я лично давно мечтал об этом!”

Гебельс: “Мечтун... Ты вообще-то, Деня, не про то совсем думаешь, тебе про девок думать надо, вот про что, а он председателей ворует, гы-гы”.

Деня: “У меня воля к свободе, ничего не могу с этим поделать”.

Гебельс: “Гы-гы-гы-гы, воля у него. Пьянство и мозги детские!”

Денис: “Сам же предложил...”

Гебельс: “Ладно, короче условились-договорились. Теперь надежда на Кирилюка”.

Я: “Другим будем рассказывать?”

Гебельс: “Я ж говорю: только вчетвером, никто больше не должен об этом знать”.

Денис: “Смотри Машке не трепанись”.

Я: “Не волнуйся”.

Гебельс: “Я, короче, еще пару дней буду его поить и обрабатывать, чтоб наверняка, чтоб не получилось осечки. План кое-какой накидаю, потом обсудим”.

74.

Сергей достал бумаги, довольно много, хватит надолго.

Сегодня Гебельс, Денис и Кирилюк собрались у меня для обсуждения плана предстоящего дела, операции. Кирилюк страшно опух от пьянства, несколько даже посинел, очень поникший, подавленный, с безразличным взглядом – Гебельс, похоже, добился своего.

Гебельс: “Ну что, обсудим, как будем действовать. Кирилюк, ты готов?”

Кирилюк все так же безразлично смотрит в одну точку, он очень расстроен, кажется, вот-вот разрыдается.

Гебельс: “Кирилюк?”

Кирилюк: “А? Да, я готов”.

Гебельс: “Пора изменить свою жизнь, сколько можно притворяться, жить с этими уродами бок о бок, и бояться, бояться, бояться. А ты же местный, у тебя уже годы, к тебе должно быть уважение, хотя бы начать уважать самого себя”.

Гебельс подмигивает нам с Денисом.

Кирилюк: “Да, это так, это противно. Должно быть уважение!”

Гебельс: “Вот, вот, вот так!”

Денис подмигивает мне.

Денис: “Сейчас я тебя, Кирилюк, начинаю уважать, честное слово”.

Мне немного жалко Кирилюка, хотя Гебельс в чем-то и прав.

Гебельс: “Так, план такой. Ты, как обычно, ждешь утром своего председателя, тот садится в машину и вы едите по направлению в пятый район. Завтра он должен куда-то там ехать, да, Виктор?”

Кирилюк: “Да, завтра он поедет на завод, это немного не доезжая пятого района, каждую неделю вожу его туда”.

Гебельс: “Это во сколько?”

Кирилюк: “Выезжать будем с девяти до одиннадцати, по-разному получается”.

Гебельс: “Понятно, продолжаем. Ты везешь его дальше завода, в сам район, там есть нежилой сектор, я подобрал дом. В доме имеется подземная парковка, ворота были закрыты, но я сбил замок. Загоняем машину на парковку, точнее ты сходи туда заезжаешь – и мы за тобой быстренько закрываем ворота. Схему, где дом, я тебе нарисовал, вот возьми, но если не понятно, можем еще сегодня посмотреть на месте”.

Кирилюк берет схему, смотрит, делает это по-прежнему безразлично.

Кирилюк: “Не, не надо ехать, я и так понял”.

Гебельс: “Там не промахнешься, такой дом там один – шестнадцатизэтажный, столбик, остальные в округе семи и девятиэтажные. Въезд на парковку прямо с дороги, мы будем караулить и, когда ты появишься, откроем ворота”.

Денис: “Председатель не сможет как-нибудь подать знак, оповестить?”

Кирилюк: “Нет, никаких средств связи у него нет”.

Гебельс: “Ты, главное, как завод проедешь – жми что есть мочи, на скорости так на парковку и влетай, она большая, там успеешь затормозить”.

Денис: “Оглушить он тебя не сможет, когда опомнится?”

Кириллюк: “Между нами глухая перегородка, у него в салоне ничего такого нет, он только если выпрыгнет на ходу”.

Гебельс: “Для этого и надо жать газ до упора”.

Кириллюк: “Угу, ясно”.

Гебельс: “Мы будем в масках, я вот заготовил маски”.

Маски сделаны из черных зимних шапок, они длинные, до шеи, в них прорезаны отверстия для глаз и рта. Одевает, демонстрирует.

Денис: “Не упаримся мы в них? Жарко же будет”.

Гебельс: “Потерпишь”.

Денис: “Мог бы и полегче из чего сделать”.

Гебельс: “Не нравится – делай себе сам, можешь трусы натянуть. Так, дальше. В гараже этом есть освещение, электричество, я попросил Костика подключить, пришлось ему навешать лапши на уши. Есть там еще такое небольшое помещение, раньше, наверное, в нем сидел вахтер, вот в него тащим председателя, там и будем пытаться. Если понадобится, можем держать несколько дней, я сделал на дверях петли: закроем на замок, пусть орет сколько влезет – не услышат, там глухо, да и местность нежилая”.

Денис: “А потом я его замочу! Гы-гы-гы-гы”.

Я: “Э-э-э, мы же...”

Гебельс: “Не волнуйся, он же ржет вон, кишка у него тонка на такое. Разузнаем, что надо, поспрашиваем, маленько поколотим, само собой, и отпустим. Мы будем в масках, он нас не запомнит, а Кириллюк после будет скрываться, спрячем его”.

Кириллюк: “Лучше уж скрываться, чем так жить”.

Гебельс: “Молодец!”

Денис: “Уважаю”.

Я: “Можно в мой дом, по соседству будем жить”.

Гебельс: “Нет, мы ему другой подобрали, рядом с твоим, уже и квартиру немного обустроили”.

Денис: “Посидишь, будем тебе продукты носить, а потом отпустишь бороду и как-нибудь сделаем тебе новые документы”.

Гебельс: “Пойдешь к нам на свалку работать, будешь как человек”.

Я: “А вы не думаете, что после такого случая, инцидента начнутся проверки, допросы местных, введут жесткий контроль, будут репрессии? То есть в местных увидят опасность, и руководство примет соответствующие меры”.

Гебельс: “Кириллюк – как бы урод, мы в масках, это же не факт, что именно местные взбунтовались...”

Денис: “И пофиг, пусть попробуют нажать, пусть ловят, пусть сажают, может, тогда народ поднимется, начнется революция”.

Гебельс: “Не надо никаких революций, сделаем все по-тихому. Хорошо бы его вообще прикончить – и дело с концом, но этого не позволяют взгляды Кристофа, гы-гы-гы-гы”.

Кириллюк: “Только бы он не оказался мутантом, сверхчеловеком...”

Гебельс: “Кем-кем? Это как?”

Денис: “Суперменом? Гы-гы-гы”.

Кириллук: “Ну мало ли, ведь он не местный, не урод, а оттуда, может быть, он человек новой расы, мы же не знаем...”

Гебельс: “Не пори горячку, ты что, успокойся, какой сверхчеловек, обычный лысый депутат”.

Я: “Сомневаюсь, что в правительстве бывают люди со сверхспособностями, думаю, скорее наоборот”.

Гебельс: “Ты лучше скажи, точно все по карте понял, не надо на месте показывать?”

Кириллук: “Не надо”.

Гебельс: “Хорошо. Денис, Кристоф, мы завтра туда к восьми часам. И запомните все: ни в коем случае не называть друг друга по именам и кличкам”.

Я: “Раньше такие случаи в зоне были?”

Гебельс: “Поговаривали, что было раз словили депутата и поколотили, прямо у здания руководства. Но ничего такого в ответ не было, проверок, розысков...”

Денис: “А если он нам ничего не скажет?”

Гебельс: “У меня расколется, не бойсь! Кстати, Кристоф, ты подготовь вопросы, мы же для тебя стараемся, рисковать будем”.

Я: “Для меня?”

Гебельс, оглянувшись на Кириллюка: “Не, ну в первую очередь для Кириллюка, ясное дело, надо его из болота вытягивать, но допрашивать – это для тебя подробности”.

Я: “Но вы же сами придумали похищение, потом мне предложили”.

Гебельс: “Так и придумали, чтобы ты все узнал, запомнил, записал, потом передал. Чтобы была надежда на будущее!”

Денис: “Свобода!”

Я: “Договорились, подготовлюсь”.

Гебельс: “Отлично, план вроде как обсудили и усвоили. Теперь можно и выпить, Денис, доставай бутылку, а ты, Кристоф, – закусить. Ох, когда же я перестану столько пить...”

Денис: “Никогда! Гы-гы-гы”.

Гебельс: “О не, надо кидать, рюмку-другую в день и все, норма, а то мы с тобой на пару так делов наворотим, все руководство передушим и заводы повзрываем. Гы-гы-гы-гы”.

Это уже серьезное дело, преступление. По сути, я вторгаюсь в государственные дела другой страны, если Лабрум, конечно, можно назвать страной. Будет применено насилие по отношению к должностному лицу, судя по всему, представителю руководства Объединенной Руси. Есть опасность последующей политической реакции, ухудшения положения местных, гонений в конце концов. Если меня арестуют и узнают, что я гражданин Германии, то может разразиться дипломатический скандал, политическая напряженность. Однако, отправляясь сюда, я знал, на что шел, поставленные задачи необходимо выполнить с максимальным результатом. Кроме того, желание узнать правду, истину пересиливает целиком и полностью, правда, несомненно, важнее всего. Хотя вполне вероятно, что депутат будет не столь осведомлен, он всего лишь председатель Совета по труду, может оказаться банально исполнителем и ничего, кроме своих прямых обязанностей, не знает. Но есть еще и такой момент, что я в некоторой степени просто-напросто боюсь узнать всю правду. То есть боюсь, что она может оказаться такой, что я

окончательно (или, лучше сказать, в очередной раз) потеряю веру в жизнь и человечество. Я на самом деле боюсь этого, но это же не значит, что лучше и дальше ничего не знать, спрятаться и жить по-старому, зарыв голову в песок, это будет еще хуже.

75.

Девять часов, мы на месте и готовы. Я жду на первом этаже, наблюдаю за дорогой, когда замечу легковую машину темно синего цвета – надо бежать вниз, в гараж и дать команду, чтобы Гебельс с Денисом открывали ворота. Многое сейчас, если не все, зависит от Кирилюка, не испугается ли, не передумает ли...

Сегодня утром я засомневался в необходимости этой операции, так как осознал, что по-иному стал воспринимать Лабрум. Раньше я никак не отождествлял себя с ним, то есть был лишь туристом или обычным таким журналистом, который сделает репортажик и уедет восвояси с сенсацией в кармане, я только наблюдал за происходящим со стороны. А сегодня возникло чувство или это уже понимание, что я стал частью Лабрума, включен в его жизнь, и неизвестно, сколько буду здесь жить и вообще уеду ли когда-нибудь назад. Вот поэтому засомневался, стоит ли нарушать сложившийся порядок вещей, жизнь. Не верится самому, но меня стал устраивать этот порядок, жизнь местных, я даже несколько завидую им. Собственно говоря, я стал подумывать, не остаться ли мне жить в Лабруме. Да, вправду стал об этом думать.

Но уже поздно. Вот я вижу синюю машину с округлой крышей и тупым носом, мчащуюся на высокой скорости. Сердце начинает колотиться, бегу вниз, боюсь споткнуться на ступеньках, быстрее, быстрее, они уже на подходе.

Я: “Машина, едут!”

Гебельс: “Давай, Деня, открываем!”

Открывают ворота и прячутся за ними. Они оба уже в масках, я тоже натягиваю свою и беру подготовленный железный прут – устрашающее оружие. Машина будет здесь меньше, чем через минуту, ждем, в воздухе повисло напряжение. Секунды – и все может пойти по-другому, не так, может быть, напрасно мы это затеяли...

Машина на огромной скорости влетает на парковку, цепляется днищем при въезде – летят искры, и тут же раздается скрип, оглушительный визг тормозов. Машину заносит, крутит из стороны в сторону, она идет юзом, была очень большая скорость, из-под колес идет дым жженой резины. Наконец останавливается, еще немного и ее бы уже остановила бетонная колонна. Гебельс с Денисом спешно закрывают ворота, ударяет засов. Бежим к машине, я с прутом, Денис с бейсбольной битой, где только ее достал, Гебельс с огромным двадцатисантиметровым ножом. Вижу Кирилюка за рулем, он так и сидит, вцепившись в руль, уставившись перед собой, а председателя не видно, сзади никого нет. Неужели провал, неужели он передумал... Подбегаем.

Гебельс, запыхиваясь, Кирилюку: “Ху-ху-ху-хе-хе. Где? Хе-хе-ху, где он?!”

Кирилюк продолжает неподвижно сидеть и смотрит перед собой. Денис открывает водительскую дверь.

Денис: “Где он?!”

Кирилюк, не поворачиваясь: “Он там”.

Показывает большим пальцем назад. Гебельс открывает пассажирскую дверь. Председатель здесь, он от испуга лег на пол между сидений, скрутился и закрыл голову руками.

Гебельс: “Вылазь падла!”

Председатель не двигается, никак не реагирует.

Гебельс: “Э! Я тебе говорю!”

Председатель, не разгибаясь, бубнит: “Я прошу вас, прошу вас, не убивайте меня, не трогайте меня”.

Денис открыл вторую дверь, тычет в него битой.

Денис: “Вылазь, а то зарежем!”

Председатель: “Не надо, не надо, пожалуйста”.

Денис берет свободной рукой за створ двери и ногой бьет его по спине.

Денис: “Ты, паскуда, будешь вылазить или нет?!”

Бьет, выталкивает ногой. Гебельс хватается председателя за шиворот и выволакивает из машины на пол гаража. Тот становится на карачки, все еще не смотрит на нас, его руки, ноги, голова – все жутко трясется.

Денис: “Нихера он не супермен! Гы-гы-гы”.

Гебельс: “Гы-гы-гы. Дрысливая шкура!”

Председатель: “Кто вы? Зачем? Что вам надо? Прошу вас, прошу, не надо”.

Кирилюк по-прежнему не двигается, наверное, у него шок.

Гебельс, спокойнее, председателю: “Ладно, вставай, мы тебя сильно бить не будем. Вставай”.

Председатель не встает, скорее всего, он просто не может, его не удержат ноги, так сильно он испугался. Денис берет его за ворот рубашки и поднимает.

Денис: “Давай, давай, подъем”.

Председатель встает, трясется, ноги полусогнуты, закрывается руками, Денис поддерживает его, чтоб не упал. Это мужчина лет сорока пяти, высокий, но сейчас так сильно горбится, что получается ниже нас, у него несколько нескладный вид: долговязый, в целом худощавый, длинные тонкие руки и ноги, узкие плечи, но большая голова и выпирает живот, такой небольшой, округлый, как мяч; лысый, светло-желтых, как солома, волос осталось совсем мало, по бокам и сзади; на шее выдается острый кадык; маленькие глазки и нос, узкие губы, но при этом у него овальный, массивный лоб; щетины нет, она как будто вообще у него не растет, лицо болезненно белое.

Гебельс: “Ведите его в камору”.

Денис подталкивает председателя в спину, я иду сзади. Гебельс подошел к Кирилюку и тихо с ним разговаривает, очевидно, успокаивает. Мы условились заранее, что Кирилюк не будет сильно светиться, загонит машину в дальний угол парковки, а сам пойдет на первый этаж дома, стоять на шухере, пока мы будем допрашивать председателя.

Сергей заталкивает председателя в условленное небольшое помещение, ударяет в спину – тот падает на пол. Председатель, стоя на коленях, начинает нас умолять.

Председатель: “Что вам нужно, я отдам все, что попросите, только отпустите меня, только не бейте меня, умоляю! Пожалуйста, прошу вас”.

Денис: “Вишь какой, он не просит его не убивать, он просит его не бить! Не, друг, этого я тебе не обещаю”.

Председатель начинает плакать, завывать.
Председатель: “Пожалуйста!”
Плачет, всхлипывает и воет.
Денис: “Заткнись! Не реви, не реви падла!”
Пинает его в бок. Входит Гебельс, закрывает за собой дверь.
Гебельс: “Так, гражданин Председатель Совета по труду, хватит разводить сопли, ты же вроде как мужик, слушай меня внимательно, рассказываю, что нам от тебя надо. Мы тебя похитили, чтобы допросить, хотим получить информацию о зоне, что да как и почему. Если будешь послушным и все нам расскажешь, что спросим, то даже бить тебя не будем, все разузнаем и отпустим”.

Председатель: “Кто вы?”
Денис бьет его ладонью по затылку.
Денис: “Этого тебе знать не надо”.
Гебельс: “Повторяю, вопросы здесь задаем мы”.
Председатель: “Информация очень секретная, мне нельзя ее раскрывать”.
Гебельс: “Это ты как хочешь, выбирай сам. Но если ты ничего не расскажешь, то нам придется тебя прикончить, он вот с легкостью это сделает”.

Показывает на Дениса, тот подносит кулак к лицу председателя.
Денис: “У, гад!”
Председатель опять плачет.
Гебельс: “Согласен?”
Председатель: “Я согласен, только не, не трогайте меня”.
Денис: “Молодец, сообразил”.
Гебельс: “Садись вот на стул, вытирай свои сопли, успокаивайся и будем беседовать. Веди себя хорошо, я-то добрый, а он – зверь, так что рекомендую не делать резких движений и быть сговорчивым”.

Председатель, продолжая трястись, покорно идет и садится на стул. Мы тоже садимся.
Председатель: “Можно воды?”
Денис: “А епт, я тебе... Потерпишь!”
Вопросы мы обсуждали заранее.
Гебельс: “Как тебя зовут?”
Председатель: “Кузнецов Никита Сергеевич. А вас?”
Денис: “Гы-гы-гы, придурок”.
Гебельс: “Гы-гы-гы, а тебе зачем? Конечно, мы тебе не скажем”.
Денис: “Не вздумай в игры с нами играть”.
Гебельс: “Хорошо, Никита Сергеевич. Вы работаете здесь председателем Совета по труду, так?”
Председатель: “Да”.
Голос председателя, как и он сам, дрожит.
Гебельс: “Эта территория, зона – самостоятельное государство сейчас или как?”
Председатель: “Часть территории Объединенной Руси”.
Гебельс: “Вы назначены сюда оттуда?”
Председатель: “Да”.
Гебельс: “Вы местный, урод или русский?”

Председатель: “Русский, из бывшей России”.

Гебельс: “Все руководство назначают оттуда?”

Председатель: “Да”.

Гебельс: “Вас там назначают, и вы отправляетесь сюда исполнять приказы?”

Председатель: “Формально да”.

Я: “Какой статус у этой территории?”

Председатель: “Официально – зона отчуждения”.

Гебельс: “А неофициально?”

Председатель замялся, молчит.

Гебельс: “Ну?”

Председатель: “Э-э-э, м-м-м, я не могу сказать”.

Денис бьет его ладонью по уху.

Денис: “Ну-ка соберись, думай!”

Председатель: “Это совершенно секретная информация”.

Гебельс: “Но ты ж ей владеешь?”

Председатель: “За ее раскрытие – высшая мера наказания”.

Гебельс: “Расстрел?”

Председатель: “Пожизненное заключение”.

Денис: “А если ты нам не скажешь, то мы тебя расстреляем. Выбери!”

Замахивается и бьет его кулаком в ухо.

Председатель: “Ой, у-у-у, ы-ы-ы, не надо, пожалуйста не надо”.

Денис: “Говори, скотина!”

Председатель: “Территория используется для производства и хранения некоторой военной техники, той, что запрещена Конвенцией”.

Денис: “Вот, молодец, так и дальше продолжай”.

Я: “В других странах, в Европе об этом, разумеется, не знают...”

Председатель: “Они не могут узнать, со спутника не видно из-за тумана, самолеты по той же причине не могут пролетать над территорией. Граница хорошо контролируется, из сообщения с западными странами – только товарные поезда, идущие через зону к нам”.

Гебельс: “Ну а шпионы, спецназ какой-нибудь что, не может проникнуть, перелезть стену?”

Председатель: “Люди не могут здесь находиться больше двенадцати часов, наступает смерть”.

Ничего себе заявление...

Гебельс: “Интересно, как это не могут, а мы тут живем, а ты вот на стуле передо мной сидишь”.

Председатель: “Здесь могут жить только те, кто был при появлении тумана или родился позже. Остальные умирают в течение двенадцати, максимум двадцати четырех часов от инсульта”.

Пока я не в полной мере понимаю, о чем именно он говорит.

Гебельс: “Обалдеть!”

Денис: “Э! Не врешь?”

Гебельс: “Как тогда ты живешь, а уроды как?”

Председатель: “Уродами вы, вероятно, называете рабочих – они имеют иммунитет, а я получаю противоядие”.

Гебельс и Денис вопросительно смотрят на меня. Я и сам не знаю, что думать, если это правда, то вариант только один: значит у меня сам собой выработался иммунитет.

Гебельс: “Угу, странно...”

Председатель: “Прошу вас, не выдавайте меня, о том, что я раскрыл вам информацию, никто не должен больше узнать, пожалуйста”.

Денис: “Не бойся, ты молодец, разговорчивый, я уже добрею”.

Гебельс: “Уроды – они кто такие?”

Председатель: “Рабочие – это бывшие инвалиды с нарушениями психики, они с территории Объединенной Руси”.

Денис: “Как их учат работать?”

Председатель: “Некоторые из инвалидов, большинство, под влиянием тумана проявляют способность к нормальному, но ограниченному мышлению, с помощью гипноза их можно научить выполнять несложные операции”.

Я: “То есть под влиянием тумана они становятся нормальными?”

Председатель: “Часть умирает, однако большинство становятся способными нормально, рационально мыслить и воспринимать информацию, но в ограниченном поле, которое им определяется при помощи гипноза и специального микроволнового медицинского оборудования”.

Я: “Они могут стать нормальными, если их учить, но им насильно ограничивают восприятие, наделяют только нужной, определенной информацией?”

Председатель: “Да, они способны к обучению, но абсолютно нормальными людьми все же стать не могут. И смертность среди них все равно сравнительно высока”.

Денис: “А у вас что, психов там много?”

Председатель: “Из-за экологических проблем, загрязненности, нездорового образа жизни населения и тому подобного с каждым годом численность психически нездоровых новорожденных увеличивается”.

Гебельс: “Ты точно не врешь? Ты пойми, нам сложно поверить в такие вещи”.

Председатель: “Я не вру”.

Сенсационные заявления, не знаю что и думать. Пока наша самодельная теория о тумане подтверждается, по крайней мере по отношению к уродам – полностью. Это пугает...

Я: “У вас в стране и в мире вообще известно, что в зоне могут жить определенные люди?”

Председатель: “Считается, что в зоне совсем никого нет. О том, что тут находится смертельно, руководству соседних стран известно точно, а знает ли население – я не в курсе, наши граждане ничего не знают”.

Гебельс: “Все заводы здесь военные?”

Председатель: “Почти все”.

Денис: “Местные вам зачем, кто здесь родился – для обслуживания уродов?”

Председатель: “Те, кто прожил в зоне после появления тумана более года, умирают, если покидают ее, все от того же инсульта”.

Гебельс: “Поэтому и выезжать местным нельзя...”

Председатель: “Да”.

Страшные подробности, все оказывается сложнее, чем предполагалось...

Гебельс: “У вас что за противоядие?”

Председатель: “Доподлинно я не знаю. Раз в неделю внутривенно вводится какой-то препарат, а каждый день – обязательное облучение определенными электромагнитными волнами. Руководство, инженеры на предприятиях, медперсонал, военные – все получают такое противоядие, тем не менее больше тридцати шести месяцев все равно нельзя безвыездно тут находиться”.

Денис: “А Кирилук был прав, менялись они у него”.

Денис опомнился, что сказал лишнего – зажал рот рукой, вытаращил глаза. Гебельс сразу задает председателю следующий вопрос, чтобы тот не успел обратить внимания на произнесенную фамилию.

Гебельс: “В зоне только один город?”

Председатель: “Только один, за городом есть еще несколько экспериментальных сельскохозяйственных предприятий, лабораторий и складов”.

Гебельс: “Почему город забетонирован?”

Председатель: “Для удобства рабочих, для устранения визуального разнообразия”.

Гебельс: “Растений тоже поэтому нет?”

Председатель: “Да”.

Денис: “Животных нет из-за тумана?”

Председатель: “Они или умирают сами, или мутируют, болеют и их отлавливают – да, из-за тумана”.

Гебельс: “Электроники тоже из-за него нет?”

Председатель: “Да”.

Я: “Раз он причина всему, то главный вопрос: что есть этот рыжий туман?”

Председатель: “Я не имею достоверной информации по этому вопросу”.

Гебельс: “Говори, Кузнецов, что знаешь”.

Председатель: “Туман – некое физическое явление, влияет на мозг человека и животных, химически не опасен, препараты на основе железа легко позволяют избавиться от его пагубного воздействия на организм, выводит из строя микроэлектронику, процессоры, блокирует радиоволны. Э-э-э, совершенно точно не является атмосферным явлением. Имеет электромагнитную природу, на него влияют металлические детали, большие объемы воды, э-э-э. Присутствует на площади более трехсот тысяч квадратных километров, вверх распространен до конца тропосферы, в некоторых местах заходит в стратосферу”.

Я: “Причина его появления? Техногенная катастрофа, загрязнение, радиация или что-то иное?”

Председатель: “Не знаю, не имею соответствующих сведений. Есть слухи, что он появился в результате экспериментов западных стран, некоторые говорят, что он появился сам по себе, самые смелые заявляют, что пришел извне, из космоса”.

Я: “Может быть, в результате ваших экспериментов, вашей военной промышленности?”

Председатель: “Не имею такой информации. Думаю, если из-за экспериментов, то проводились они западными странами”.

Денис: “Радиация у нас здесь есть?”

Председатель: “Есть несущественное загрязнение на северо-востоке”.

Я: “Как туман влияет на мозг?”

Председатель: “Влияет непосредственно на нейроны, передачу импульсов, образование новых нейронов, в целом на развитие мозга. Вследствие этого могут меняться мышление, логика, память. У большинства местных жителей и некоторых приезжих, при условии постоянного получения противоядия, они улучшаются, но могут также происходить и негативные необратимые мутации. У некоторых индивидуумов под воздействием тумана умственное развитие меняется слабо, у других больше, на меньшую часть действует угнетающе, а есть и те, у кого проявляются сверхспособности. Но повторюсь, я не обладаю достаточной информацией, не специалист в этой области. Туман постоянно изучается соответствующими учеными, возможно, сейчас уже есть более точные сведения”.

Поразительное совпадение с нашей теорией, именно об этом мы и говорили! Вместе с тем, если честно, не хочется в это верить – шокирующая правда, наверное, лучше было бы, если он все соврал... Страшно!

Денис: “Я так понял, тут опасно. Так чего тогда ты приперся в зону?”

Председатель: “Предложили, за работу здесь очень хорошо платят. Знаете что, я обещаю вам, что не выдам, не расскажу о произошедшем, только отпустите меня, пожалуйста”.

Денис: “Будешь таким же сговорчивым – отпустим”.

Гебельс: “Вам, получается, местные сильно не нужны, а точнее вовсе без надобности, только место занимают, почему не уничтожите?”

Председатель: “Ну все-таки это тоже люди, что значит “уничтожить”, это же будет геноцид... Они работают и не создают проблем, то, что они потребляют – несущественные затраты для страны. Э-э-э, а вы местные, да?”

Денис с размаху бьет его ладонью по затылку.

Денис: “Не задавать вопросов!”

Я: “Почему дети местных живут до совершеннолетия в лагере?”

Председатель: “Детям необходимо постоянное медицинское обследование и лечение, чтобы облегчить последствия влияния на мозг, ближе к восемнадцати годам происходит адаптация. В противном случае будет высокая детская смертность”.

Гебельс: “Гуманисты, смотри ты. А как повзрослеют, уже не берет, стало быть, туман?”

Председатель: “Происходит адаптация”.

Гебельс: “Противоядие не надо?”

Председатель: “Местным – нет”.

Гебельс переглянулись с Денисом и смеются.

Гебельс: “Гы-гы-гы-гы, адаптировались...”

Денис: “Опытным путем эликсир нашли, гы-гы-гы-гы”.

Председатель непонимающе смотрит на них и на меня.

Я: “Так а почему не рассказать жителям все как есть?”

Председатель: “От этого ничего не поменяется, а будут только лишние вопросы, волнения, может начаться паника, сейчас уже все успокоились, они привыкли. Кроме

того, что еще важнее, эта информация не должна дойти до рабочих: осознание себя, своей личности может вновь нарушить их психологическое состояние”.

Они очень дорожат этими рабочими, создают для них условия, по-видимому, организованные в зоне производства очень важны.

Я: “Объединенная Русь готовится к войне?”

Председатель: “Скорее к обороне...”

Денис: “Долго тебе осталось работать в зоне?”

Председатель: “Полтора месяца. Через год можно опять сюда, но я больше, надо полагать, не поеду”.

Гебельс: “Гы-гы-гы, понятное дело”.

Денис: “Надо полагать, больше не поеду... Гы-гы-гы”.

Я: “Западные страны собираются на вас напасть?”

Председатель: “По мнению нашего руководства – да”.

Я: “Зачем им нападать?”

Председатель: “Им невыгодно объединение, они хотят видеть Русь раздробленной”.

Я: “У вас в стране, по вашему мнению, люди хорошо живут, довольны своей жизнью?”

Председатель: “Вполне”.

Основные вопросы у нас, кажется, кончились. Денис остается с председателем, мы с Гебельсом выходим посоветоваться.

Гебельс: “Ну что, прояснил ситуацию? Ничего такая картина вырисовывается, да?!”

Я: “Тебе не кажется, что все, о чем он говорит, очень укладывается в нашу теорию о тумане?”

Гебельс: “Какую теорию?”

Я: “Ну что туман – разумная субстанция, связан с нашим сознанием через мозг, ну на пикнике тогда обсуждали, когда со мной знакомилась”.

Гебельс: “Давно было, что-то я не запомнил... По-любому, основное мы узнали. Подумай, что еще, может хочешь спросить, а я пойду проведаю Кирилюка”.

Я: “Надо посмотреть в машине, возможно, там есть интересные документы”.

Гебельс: “Ну походи, посмотри”.

Я: “А Денис ненароком не прикончит этого?”

Гебельс: “Гы-гы, не прикончит”.

Я иду к машине, Гебельс уходит успокаивать Кирилюка. У него, конечно, сейчас надлом, кардинальные перемены в жизни. Но зато в ходе операции получена уникальная и важная информация, которая приведет к кардинальным переменам в нашем восприятии Лабрума. Роюсь в салоне, нашел портфель председателя, больше вроде ничего нет. В портфеле несколько папок, шариковая ручка с русским гербом (ее я сразу забрал себе), штамп, паспорт, пропуск. Смотрю документы в папках; в одной – отчеты по рабочим: численность, производительность труда, затраты на содержание, состояние здоровья, полученные увечья и другое; в другой – списки выполняемых рабочими различных операций; в третьей – “схемы организации труда на производстве”; в общем, ничего интересного. Возвращаюсь в каморку. По пути встречаю Гебельса, он как раз тоже идет от Кирилюка.

Гебельс: “Нашел что-нибудь толковое?”

Я: “Ерунда. Как Кириллюк?”

Гебельс: “Нормально, успокаивается”.

Идем продолжать допрос.

Денис с председателем мирно беседуют, точнее Денис в чем-то его убеждает.

Денис: “Согласись, согласись, это так должно быть, они просто взяли и захватили, решили так и все, это неправильно”.

Председатель: “Наверное...”

Гебельс: “Ну что вы тут?”

Денис: “Никита Сергеевич просится уже, чтоб мы его отпустили”.

Председатель: “Меня не будет на рабочем месте, меня будут искать”.

Гебельс: “Не надейся, не найдут они нас. Еще вопросы остались”.

Я: “Почему остальная часть территории засажена лесом?”

Председатель: “Не вся, но большая часть. Чтобы не было запустения, больше скрыть город, и в будущем, кроме всего прочего, тут планируется развивать лесную промышленность”.

Я: “Проводятся ли здесь опыты?”

Председатель: “Постоянно проводятся опыты по изучению тумана и опыты по сельскому хозяйству”.

Я: “На людях проводятся?”

Председатель: “Только те, которые необходимы для поддержания здоровья”.

Я: “Почему все машины с двигателями внутреннего сгорания?”

Председатель: “Потому что не работает микроэлектроника”.

Логично, задал глупый вопрос, просто не знаю о чем еще спросить. Было же еще что-то важное... А, о книгах, точно!

Я: “Почему здесь нет книг, газет, журналов, литературы и вообще никаких средств массовой информации?”

Председатель: “Для рабочих бесконтрольное получение новой информации пагубно, я уже говорил, это ведет к повышению умственной деятельности, расширению восприятия, это их отвлекает и нарушает данную им установку, в конечном счете это может приводить к срывам и нарушению психического состояния”.

Я: “Тогда они бросят работу, а вам нужны рабы”.

Председатель: “Они работают добровольно, впрочем как и местные. Неужели им лучше прозябать в клиниках, а местным чахнуть от скуки? Понимаете, у рабочих наступает хрупкое равновесие в сознании и лишняя информация, неподконтрольное ее поступление, приводит к его нарушению, в лучшем случае они опять становятся психически нездоровыми, возвращаются в свое изначальное состояние, в худшем – смерть. Местные жители не проявляют большого недовольства по поводу отсутствия литературы, я думаю, что она у них есть, хранят, просто не массово”.

Денис: “Что ж народу делать, чем заняться кроме работы?”

Председатель: “Для развлечения есть кинотеатры, а также по проводному радио передают радиоспектакли и музыку, даем нужную информацию, какие-то общие новости, факты, познавательные передачи”.

Денис: “Одно и то же в ваших кинотеатрах и по вашему радио, надоело уже до ужаса”.

Председатель: “Просто все в обязательном порядке проверяется специалистами, подобраны определенные фильмы, музыка, информация должна быть подана определенным образом”.

Гебельс: “Кабы не это дело – сдохли бы со скуки, гы-гы-гы”.

Делает жест: кулак с оттопыренными большим пальцем и мизинцем.

Я: “С туманом борются?”

Председатель: “Эксперименты проводятся...”

Я: “Почему все заводы сконцентрированы в одном городе?”

Председатель: “Ну так, очевидно, удобнее, рациональнее, это почти центр зоны, далеко от границ, все сконцентрировано в одном месте”.

И тут вдруг заходит Кирилюк. Весь взъерошенный, возбужденный, трясется, глаза выпучены.

Кирилюк: “Я не могу, не могу я это вытерпеть, как я буду жить?!”

Председатель, Кирилюку: “Зачем вы это сделали, как вам пришло это в голову, почему согласились, к вам же хорошо относились, вас любили...”

Похоже, председатель до сих пор думает, что Кирилюк – урод.

Кирилюк: “А-а-а! Я не переживу, всю жизнь поломал, я же привык, привык! Я надеялся!”

Мы замешкались, не знаем, что делать.

Председатель: “Вы очень плохо поступили...”

Кирилюк, схватившись за голову: “А-а-а-а!”

Денис бьет председателя кулаком в ухо.

Денис: “Заткнись, молчи!”

Бьет еще раз, еще.

Кирилюк уходит, Гебельс идет за ним. Председатель согнулся, положил голову на колени, держится за ухо обеими руками – Денис хорошенько приложился.

Денис: “Козлина! Видал, как он сообразил, как начал его обрабатывать, сволочь”.

Председатель сидит, согнувшись, и вновь плачет, мы некоторое время молчим.

Я: “Скажите еще. Рядом с этой зоной есть несколько подобных территорий, но гораздо меньшей площади. Что происходит там?”

Председатель молчит, только всхлипывает. Денис толкает его.

Денис: “Тебя спрашивают, сволочь!”

Председатель поднимает голову, трет ухо.

Председатель: “Я не знаю, не знаю, я знаю только про эту. Там они относительно небольшие, общая их площадь незначительна, они тоже ограждены, закрыты и охраняются”.

Я: “Вы знаете, что неофициальное название зоны – Лабрум?”

Председатель: “Нет. Официальное – Западная область отчуждения, ЗОО”.

Денис: “От епт, зоопарк...”

Вернулся Гебельс.

Председатель: “Это вы его подговорили, научили?”

Денис: “Слушай, ты что, тупой, с одного раза не понимаешь? Я мало тебе врезал? Счас по второму получишь!”

Денис: “Как он там, сильно расстроился?”

Гебельс: “Нормально...”

Гебельс: “У тебя семья есть?”

Председатель: “Есть, жена и двое уже взрослых детей”.

Гебельс, очень спокойно: “Это хорошо, это правильно...”

Чуть не забыл, надо же еще узнать про политическое устройство.

Я: “Как устроена система руководства в зоне?”

Председатель: “Она отличается от остальной нашей системы. Здесь нет губернатора, есть Советы по основным направлениям, каждый из них возглавляется Председателем. Подчиняемся напрямую правительству и президенту Объединенной Руси”.

Я: “Какие есть Советы?”

Председатель: “Совет по труду, по продовольственному и материальному снабжению, по природным ресурсам, по строительству, по транспорту, по жилищно-коммунальному хозяйству, по здравоохранению и Совет по охране правопорядка. Совет по обороне и контролю границ идет отдельно, он находится в Москве”.

Денис, скрестив ноги: “О-о-о-ой, ребята, я в туалет выйду, приперло. Следите за ним, а то он тока прикидывается, он опасный, гы-гы”.

Денис выходит. А я решаю спросить в лоб о нашей теории.

Я: “Не существует ли такого предположения, что туман может быть разумной субстанцией, неким большим мозгом?”

Председатель: “Я вам еще раз повторяю: я имею по этому вопросу весьма общую информацию”.

Я: “Как вы сами думаете?”

Председатель: “Ну вообще, какие-то исследования в этой области проводятся, такие слухи я слышал...”

Я: “Какие?”

Председатель: “Что туман, как вы говорите, нечто обладающее специфическим сознанием, разумом, и что он образует ментальную связь с жителями зоны, определенным, каким-то целенаправленным образом влияет на мозг и сознание человека”.

Я, Гебельсу: “Ну вот...”

Председатель: “Скажите, кто же вы такие? Из Европы, агенты?”

Гебельс: “Думаешь, он ушел, дак никто тебе подзатыльника не влепит?”

Ошибаешься...”

Неожиданно распахивается дверь, забегает Денис, он запыхался и сильно возбужден.

Денис: “Там, ху-ху-ху. Там это! Ху-ху. Кирилюк повесился!”

Мы втроем выбегаем из комнаты, председатель остается.

Гебельс: “Где?!”

Денис: “Сюда, сюда, около машины там”.

Бежим к машине, это дальний угол парковки. Я уже отсюда вижу, как он висит и дергается под потолком. Доигрались, смерть...

Мы с Денисом прибегаем первыми, но не знаем что делать, растерялись.

Гебельс, кричит на бегу: “Поднимайте, поднимайте его за ноги, придержите!”

Денис обхватывает его ноги и приподнимает, я лезу по машине отвязывать веревку. Она не развязывается, узел сильно затянулся. Кирилюк еще хрипит, значит, еще не умер.

Подбегает Гебельс, протягивает мне нож – срезаю веревку. Кириллук крестится на Дениса – и они оба падают.

Гебельс: “Хух-хух-кхе-кхе, зачем, зачем ты это сделал, дурак? Кхе-кхе”.

Гебельс проверяет пульс.

Гебельс: “Есть, живой вроде”.

Денис ладонями бьет Кириллука по щекам, тот начинает хрипеть сильнее, потом кашляет, делает глубокие сопящие вдохи.

Денис: “Живой!”

Он еще несколько раз ударяет по щекам – Кириллук открывает глаза. Очнулся, повернулся на бок, кашляет и тяжело дышит.

Денис: “Дурень!”

Гебельс: “Тихо, тихо, все нормально, успокойся, просто переволновался...”

Наблюдаем за Кириллуком, он все никак не может нормально отдышаться.

И тут вдруг слышим звонкий удар у ворот – поворачиваемся все туда. Там председатель, он отодвинул засов и открывает дверь. Мы совершенно о нем забыли, оставили одного.

Денис: “Э! Стой, стой падла! Стой!”

Денис срывается и бежит туда, я за ним. Председатель открыл дверь и уже вышел наружу. Бежим со всех ног. Упустили!

Добежав до ворот, я устаю, не могу больше бежать, поэтому выхожу и только наблюдаю, как Денис бежит за председателем, настигает его. Догонит, определенно должен догнать. Мы так глупо оставили его там одного, вот он и решил удрать. Но не получилось: Денис уже догнал его, повалил на землю и лупит кулаками. Хоть бы не забил насмерть, бегу туда.

Председатель, кричит: “Не надо, не надо, хватит”.

Денис: “Ишь чего удумал, тварь!”

Я: “Хватит, хватит, а то убьешь”.

Денис снимает свою маску, видимо совсем упарился в ней от этой беготни, мне тоже очень жарко, но я не снимаю, терплю.

Денис: “Встал! Как тебя там... Никита Сергеевич, подъем!”

Председатель продолжает, скорчившись, лежать, заслоняется руками. Денис поднимает его за воротник и толкает коленом в спину.

Денис: “Пошел!”

Председатель рыдает, у него истерика.

У ворот нас ждет Гебельс, оглядываясь по сторонам. Когда мы подходим ближе, он подбегает, размахивается и сходу бьет председателя кулаком в живот. Председатель сгибается, стонет, ему перехватило дыхание.

Гебельс: “К тебе же по-хорошему, а ты что...”

Председатель, кашляя, едва слышно: “Извините, простите меня”.

Он не может разогнуться и глубоко вдохнуть, хватая ртом воздух. Закрываем ворота, тащим его в камору.

В каморе бросаем его на пол, Денис еще пинает несколько раз ногой.

Денис: “Из-за тебя он чуть не повесился, потом ты еще и сбежать хотел – что теперь надо с тобой делать, а? Мне терять нечего, ты мое лицо видел – буду убивать тебя!”

Председатель начинает умолять, плакать и скулить.

Председатель: “Нет, нет, прошу вас, не надо, не убивайте меня. У-у-у-у, э-э-э, не надо! Пожалуйста!”

Неужели Денис в самом деле собирается его убить?

Денис: “Где Кирилюк?”

Гебельс: “В машине”.

Денис: “Он там не, снова не ползет?”

Гебельс: “Нет”.

Денис, председателю: “Пойми, у меня нет другого выбора, кроме как прикончить тебя. Ты так сильно меня разозлил! Да и так будет проще, сразу решится куча проблем”.

Берет битку и начинает лупить председателя, потом бросает ее, берет мой прут и продолжает уже им. Так впрямь может забить до смерти – я подхожу и останавливаю его, сдерживаю.

Я: “Погоди, погоди, хватит пока, погоди!”

Председатель скрутился на полу, обхватил голову руками, лежит, тихонько плачет и стонет.

Гебельс: “Посади его”.

Денис тащит председателя до стула по полу, поднимает и усаживает на стул, придерживая, чтоб не упал. Тот корчится, стонет, у него разбита губа и по бороде течет кровь, капая на колени.

Гебельс: “И как нам теперь тебя отпустить после всего этого, мирно уже не получится...”

Председатель: “Я ничего никому не скажу”.

Гебельс: “А побои спросят откуда?”

Председатель: “Скажу, что споткнулся”.

Гебельс: “Гы-гы-гы, это где ж так можно споткнуться?”

Продолжать разговор дальше нет смысла, да и все, что хотел, я с большего узнал. Теперь главное, чтобы они его действительно не решили убить. Я киваю Гебельсу и Денису – выйти посоветоваться.

Денис, выходя: “Ну все Никита Сергеевич Кузнецов, молись кому ты там молишься, вернись – будет конец фильма. Смерть!”

Председатель хватает его за руку, причитает.

Председатель: “Нет, нет, нет. Пожалуйста! А-а-а-а, э-э-э, нет, ы-ы-ы, прошу вас!”

Денис отталкивает его и пинает ногой.

Выходим, Гебельс подпирает дверь битой, блокируя ручку.

Я: “Пойдем, отойдем чуть дальше”.

Денис: “Пошли к Кирилюку”.

Кирилюк лежит в салоне машины, на задних сидениях, свернувшись и поджав ноги.

Гебельс: “Как ты, отошел?”

Кирилюк: “Вроде да”.

Денис: “С чего же это ты надумал?”

Кирилюк: “Не знаю, нашло что-то”.

Денис: “Сейчас в петлю уже не тянет?”

Кириллюк: “Нет. Я передумал еще тогда, когда, затаив ее, прыгал с машины, но было уже поздно”.

Гебельс: “Нашел из-за чего... Станешь нормальным, как все”.

Кириллюк: “Что с председателем?”

Денис: “Я его слегка поколотил, а так ничего. Вот гад, удрать, понимаешь, хотел!”

Я: “Ты хоть не собираешься его убивать?”

Денис: “Нафиг он мне, нет конечно, я и не смогу”.

Гебельс: “Что делать будем?”

Денис: “Поколоти его еще и отпустим. Только надо что-нибудь такое придумать, напугать так, чтоб он боялся все рассказать”.

Я: “Что придумать?”

Денис: “Ну что, мол, нас много, лучше ему помалкивать, если что – устроим погромы во всей зоне, а его найдем и тогда точно зарежем”.

Я: “Он тут временный человек, это его не испугает”.

Гебельс: “Короче, скажем, что мы из специального российского отдела, который типа отыскивает предателей, борется с изменниками, и что мы его раскололи, вывели особо секретную информацию. Это как бы были испытания, и он их не выдержал, но ему, как ценному сотруднику, дается еще один шанс, и сейчас он будет под контролем”.

Денис: “Ну Гебельс, ну голова! Не подкопаешься, будет молчать как немой”.

Неплохой план, возможно, сработает. Уточняем детали, кто, что будет говорить, для максимальной достоверности распределяем роли. Возвращаемся, первым будет заходить Денис, он его подготовит, припугнет, Гебельс дождет, ну а я играю роль командира группы.

Денис входит.

Денис: “А что это такое? Что это с ним?! Чего он синий такой? Эй, сюда идите, тут что-то не то!”

Председатель неподвижно лежит на полу, голова откинута на бок, и он весь синий, лицо темно-синее, губы – почти черные.

Денис: “Чего это такое? А?!”

Гебельс склоняется над ним, шупает пульс.

Гебельс: “Нету – он мертв”.

Денис: “Как это мертв? Вообще?”

Гебельс, спокойно: “Умер он”.

Денис: “Сдох?”

Гебельс: “Да, не видишь что ли...”

Денис: “Почему?”

Гебельс: “Откуда я знаю”.

Я: “Мне кажется, это сердечный приступ, вон какой синий стал. Испугался сильно, переволновался...”

Гебельс, Денису: “Это все ты: убью, убью... Он со страху и оочурился”.

Денис: “Я-то причем. Я ж не знал, что он сердечник”.

Этого и следовало ожидать, вот именно этого я и боялся сегодня больше всего, что без смерти не обойдется.

Я: “Что делать будем?”

Денис: “Я до него не дотронусь”.

Гебельс: “Тоже мне... Революцию хочет, а трупа боится”.

Денис: “Я не боюсь, просто не хочу трогать”.

Гебельс: “Натворили мы, друзья, делов...”

Денис: “Мне его не жалко”.

Гебельс: “Я тоже слез лить не собираюсь, но неприятно, вроде и наша вина есть”.

Денис: “Косвенно”.

Я: “Все равно есть...”

Гебельс: “Ладно, что над ним стоять, пошли посоветуемся”.

Денис: “Точно он уже того?”

Гебельс: “Можешь попробовать сделать искусственное дыхание, если не веришь, гы-гы”.

После всех сегодняшних перипетий, всего этого адреналина, я уже не чувствую сильного потрясения от смерти председателя. Не могу сказать, что мне его жалко, но, как ни крути, в этом есть наша вина, и она будет висеть на мне тяжелым грузом, и я знаю, что буду долго корить себя за это. Поразительно спокойно ведет себя Гебельс, все-таки, пожалуй, я не все о нем знаю...

Гебельс: “Как бы его надо похоронить...”

Денис: “Закопать”.

Гебельс: “Ага, да, где ж ты его тут закопаешь, а до леса задолбаешься тащить”.

Денис: “На машине можно”.

Гебельс: “Нет, лишние свидетели ни к чему, машина приметная, запомнит кто-нибудь из прохожих”.

Денис: “Епт, это же надо – помер!”

Гебельс: “Я думаю, надо его оставить тут. Накроем чем-нибудь, да и все”.

Я: “Это неправильно, надо хотя бы сжечь”.

Гебельс: “Да, отличная идея, давай еще пожар устроим, чтоб все видели, все сбежались... Надо обойтись без шумихи. Нет, просто закроем его в гараже, повесим замок, никто сюда сто лет не полезет”.

Денис: “Это ты плохо в этот раз придумал. Так будет ясно, что его похитили организованно, похитили и убили. Надо так, чтобы подумали, что это водитель-урод его убил”.

Гебельс: “Может и так... Тогда запирать не будем, оставим ворота открытыми”.

Подошел Кирилюк, он уже гораздо спокойнее, даже слегка улыбается.

Кирилюк: “Что тут у вас?”

Денис: “Радуйся, шито-крыто твое дело вышло, ничего он не скажет”.

Кирилюк, улыбаясь: “Язык отрезал?”

Денис: “Гы-гы, язык... Помер он!”

Кирилюк: “Как?!”

Денис: “Вот так”.

Кирилюк: “Убили?”

Денис: “Да ну тебя, сразу убили, я не зверь. Сам по себе взял и сдох”.

Я: “От сердца, испугался”.

Кирилюк заглянул в камору, посмотрел на труп.

Кирилюк: “Что делать будем?”

Денис: “Так спокойно? Не жалко тебе его?”

Кирилюк: “Чего его жалеть? Я чуть суицид из-за него не совершил, туда ему и дорога. Хоронить будем?”

Гебельс: “Нет, мы решили его тут оставить”.

Кирилюк: “И вправду так будет лучше, пусть думают, что урод помешался, мозги заклинило”.

Гебельс: “А тебе новые документы сделаем, на местного”.

Денис: “Все хорошо, что хорошо кончается, гы-гы-гы”.

Гебельс: “Не, а давайте знаете что, в голову сейчас пришло, типа под аварию все сделаем. Разгоним машину и в стенку – бах!”

Я: “И он в машине будет просто валяться, это не по-человечески”.

Гебельс: “Опять ты, Кристоф, со своим гуманизмом. Хорошая ведь идея”.

Кирилюк: “Пусть уж так лежит, прикроем чем-нибудь сверху, и пусть лежит. А машину можно разбить”.

Так все и сделали: Кирилюк разогнал машину по гаражу, выпрыгнул на ходу – она в стенку, капот смялся почти до лобового стекла; перенесли председателя к разбитой машине, накрыли шмотками, чехлами с сидений. Максимально убрали и подчистили следы, какие мы оставили в камере, что могло навести на след. Разошлись по одному, Кирилюк пока поживет у Гебельса. Завтра собираемся у меня – обсудить произошедшее.

Я одновременно испытываю волнение, страх, потрясение и вину.

76.

Сегодня они не пришли, прождал их до позднего вечера, абсолютно никуда не выходил. Волнуюсь... Наверное что-то произошло, может быть за ними уже пришли, может они уже арестованы... Этого и следовало ожидать, как-никак был похищен и доведен до смерти не рядовой житель или рабочий, а высшее должностное лицо, председатель Совета. Но сейчас уже поздно и бессмысленно куда-то идти, искать их, узнавать. Буду сидеть дома, если меня выдали, то схватят в любом случае, а если нет, то лучше на время затаиться и не высовываться.

77.

Ночью не спал, так и не смог уснуть из-за сильного волнения. Прислушивался, ждал, что вот-вот дверь откроется и меня арестуют, точнее мне постоянно казалось, что должны прийти непременно с оружием и с порога начать стрелять. Представлялся хаос и паника на улицах, вследствие розыска преступников и проверок, а эта абсолютная тишина в квартире еще больше усугубляла все страхи и фобии. Весь день не находил себе места, не знал как поступить: действовать или ждать – ходил по квартире из комнаты в комнату, состояние от волнения стало переходить к психозу. Вдобавок меня начало пожирать чувство вины за смерть человека, к которой я так или иначе был причастен.

К вечеру не выдержал, невозможно терпеть это давление, если меня караулят – пусть лучше арестуют. Упаковал в рюкзак самые необходимые вещи, одежду, взял немного еды, налил двухлитровую бутылку воды. Набрался смелости и уже собрался выходить, но наконец-то пришли Гебельс с Денисом, услышал их голоса в коридоре.

Я: “Ну где ж вы были? Почему вчера не пришли? Я с ума схожу!”

Денис: “В уroda превращаешься? Гы-гы-гы”.

Я: “Не смешно, я не знал, что делать...”

Гебельс: “А ты думаешь легко отойти от такого количества спиртного, столько дней пить?”

Денис: “Какие дни, недели...”

Гебельс: “Я уже счет им потерял. У тебя дома весь пол можно бутылками заставить, столько мы выпили за это время! Страшнейшее похмелье!”

Денис: “И плохое настроение – депрессия”.

Гебельс: “Мозги бунтуют в голове, я думал сдохну”.

Денис: “Моя башка чуть не взорвалась!”

Я: “От местных я все время слышу, что водка идет только на пользу”.

Гебельс: “Но не столько же, не в таких лошадиных дозах!”

Денис: “Еще и брали что попало и у кого попало...”

Я: “Ладно, как дела, все тихо?”

Гебельс: “Тихо. Ничего такого мы не заметили, туда, конечно, не ходили проверять и не пойдем, облава может быть, если нашли”.

Денис: “Ничего подозрительного”.

Я: “Где Кирилюк?”

Гебельс: “Сегодня переселили его, он тут неподалеку от тебя. Надо ему документы искать”.

Я: “Есть возможность?”

Гебельс: “Пока нет”.

Денис: “Если обещали – сделаем”.

Вид, что у одного, что у второго, крайне нездоровый, даже на фоне не самого бодрого вида местных жителей в целом. Темные мешки под глазами, бледные лица, пересохшие губы, красные глаза, трясущиеся руки, Гебельс тяжело и часто дышит.

Я: “Вы как-то плохо выглядите, если честно”.

Гебельс: “Я же тебе говорю: не пьем, мучаемся. Вчера вообще ни капли”.

Денис: “Страдаем!”

Гебельс: “И все, хватит, я лично прекращаю это дело. Решил твердо – хватит! А то так или попрем раньше срока, или ядерную войну затеем, гы-гы. У меня вот сегодня в голове просто-таки не укладывается, такое провернули. Накуролесили! Подумать страшно: председателя Совета похитить...”

Денис: “И до смерти замучить...”

Гебельс: “Не-не-не, все. Сто грамм в день для профилактики и все”.

Денис: “Максимум сто пятьдесят”.

Гебельс: “Мне хватит и сто”.

Я: “Я вас не узнаю”.

Денис: “Я сам себя не узнаю”.

Гебельс: “Еще бы дня три так попил, я бы сам себя на Вы уже называл, гы-гы-гы”.

Денис: “Сегодня утром мне аж повеситься хотелось, как Кирилюку”.

Гебельс: “Водка – дело жуткое и опасное, особенно здесь, в голове непонятные процессы от нее творятся, честное слово. Проблема в том, что и совсем без водки никак, даже еще хуже”.

Денис: “Это называется – палка о двух концах”.

Гебельс: “Это называется – надо знать меру!”

Денис: “Культура питья... Гы-гы-гы”.

Гебельс: “Не знаю как вы, а я в подобное больше не ввязываюсь, и не предлагайте даже. Работаю себе спокойно, мусор вожу и все”.

Мы с Денисом промолчали, скорее всего, он, также как и я, согласен с Гебельсом: хватит приключений. Мне, по правде сказать, хочется немного выпить, похмелиться, потому что болит голова.

Я: “А сегодня вы уже по сто грамм приняли?”

Гебельс: “Приняли, больше не надо”.

Денис: “Я бы с кровати не встал”.

В таком случае и я не буду, потерплю.

Гебельс: “Надеюсь никому объяснять не надо, что держим язык за зубами? Никому, ничего, ни полслова, ни намека – молчим”.

Денис: “Понятное дело...”

Гебельс: “С этой минуты – мы все забыли, не вспоминаем, даже между собой не обсуждаем. Ясно?”

Денис: “Понятно”.

Гебельс: “Ты, Кристоф, если куда-то записываешь, то тщательно спрячь эти бумаги, а лучше пока вовсе не записывай”.

Я: “Я спрячу”.

Гебельс: “Все ребята, расходимся, забываем, живем тихо и мирно”.

Денис: “А если вдруг что, всего два дня прошло, еще могут прийти...”

Гебельс: “Вы ничего не знаете, нигде не были, ничего не делали, не в курсе дела...”

Денис: “Ясно”.

Гебельс: “Расходимся”.

Они ушли. Не очень приятно оставаться одному с этой тайной, думаю, я буду постоянно тревожиться, все это будет сидеть во мне. Надо отвлечься, постараться на время забыть об этом – возьму в библиотеке побольше книг и займусь чтением.

79.

Вчера с утра и до поздней ночи читал, вечером даже не пошел в продовольственный, хоть дома совершенно не осталось продуктов. Читал, читал, читал без остановки, чтобы занять голову, чтобы немного успокоиться. Тревожное, напряженное состояние из-за неясности и неуверенности в будущем, я не знаю, как поступить и что надо делать. Многое стало понятно, я обладаю информацией, можно уже сложить цельную картину происходящего здесь, но я не знаю, что с этим делать и как к этому относиться.

Вряд ли председатель врал, он не мог на ходу так быстро придумывать столь логически взаимосвязанные факты. Кроме того, сказанное им поразительным образом подтверждает нашу самодельную умозрительную теорию, которую мы выдвинули исходя

из того, что знали и видели на тот момент, из предположений и, в некотором роде, из желаний (всегда хочется, чтобы мир был сложнее, чем мы его видим, чем он есть).

Я попытаюсь собрать все воедино, сделать выводы, не исключено, что в чем-то я ошибаюсь, заблуждаюсь, сейчас для меня это не важно, мне необходимо объединить все в общую теорию для того, чтобы подумать о будущем.

Главное, основополагающее – Туман. Это сложное явление, которое представляет собой в определенном смысле разумное существо, точнее субстанцию. Но этот разум функционирует по гораздо более сложным принципам, очевидно, на более высоком уровне, чем наш, то есть он совершенно другого толка, но суть та же. Предполагаю, раз присутствует разум, то есть и сознание, Он осознает себя, планирует, предвидит, осуществляет целеполагающую деятельность. При этом есть непосредственная связь или, скорее, влияние на сознание человека, возможно даже, что Он участвует в его формировании. Почти уверен, что Туман не является детищем человечества, мне не известны разработки, технологии, научные изыскания, которые могут хотя бы приблизиться к сотворению подобного искусственного интеллекта. Нет, Он не искусственного происхождения, Он рожден естественным, объективным путем. Предпосылок для рождения новой формы сознания здесь, на Земле, в столь короткие сроки, нет, поэтому логично предположить внеземное происхождение. Разумная субстанция внеземного происхождения... Он попал на Землю, на территорию Беларуси случайно или целенаправленно, немного расплескавшись, и сейчас обживаетея. Именно то, что он представляет собой чистый разум, без биологической оболочки, без тела, дает ему возможность перемещаться на большие расстояния, справляться с ограничениями физического мира, пронизывать пространство-время. Другой вопрос, что он может быть не самодостаточным существом, а лишь средством, быть посланным с определенным умыслом.

Конечно, все это можно опровергнуть, это кажется невозможным и сверхъестественным, у меня нет никаких доказательств, полученных опытным путем, научных подтверждений, но данная гипотеза является вполне логичным выводом из моих собственных наблюдений, рассуждений и со слов председателя. Я долго думал над этим, в разных направлениях, категориях, смыслах и всегда приходил к одному выводу. И мне достаточно того, что в это верю я...

Казалось бы, после таких выводов, мне надо бежать из Лабрума, как можно скорее и навсегда. Однако кто сказал, что внеземное, инопланетное обязательно желает нам исключительно зла, хочет непременно уничтожить или захватить человечество? Я считаю, что необязательно должно быть так, а в данном случае, мне кажется, что имеет место симбиоз, сотрудничество, которое выведет человечество на следующую, более высокую ступень развития на нашем пути к Абсолюту. Туман, несомненно, ближе к нему, потому как уже освободился от ограничений биологического тела, стал надфизической сущностью. Именно поэтому я хочу, чтобы моя теория оказалась правдой и подтвердилась, поскольку для человечества, видимо, уже нет другой возможности перейти на следующий этап эволюции самостоятельно, мы слишком ограничены и слишком заняты самими собой. Как ни странно, у меня вновь появилась надежда и вера в человечество. Вероятно, настало то время, мы дошли до той точки, когда иной способ невозможен, поэтому Он нас посетил, пора... Готовы ли мы? Думаю, готовы, но не все...

Могу ли я теперь покинуть Лабрум – конечно же нет. Определенно, главные события в нашей истории сейчас происходят здесь, в таком случае разве могут быть еще какие-то более важные вопросы – для меня нет. К тому же неизвестно, смогу ли в принципе выйти из Тумана живым, если он в виде исключения впустил меня, то это еще не значит, что так же легко выпустит. Да, у меня есть сведения, которые должны быть обнародованы, и есть те, что должны стать известны правительствам мировых стран, так как наращивание вооружения Объединенной Русью, негласное корыстное использование территории Лабрума для производства современного оружия и в качестве плацдарма может в конечном итоге привести к крупномасштабному военному противостоянию, если не отреагировать и не воспрепятствовать этому вовремя. А любая война подобного размаха в мире тотчас же перерастет во всеобщую угрозу существованию человечества на Земле. Осознавая все это, понимаю и другое: эти сведения приведут к вторжению в Лабрум, что помешает налаживанию связи, Контакта. Присутствуют и сомнения в адекватности восприятия информации общественностью, как обычно, не разобравшись, поддавшись панике и страху перед неизведанным, мы можем натворить много непоправимых ошибок. Еще не настало время...

Жители Лабрума изначально показались мне угнетенными и притесняемыми, ограниченными в свободе, их жизнь виделась мне средневековым существованием. Теперь же считаю, что в своем развитии они опережают остальной “цивилизованный” мир, ведь эволюция ни в коей мере не определяется наличием материальных благ современной жизни. И я хочу стать частью этого общества, этого процесса, этого симбиоза, стать частью Лабрума.

80.

Все-таки пришлось вновь начать травить себя алкоголем, нарушая связь, потому что слишком сильно, нестерпимо болит голова, по всей видимости, это побочное явление.

Встретился

[...]

Если внимательно прислушаться к своим ощущениям, контролировать работу своего мозга, постараться описать свойства личного сознания, то можно ощутить эту связь. Я чувствую единение с Абсолютом, а ведь это и есть самое главное для человека. Дать ему определение можно по-разному, но

[...]

[...]

Безмерно люблю и уважаю всех этих людей. Никогда еще у меня не было таких друзей, настолько близких и дорогих, после родителей – это самые близкие мне люди на Земле. Мы все вместе, мы связаны – Он нас связывает...

95.

Не веду дневник, теперь не вижу в этом смысла.

Посоветовался с Сергеем, и мы решили поместить все мои записи к нему в библиотеку, также он настоял, чтобы вместе с дневником, в одной папке хранились и эти его фотографии, которые делал отец, он считает их настолько же важными, как и мои

записи. Какое-то время дневник и фотографии будут храниться в библиотеке, может быть, в будущем буду искать возможность переправить их из Лабрума. Но не сейчас...

Для меня уже все ясно, нет сомнений, в голове сложилась общая, единая и логичная картина мира, Теория Всего. Посему нет надобности, незачем об этом думать дальше, надо просто жить, чувствовать, верить и жить. Когда знаешь Суть, так легко и приятно становится жить...

161.

Я остаюсь в Лабруме навсегда, иного уже не представляю.

За последние два месяца многое поменялось здесь в моей бытовой жизни. Теперь я не гость, а полноправный житель, и несказанно этому рад. Друзья помогли сделать мне документы коренного жителя, я устроился на работу, напарником к Сергею на КНС, переехал в жилой дом, переселился не один, сейчас у меня кроме друзей есть и семья, мы живем с Машей вместе, в доме Сергея, скоро узаконим отношения.

Это последняя запись в дневнике. Но это не конец, это только начало. Начало!

Конец дневника

Цифровые копии фотографий для ознакомления (разрешение девятьсот на семьсот пикселей) доступны на веб-странице по ссылке: <http://maximdosko.com/labrum-photo>. При необходимости фотографии в полном разрешении могут быть высланы участнику конференции на электронную почту. Оригиналы фотографий хранятся в Берлинской национальной галерее.

Минск, 2017